18+
ЭЛЬФРИДА
ЕЛИНЕК
чисто рейнское
ЗОЛОТО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эссе для сцены австрийской писательницы и драматурга, лауреата Нобелевской премии Эльфриды Елинек написано в духе и на материале оперной тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга». В свойственной ей манере, Елинек сталкивает классический сюжет с реалиями современной Европы, а поэтический язык Вагнера с сентенциями Маркса и реальностью повседневного языка.

- Эльфрида Елинек
  -
  - Розовая нить норны эльфриды
  - чисто рейнское Золото: Эссе для сцены
  - Библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115

- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156

Эльфрида Елинек
чисто рейнское Золото

Elfriede Jelinek. rein GOLD
Печатается с разрешения издательства Rowohlt Verlag GmbH.

© 2013 by Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, Germany
© Александр Филиппов-Чехов, перевод
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Розовая нить норны эльфриды

Я длила не прерывая свое высказывание о том чем является данный человек пока у меня было не множество вещей а единая вещь.

Г. Стайн. Портреты и повторы

Первой драмой Эльфриды Елинек была переработка «Кукольного дома» и «Столпов общества» Ибсена и носила название «Что случилось после того, как Нора ушла от мужа, или Столпы общества» (1977, 2013). Потом была «Облака. Дом» (1988), нашпигованная цитатами и образами из Гёльдерлина, *er nicht als er* (1998) – оммаж «личному святому» Елинек, по ее собственному выражению, Роберту Вальзеру, а еще *FaustIn and Out* (2012). Уже после *rein GOLD* — «Опрошенные» (*Die Schutzbefohlenen, 2014*) по «Просительницам» Эсхила на тему мигрантов в Европе, таким образом, *rein GOLD* – привычная для Елинек форма симбиоза с классическими текстами и изложения присущих им смыслов в актуальном значении.

Жанр *rein GOLD* определен как «эссе для сцены», а не «пьеса»; это могло бы объяснить многочисленные цитаты из «Капитала», многочисленные намеки на скандальную историю с кредитом для бундеспрезидента Кристиана Вульфа и указания на историю Национал-социалистического подполья, однако само название практически напрямую отсылает к первой опере из цикла Вагнера «Кольцо Нибелунга», а длина реплик, их внутренняя композиция и стилистические особенности (множественные аллитерации и порой основанные на них свободные ассоциации, повторы, длительные периоды) непосредственно подразумевают оперную тетралогию. Без знания, хотя бы поверхностного, ее сюжета понять множество пассажей *rein GOLD* едва ли возможно.

В центре событий оперного цикла, пусть и не всегда напрямую связанных с золотом и вполне в духе древнегреческой трагедии описывающих многочисленные перипетии этой истории, стоит фигура Зигфрида. Собственно, начинается сюжет тетралогии не с первой сцены «Золота Рейна», условной завязки событий, а с событий, изложенных норнами в прологе «Гибели богов»: у корней мирового древа ясеня Иггдрасиль, символизирующего собой саму жизнь, у источника Урд (судьба)

сидят три норны: Урд (судьба, прошлое), Верданди (становление, настоящее) и Скульд (долг, будущее). Норны плетут нить судьбы, которую во сне или в пророческом экстазе прозревает их мать Эрда (земля). У второго источника живет великан Мимир, который охраняет воды источника, дарующего мудрость. Именно ради того, чтобы испить этой воды, Один пожертвовал глазом. Кроме того, Один провисел 9 дней на ветвях ясеня, чтобы добыть руны, после чего отломил ветвь дерева на древко своего копья и начертал их на нем. Ясень тут же начинает увядать, его листва облетает, а источники пересыхают. Завладев рунами, Вотан присвоил себе власть, а записав их на древке, создал основу нового общества и мирового порядка – договор. Нарушив свободу природы, лишив ее невинности, Вотан с самого начала своим поступком предрешил гибель богов.

«Золото Рейна»: Карлик Альберих из рода Нибелунгов узнает от дочерей Рейна тайну золота, сокрытого на дне реки: отказавшийся от любви и сковавший из золота кольцо получит абсолютную власть над людьми и богами. Карлик завладевает золотом. Великаны Фафнер и Фазольт строят для верховного бога Вотана и его жены Фрики крепость Вальгаллу, им в награду обещана богиня юности и любви Фрейя. В ее саду растут золотые яблоки, которые и обеспечивают вечную жизнь богов. Бог огня Логе уговаривает великанов взять вместо Фрейи меру золота. Вотан и Логе спускаются в царство гномов Нибельхайм, чтобы отнять золото Рейна у Альбериха, поработившего своих собратьев и заставляющего добывать их золото, а своего брата Миме ковать магические артефакты, меч и шлем-невидимку. Боги берут Альбериха в плен и отнимают волшебный шлем и кольцо. Альберих проклинает кольцо и его обладателя. Великаны требуют золота столько, чтобы им можно было полностью покрыть Фрейю. Не хватает совсем немного, и Эрда, богиня земли и мудрости и прародительница жизни, убеждает Вотана отдать и проклятое кольцо. Проклятие вступает в силу, и Фафнер убивает брата и удаляется с выкупом. Боги шествуют в Вальгаллу, однако Логе предрекает им гибель.

«Валькирия»: В хижине Зиглинды ищет укрытия Зигмунд, сын Вотана и смертной женщины, его мать была убита, а сестра похищена. Муж Зиглинды замечает сходство между ними и понимает, что она сестра незнакомца. Подсыпав мужу снотворное, девушка показывает Зигмунду меч, который вонзил в ясень одноглазый незнакомец и который никому не удавалось вытащить. Зигмунд понимает, что это завещанный ему меч отца Нотунг, и узнает сестру. Они влюбляются друг в друга и бегут.

Вотан, видя их страсть и побег, по наущению Фрики решает убить Зигмунда и призывает свою дочь валькирию Брунгильду. Однако она решает спасти героя, закрыв его во время поединка своим щитом, что вызывает гнев Вотана, который поражает героя копьем, сломав меч, и преследует Брунгильду. Валькирия раскрывает Зиглинде тайну о ее будущем сыне Зигфриде, которому суждено стать величайшим героем, и прячет ее в лесу, где великан Фафнер, превратившись в змея, охраняет золото Рейна. Вотан в наказание усыпляет валькирию и предрекает ей стать женой первого, кто ее разбудит. Вокруг спящей дочери он разводит огонь, преодолеть который сможет только герой. Вотан в безумном отчаянии прощается с любимой Брунгильдой.

«Зигфрид»: Зигфрида воспитывает Миме, который надеется заполучить кольцо. Карлика посещает в образе странника Вотан и рассказывает, как снова выковать меч из обломков Нотунга. Зигфрид забирает кольцо и убивает Фафнера, кровь которого попадает ему на язык, после чего юноша начинает понимать язык птиц и отправляется на поиски спящей Брунгильды. Вотан настигает его, но Зигфрид ломает копье бога. Он проезжает сквозь пламя и обручается с Брунгильдой.

«Гибель богов»: Король Гунтер из рода Гибихунгов и его сестра Гутруна беседуют с Хагеном, сыном Альбериха. Хаген внушает Гунтеру страсть к Брунгильде, однако не рассказывает, что она замужем за Зигфридом. Тот выпивает волшебный напиток и, забыв жену, влюбляется в Гутруну. Взамен на замужество с ней он обещает помочь Гунтеру завладеть Брунгильдой. Одна из сестер-валькирий, Вальтраута, уговаривает Брунгильду отдать кольцо дочерям Рейна и тем самым предотвратить гибель богов. Однако кольцо у нее отнимает Зигфрид. Играют двойную свадьбу, после чего Брунгильда, движимая желанием мести, открывает Хагену уязвимое место Зигфрида. На охоте Хаген убивает Зигфрида, однако перед смертью тот выпивает напиток, возвращающий память, и вспоминает о любимой. Хаген смертельно ранит Гунтера, но не может снять кольцо с пальца Зигфрида. Это делает Брунгильда и возвращает его дочерям Рейна, после чего вскакивает на коня и бросается в погребальный костер Зигфрида, обвиняя Вотана в его гибели. Огонь перекидывается на замок, Вальгалла горит, а боги погибают в пламени. Хаген тонет в Рейне, после чего в реке вновь резвятся русалки, играя с кольцом.

Работа над либретто к оперному циклу начата Вагнером в

1848 году, полностью же партитура тетралогии была завершена спустя 26 лет, в 1874 году. Таким образом, текст опер несет на себе дух революционных для Германии лет, в это время Вагнер тесно общался с Михаилом Бакуниным (помимо всего прочего, первым переводчиком «Манифеста коммунистической партии» Маркса). При этом Вагнер основывает тетралогию не на куртуазно-рыцарской «Песни о Нибелунгах», а на архаичной Эд-де в переводе Зимрока, а также на справочной «Немецкой мифологии» Гриммов (полностью Вагнер перечисляет использованные им источники в письме Францу Мюллеру от января 1856 г.), что объясняет многочисленные пересечения с традиционными немецкими сказками. Более того, структура и содержание тетралогии Вагнера повторяют, насколько об этом можно судить по дошедшим до нас фрагментам, тетралогию «Прометеи» Эсхила: похищение – заключение – освобождение. Это сходство Вагнер подчеркивал и сам, изначально дав операм первого вечера общее название «Похищение золота Рейна». Переклички между двумя этими произведениями продолжаются в системе персонажей, причем ближе всего оказываются образы Прометея и Брюннхильде (и в продолжение: Зевс – Вотан, Гера – Фрика, Гея – Эрда, Ио – Зиглинда). Однако в четвертой части у Эсхила происходит восстановление божественного порядка, у Вагнера же – вполне в духе его программных текстов о революции («Революция», 1848; «Искусство и революция», 1849), в которых он говорит о своих операх как об искусстве будущего, а будущее возможно только через революцию – гибель богов.

У Елинек Вагнер неотделим от национал-социализма, да и вся символика заимствована нацистами из германского эпоса через Вагнера. Но перешагивая через этот трюизм, Елинек выводит на первый план символику современного Национал-социалистического подполья (мультфильм о Розовой пантере), оставляя мифологизированную эмблематику как бы за скобками.

Цитаты из Вагнера, Маркса выделены в тексте курсивом. В ряде случаев их значение меняется в зависимости от контекста, поэтому в сносках приведены оригинальные фрагменты из либретто тетралогии с указанием названия оперы, действия и сцены. По-русски цитаты приводятся в переводе В. Коломийцева по изданию: Г. Гёлль. Мифология германских богов. Р. Вагнер. Северная сага о Нибелунгах (М.: Белобог, 2013).

Переводчик хотел бы высказать свою благодарность коллегам Ирине Алексеевой, Татьяне Баскаковой, Ганне-Марии Браунгардт, Анне Глазовой, Габриэлле Лёйпольд, Кристиану Цендеру,

Клаудии Цехер и всем участникам переводческой мастерской Vice-Versa 2015 г. в Дивногорске, где впервые был представлен этот перевод.

чисто рейнское Золото: Эссе для сцены

Б.: Брюннхильде
В.: Вотан, странник

Б.: В общем, я попробую уточнить, это несколько деликатное дело, это не так просто. В общем, так. Папа приказал возвести этот чертог, а теперь не может выплатить кредит. Такое бывает буквально в каждой второй семье. Трупы инструментов и станков уже убрали, великаны использовали ковши своих рук, что наверняка не соответствовало их изначальным желаниям. И что они за это получили? В чем заключалась их работа? В чем оплата? Так они и думали, что на пути встанут и другие странники, будут шататься вокруг, бесстыдные странники, э-э-э, перехожие путники права. Когда дело дойдет до оплаты, о великанах вспомнят в последнюю очередь. Как руки тянуть, так они первые. Но это им не поможет. С чего бы другому возвращать то, что один украл? Все, что плохо лежит, прекрасная женщина, например, почему бы им ее не забрать, почему бы не им наживаться на ее талантах? Так и получат они с этого больше первых, они ведь тяжелее, им и в рост давать не надо: просто женщина или женщина как форма товара или женщина в форме товара. Садовница. Нет, яблоки пока останутся тут, без садовницы из них прибавочной стоимости не выжать, а меновая стоимость этих яблок, никто, случайно, не знает? Она, должно быть, огромная, хотя бы потому, что не с чем их сравнить, не с чем соотнести. Потребительная стоимость нулевая. Есть-то эти яблоки нельзя. Золото. Тот, у кого оно есть, его не отдаст. *Собственность – это воровство*[1]. Это вкратце. Иначе был бы покой. Эта, как там ее, Фрика, супруга, но это, в общем, и все, что она собой представляет, постоянно попрекает папу этим кредитом. Атмосфера в замке невыносимая. Скандалы. Папа говорит: Ты же хотела новый дом! Мама говорит: А я тебя первая спросила, ты сказал, ты тоже хочешь. Надо же нам где-то жить. Да, я была рада, что теперь ты почаще будешь бывать дома. Ошиблась. Мы не подумали о жертвах, которых нам это будет стоить. Собственное жилье так манило, а чем все кончилось? Тысячи странных креатур, и все предъявляют требования. Тот, кто требования предъявляет, себя же их рабом и выставляет. Даже бог становится рабом, и в этой цепочке украл самый первый, но *украсть у вора*[2] тоже воровство. Папа. И вернул ли ты то, что

взял у вора? Ты же, наверное, подписал сотни долговых обязательств, папа! Ты вообще помнишь, кому ты должен и сколько? Ты еще можешь в этом разобраться? А что ты скажешь по поводу временных неполадок, что в твоем новом доме судьба убежала, как молоко из кастрюли или еще какая-нибудь текучая вкуснятина из картонного стаканчика какой-нибудь элегантной кофейной цепи, последним звеном которой всегда оказываешься ты сам, будучи конечным потребителем, который так или иначе все оплатит? Даже если стаканчик выпадет у него из рук? Новый дом на выгодных условиях, нужно только заплатить человеком, который в действительности вовсе таковым не является, иначе ни один бы петух по нему не кукарекал, а кто бы не запустил руку? Вот как ты думал. Ничего удивительного. Людей достаточно, а эта одна, эта богиня, а чем иначе было усмирить великанов? Обнищавшему рабочему, которого ты, конечно, не взял, а если бы и взял, то только на коллективный договор, иначе он бы не стал нищим, ему ты ничего обещать не хотел, нет, ему ты бы никогда ничего не пообещал, ты сразу нанял великанов, которые сберегают, уберегают и заменяют всех прочих рабочих, один великан вместо тысячи рабочих (хотя ты все равно, с самого начала, да, я поняла: хотя ты сам все это написал, ты ни во что все это не ставил, ни договора, ни договоренности по выплатам, ни обязательства по прокату, ни договор по лизингу, ни брачный договор, с этого все и начинается, кстати говоря!), а эти двое оказались идиотами, великаны, сначала были идиотами, в процессе ничему не научились, да и после идиотами остались, универсального рабочего, скажем: вот тот, рабочий, каких много, просто сейчас у нас есть только этот, которого никто больше не видит и уже много лет не видел, его-то ты не нанял, хотя он и так уже обесценил свою рабочую силу дальше некуда, настолько, что полностью исчез. Уже много лет никто не видел настоящего рабочего! Возможно, ты потому и взял великанов, великанам-то ты что-то пообещал, в этом я уверена, ты все время обещаешь что-нибудь, что не обязан исполнять. Другие задействовали бы машины, они бы не выдвигали требований, конечно, может быть, их хозяева, но не они! Но *там, где машина захватывает поле производства, она производит хроническую нищету в среде конкурирующего с ней рабочего класса*[3], который исчез, чтобы перенести свои силы куда-нибудь еще (а куда ему было еще деваться), рабочим все время приходится бороться за тарифы и заработную плату, к счастью, не здесь, к счастью, там, где их не видно, их работу должно быть видно, но не их самих, так же и детей должно быть видно, но не слышно, они сами как дети, нет смысла чем-либо их занимать, их слишком много, одновременно

везде и не тут, они ушли от нас, им же приходилось еще и придерживаться законов, я знаю, знаю, папа. Мы, наверху, можем только утверждать, что так делаем. А они, внизу, те, у которых ничего не получается, на самом деле должны так поступать. Потому и великаны? Да? Потому что гномы такие скандалисты, ты говоришь? Да когда им скандалить, если им все время приходится работать? Потому что они никогда не могут договориться и тебе не придется выплачивать долги? Потому что представители их профсоюза давно в психушке? Да, они тут же приняли свою любимую сторону! Ты, странник, перехожий путник права? Ну, как оно? Ты еще удивишься, с чем они придут, папа. Они будут хвастаться своим ремеслом кузнецов, ясное дело, ковать-то ты не умеешь, это умеют только они. Разновидностей гномов так много, и все они друг друга люто ненавидят, и даже самые мелкие улучшения в их металлообрабатывающем ремесле, все, в чем они специалисты, все их разработки, что требуют особого искусства и твердой руки, все это впустую, стоит оторвать их от легко возбудимого и с трудом усмиряемого мастера, чтобы тем самым доверить все это особому механизму, скажем: машине. Так искусно построена эта машина, но ничего искусного она не производит, разве что, пожалуй, для женщины, во время шитья. Конкуренция среди квалифицированных рабочих, в том числе гномов, но несколько более острая, это логично. Так что они специализируются все больше и зарабатывают все меньше. Им уже приходится приниматься за мантии-невидимки, за кольца в тонну весом, которые ломают им пальцы, и прочие глупости, им приходится страховать свои склонные к разного рода беспорядочности руки абсурдными договоренностями, на случай, если руки вдруг больше не будут функционировать и их заменят машины, которые, конечно, не делают ошибок, но, с другой стороны, так же легко приходят в негодность. Что тогда? Гномы-ремонтники? Между тем все эти процессы уже настолько механизированы, что их может выполнять и ребенок. Даже Зигфрид, который в технике настоящий идиот, но ему этого просто не надо. Он работает с каким-то призрачным удаленным влиянием, достаточно увидеть результаты этого влияния, чтобы прийти в ужас. Он уехал, чтобы научиться бояться[4], но он никогда не приходит в ужас. Уж его-то не запряжешь. Пока его машина работает, он болтает с птахами[5] или трахается, извини. Но как назвать того, кто даже не знает, кого трахает? Я-то знаю, как я его назову. А ты, папа, в долгах по горло. Тебе нужна громадная сумма для этих громадин. И согласно Адаму Ризу[6], выплатить ее ты никогда не сможешь. Машина заменяет большое количество взрослых рабочих еще большим количеством

нуждающихся, которым теперь нечего делать. Они даже не запасные войска, безопасные войска, они просто в опаске, что они теперь ничто и ничего больше не стоят и у них нет денег. Образованные рабочие, и если бы они были доступны в форме гномов или же совершенно несподручны, как великаны, у которых в тумане не видно другого конца, если смотреть на них снизу вверх – это, кстати, точно как в нашем новом доме, он настолько большой, что снизу в тумане не видно крыши, в *туманном доме*[7] (что толку в доме, если его нельзя увидеть целиком), если прежде всего его не могут увидеть другие и позавидовать нам? ну да, великаны, гномы, машины, вода, туман, дождь, лес, звери, всех этих тварей из-за их неквалифицированного труда легко заменить машинами, которые даже не могут петь, как лесные птахи. Они вообще ничего не могут, эти машины. И все-таки людей заменяют, даже когда не осталось уже ничего, что могло бы их заменить, одного другими, многих всеми, всех немногими, образованных необразованными и обратно, необразованных образованными, взрослых детьми, обученных необученными и обратно, необученных обученными, как будет нужно, никто из них ничего не предполагает, но кто-то же все располагает. Говорим им, что делать. Многие трудятся, один поручает. Я знаю: не ты, папа! У тебя долгов больше, чем волос на голове. Ты хочешь прикарманить то, что выплюнула твоя человеческая машина. Ты не хочешь выплачивать долг и говоришь еще, что виноваты другие. Только не ты. Всегда другие, ты делаешь долги, но караешь вину, которая оказывается на других. Ты делаешь, что хочешь. А больше всего ты хочешь получить профит, после того, как заменяешь одних другими, мужчин женщинами, женщин мужчинами, детей приборами, из которых раздаются их голоса, все равно, в любом случае, пока никто больше не будет понимать, куда ему деваться, но не переживает, потому что ему все скажут. И ты думаешь, что никто больше не будет понимать, кому ты что должен! Громадную кучу денег, кольцо, невестку, урожай с яблочной плантации, откуда мне знать! Штурм, который ты задолжал человечеству, чтобы ему не пришлось его совершать. Тор устроит по этому поводу турнир, Фрея устроит фейерверк. Но по поводу них никто не проронит ни слова. Но такая вещь как долг, задолженность, долг, который на тебе лежит, такую вещь не положишь в чемодан и не унесешь, как деньги, которые нужно перевести, чтобы его покрыть. Свести концы с концами никогда не удастся, в том числе с самим собой. Бессмысленные сделки, к тому же противоречащие друг другу, кто тут разберется! Я вижу адвокатов! Я вижу трех женщин под землей, мне хватило бы и одной, я бы тут же бросила не-достройку, чтобы заливал дождь, так

чтобы они еще и! да, точно, с их вязанием, и что это будет? Даже не шарф, даже не кухонная тряпка! Они глухо шепчут, конечно, накрученные своей мамашей, доброй землей, я как-то ходила к ней, не знаю, что с ней такое, все время на что-то обижена, просто так, а я все еще навещаю землю, дочери на заднем плане, засовывают свои аппараты в гортань и используют по назначению. По мне, так пусть повесятся на своих нитках. Все, что они говорят, мне до одного места. У меня все-таки где-то еще был меч, так я им перерублю их золотую нить, а потом и их самих, всех порублю, все равно терять уже нечего. Все остальное я уже попробовала. Другие пробуют больше, но что толку? Рабочего продать невозможно, но его товар может получить любой. К чему тогда договоры? Я тебе отвечу: потому что ты не должен их выполнять. Ты и правда мог бы сказать об этом раньше! Это так сложно. Работа сделана, но рабочего нельзя будет продать, как обесценившиеся бумажные деньги, и твои договоры тоже теряют силу, папа, просто потому, что тебе так хочется. Над тобой больше никого нет, по твоему приказу возгораются костры, великаны вкалывают, гномы бьют друг другу рожи. Но это все добром не кончится, папа! Мы все знаем, что ты никогда не сможешь выплатить заем, который, кстати, никогда не был выплачен, а лишь обещан. Тебе придется обратиться за помощью к твоим богатым друзьям. Проценты ниже. Но что ты так неуклюж, рискуешь таким наваром, папа, такого я подумать не могла. Что ты попадешь в *тиски кредита*[8] только потому, что спутался не с той компанией и уже не знаешь, кто это вообще такие. Все равно у тебя и так в планах не было платить, а долг с тебя не взыскать, ты ведь все время странствуешь, все время в пути, сначала ты построил дом, а теперь никогда там не появляешься. Кроме того, хорошая компания тебя не интересует. Не говори ерунды! Если кто-то что и зарабатывает, он этого не получит. Тот, кто освободит невесту, ее не получит, хотя она ему и принадлежит. Белые, черные, серые, сине-зеленые, у этих гномов пород больше, чем у собак! И всем ты должен денег или что-то еще или долг сам по себе! С чем тебя и поздравляю, папа. Ты так устроил, что всем что-то должен, даже самому себе, но чувства долга при этом не испытываешь. Ты просто не чувствуешь своих долгов! Тебя еще спустят с лестницы, но я не знаю, кто! Эта ступень была бы слишком высока для любого, ну да, для тебя, может, и нет, ты ведь как раз с нее спустился. Где тебя нет, есть только смерть. Где ты есть, тоже. Смерть сыта, в конце концов она наступит для всех нас, иначе это не называлось бы концом. Ты упование, утешение, надежда страждущих, но стоит мне заснуть у твоего огня, за которым даже ты не можешь ко мне приблизиться,

мне уже будет все равно. Если бы ты не был президентом, ты не мог бы себе всего этого позволить. Если бы ты не был богом, ты бы по крайней мере мог пройти через огонь, который сам же и развел. Целое море жалкой беспомощности, освоенной беззаботности. Ты всегда верил, даже когда делал заказ на постройку твоего безразмерного дома в этом захолустье, название которого я забыла, название, про которое думаешь, что таких мест не бывает, господин президент, только когда все это пропадет, я снова вспомню, так вот ты всегда верил, что можешь все себе позволить, папа, только потому, что ты бог, разрушитель, который преступает закон, который сам установил! Я бы не подумала, что ты уничтожишь всех людей, которым что-то должен, по крайней мере, позаботишься о том, чтобы это случилось, смерть – это же единственное, о чем ты заботишься. Неплохая метода, только вот когда-нибудь исчерпает себя и она, когда никого больше не останется. Запас рабочих неисчерпаем, по крайней мере, он таким кажется, потому что мы их больше не видим, неучи не вымирают, это великанов осталось всего пара штук. Они редкость. А скоро будет всего один, которого, впрочем, тоже порубят на куски, герой какой-нибудь, нет, он развалится сам собой, или другой великан, и все, их род вымрет, так и скажем, в виде исключения, они оказались сломлены не законом. Их можно по головам пересчитать, но задаток на их счет ты не перевел. В конечном счете, прибыли нам это не принесет. Только посмотри, как они ползают вокруг, словно черви, возят, громоздят, раствор мешают, цистернят и водовесят! Ты даже на последние отделочные работы в доме найдешь какого-нибудь идиота! Всегда же так. Президент в канцелярии: особого рода мафия! Бог со странническим посохом: особого рода абсурд! Где его новый дом, а главное, зачем, для чего? Собственная воля как повелитель людей, его желания как его единственный закон? Смешно! Собственная сила как единственная собственность? Ну, мы же видели, к чему это ведет. Народы, слушайте, послушайте хоть раз, по крайней мере! так, они это уже слышали, ну и что? Я наконец-то могу пойти спать. Неудивительно, что ты хочешь домой, папа, в новенький особняк! В твою собственность, никаких вопросов. Когда человек уничтожен вместе с его производительной силой (боже мой, я действительно это написала!), но если я просто это скажу, ты же не станешь меня слушать, папа, итак, если человек с его производительной силой будет уничтожен, он должен будет сломить власть своих собственников. Он только должен сделать это заранее, очень важно это не забыть! Но сделать это могут только великаны. А из них остался всего один. Но ты, бог, кого же должен сломить ты? И

что это даст? Ну да, ты сделаешь это со мной, я уже поняла. И человек, герой, разумеется, иначе ничего и не выйдет, этот человек должен меня спасти, свободный человек, святой, должен убрать за тобой говно, причем тут же, не сходив под себя с места, папа, спаситель! Ко мне, да поскорее! спасение и так затянулось, но дело человека есть и будет мертво. Можно уничтожить его порядок, можно забрать у него все, побудить ко всему, но приходит смерть, приходит для рабов и для господ совершенно одинаково, но не все равно, кто кто, они в принципе не равны, смерть приходит для меня и для господина, для спасителя, не ведающего страха, хотя с удовольствием познакомился бы с ним, он парень общительный, чем больше, тем лучше: тот, кто придет, ах, я тоже не знаю, а потом ко всем нам придет смерть. К чему тогда все это? Я даже не знаю, что к чему. Я еще не знаю, что неудивительно. Спаситель будет знать наверняка, что и где он может спасти. Неудивительно! Ничто неудивительно. Кроме того: идея привлечь великанов, поскольку им не нужны машины, не знаю, было ли это так уж разумно. На тот момент да, но потом? Машины рано или поздно дают передохнуть, люди никогда. Разумеется, гномы обиделись, потому что они не выполнили условия, сам знаешь какие, и потому что у них все время все отнимают, что они там наковали. Как им хотелось бы все это оставить себе, но цель работы не в том, чтобы делать ее только для себя. Тогда бы ничего не вышло! Бедные гномики! Чтобы водрузить один-единственный камень, пришлось бы поставить одного на другого штук сто. Нет, так бы ничего не получилось, даже если учесть, что так можно было бы сделать хорошие инвестиции в лестницы и пожарные машины, они, кстати, котируются на бирже, причем неплохо. Ковать золото разумнее. Золото всегда нужно. Момент, а как обстоят дела сейчас, ну да, немного упало в цене, но все еще можно пожировать. Это рафинированные жиры? Ни фига. Золото – это самое-самое. Знаешь что, мы его просто похитим! Но это не так просто, так что это снова должны будут сделать другие. Все они были чисты и невинны, по крайней мере, они так говорят, пока не выковали золото. Каждый получил все, в чем нуждался, что вредило другим, этим они занимаются сегодня. Убивают друг друга, великаны в этом не первые, они стоят на куче убитых, при этом им нет нужды казаться выше, чем они есть. И все же им приходится добывать золото, даже если воровать в какой-то степени опасно, такие вещи отягощают совесть, которой тебе, однако, не удастся оплатить дом, папа! Кто сможет купить хоть что-нибудь на твою совесть, папа! А на копье, на котором ты по глупости все записал, – все время тебе повторяю: никаких

письменных свидетельств! – ни один человек, кто планирует стоящий обман, не сможет ничего прочитать. Каждому свое собственное преступление![9] Богатенькая тетя Фрейя, наследства от которой никто не ждет, потому что не умрет она никогда, уж на это можно положиться, она, может, и заплатит. Было бы глупо ее убивать, если она в принципе не может умереть, но было бы также глупо позволить ей уйти, потому что тем самым вы откажетесь от вашего важнейшего капитала и вам потребуются услуги пластического хирурга, дабы заретушировать ваш возраст, вы, накрашенные трупы! Что выходит, должно войти обратно. Молодость проходит, возраст приходит, Фрейя уходит к женихам, а потом к еще более фривольным персонажам, извините, а ваши морщины поднимаются все выше. Но все равно. Ты не должен платить, и ты не будешь платить. Гномы производят деньги, а другие карлики, я имею в виду кобольдов, их для них берегут. Пока их у них не отберут, как и все остальное. От тебя происходят герои, и что? Ты выдыхаешь из груди так много, сколько эти герои никогда не смогли бы вдохнуть! Красивые вещи, украшения, редкости, ничего этого там нет. Одно это кольцо! Да. Только это кольцо. Уникальная вещь. Но оставить его себе им нельзя, хотя они его заслужили, глупые выскочки. Какому рабочему было позволено оставить себе то, что он наработал? Они быстро научились, эти альпы, нет, эти альбомы, они собрались, собрались в альбоме, словно фотографии альпинистов с горних высей, и все бы ничего, так они тут же снова начали колотить друг друга. Выковали мечи, которые все время разваливались на куски, с профессиональной точки зрения они, может быть, были не лучшего качества, но другие-то были еще хуже. Даже ты, папа, во время обучения кузнечному делу не был достаточно прилежен. Это ремесло ты не изучил. Так что заниматься этим пришлось другим. Богу ничему учиться не нужно, он существует, и этого достаточно. По крайней мере, ему. Остальные: главное, каждый против каждого! Всегда! Вместо того, чтобы объединиться против тебя. Они догадываются, что меч достанется только одному, и этот герой, к сожалению, будет идиотом. И где он окажется? Конечно, у меня, это так типично! Я же просто мусорный карьер для героев. То, что ради него умрет гном-другой, что, с другой стороны, ничего не меняет, это не имеет значения – бессмысленно! Сторицей это не вернется. Гнома он убил. Как будто это достижение. И ты ничего возвращать не станешь. Твое счастье, папа, что все они в ссоре или вообще еще не существуют, потому что тебе только предстоит их создать! Множество лет они забирали что-то у других, что затем забирают у новых владельцев и так далее и так далее. Воровство в начале,

воровство в конце, между ними обман. *Собственность – воровство.* Бесконечная цепь отчуждения собственности, только для того, чтобы мы получили наш новый дом! Но мне все равно. Мне уж лучше на природе, чем дома. Мне лучше в стойле с моей лошадью, как и всем девушкам. Мне все равно, как тебе удастся отбрехаться за этот дом, папа. Ты брешешь и брешешь, при этом у тебя нет глаза, что теперь сияет на небе, где ты и на самом деле не можешь им воспользоваться. Достаточно увечий для бога, который предпочитает пожирать или быть пожираем пламенем. Нет, другой глаз тоже ничего не говорит. Нет, к сожалению, мне это ни о чем не говорит. Он просто смотрит. Я не вижу, ради чего ты его отдал, глаз, у колодца отдал глаз, нет, не для решения, за списание долга, списание вины за всех мертвых, об этом ты бы не подумал, у колодца перед воротами отдал глаз, ради чего, зазря, ибо мудрыми я твои решения назвать не могу. Твои вороны ничего про это не говорили. Что ж, вполне понятно. Нет, волки нет. Они тут вообще ни при чем. Зато Фрика говорит, причем постоянно. Ее болтовня переходит в пронзительные крики. Сильная женщина, как теперь и требуется. Тебе обязательно все время ее обманывать? Ты же был настолько его увлечен, что пожертвовал глазом! У всех теперь ад на земле вместо нового дома. Оно того стоило? Отдавать себя в руки этого скандального подземного народца, который не знает ни разврата, ни подчинения, нет, не знает даже этого!? Все это волшебное говно. Оно тебе надо? Ты, в конце концов, президент, или как ты там это называешь. Или еще пару этажей, не важно, в тумане тебя все равно не разглядеть, так высоко, ты перехожий калека права, но это еще не значит, что тебе все время нужно путешествовать и тем самым доводить жену до белого каления! Боги всегда могли менять облик, никто не хозяин своей внешности, но это относится только к возрасту, но вы, боги, всегда были иными и становились иными, когда вам молились. Или выставляли вам счет, только вот: считать вы всегда умели лучше, чем кто-либо другой. Но не могли бы вы остаться самими собой, чтобы все эти голубоглазые, верующие на голубом глазу (но не проверяющие!) могли вас найти? Лучше подари ей кольцо, сам знаешь какое! *Кому бросишь ты в лицо обвинение*[10], словно сено зверю? Правишь миром, но не в состоянии выковать нормальное кольцо, ты можешь гордиться, папа! Кольцо, это же так просто. Берешь кусок золота, делаешь в нем дырку и готово. Потом бросаешь в воду, чтобы образовалась прибавочная стоимость, никаких особенных расходов, а потом на восходящем потоке его вынимаешь или же за тебя это обделывает какой-нибудь идиот, а ты потом уделываешь его. Только для того, чтобы ты снова мог его отдать,

это кольцо. Ты же все это так легко можешь организовать, себе же на пользу, делов-то. Зачем вообще платить? Какая тебе забота, определена ли цена твоего нового дома самим процессом работы над ним[11], его расположением на горе или волшебством? О последнем даже Маркс не подумал, а уж он подумал обо всем! И что такого в этом доме, что вы так хотите, Фри-ка и ты? Продуктивная работа двух придурков-великанов влилась в него, словно Рейн, с этим исполинским цоколем, который под водой не видно, сырое старье, отчасти жидкий, жижа, отчасти река, полная сырья, золотые отходы, которые не увеличивают стоимость твоего дома, поскольку ты остался должен производителям этого золота? Я уже не понимаю, я думаю, тебе все же придется его отдать, спасибо, вам того же, не важно, я говорю и говорю, спасибо за аплодисменты, я говорю без смысла, спасибо, что аплодисменты накатывают, словно Рейн каждый год в половодье, спасибо, в общем, я что хотела сказать, все эти загребущие ручонки гномов-кузнецов, многотонные шаги рабочих великанов, все мертвые герои, которых нам нужно таскать с собой, чтобы ты получил свои живые бактерии, папа, герои, конечно, тоже, на военные расходы деньги всегда есть, все это словно перерождение душ тех существ, которых ты поставил себе на службу. Работа всех этих существ, в золоте ли, твердом состоянии, капающих или жидких или пережитков, не важно, работа всех этих существ в их громадном числе и громадин в небольшом числе, великанов всего двое, а скоро и вовсе останется только один, так что я хотела сказать, так вот вся эта продуктивная работа этих призрачных трудящихся, не важно, в какой форме или размере они предстают, которые создали твой новый продукт, а именно дом, все эти составные части для постройки дома бога, или президента, или я не знаю кого еще, эта работа, вся эта работа на пользу только тебе и твоим богам-собратьям, суть идолам, потому что не о них вообще речь, и со всем этим, со всеми ними, в общем, скажем прямо! это перерождение души, о котором я говорила, и происходит. Перерождение души происходит, его не отменили, как было заявлено, напротив, оно происходит непрерывно, вы в любой момент можете зайти или выйти, вы почувствуете все. Меновая стоимость на входе, она же на выходе, на входе, на выходе. Вход, выход, вход, выход, это зависит, но от чего, собственно, этого я сказать не могу. У меня во рту горит, так что я должна сказать: Я этого не знаю, но скажу еще много чего, хотя ни о чем не имею представления, что, конечно, не повышает мою потребительную стоимость, но вот меновую, ого! Неплохо! *Развитие моих общественных производительных сил*[12] я использовала хорошо, даже если мне при этом помогали люди.

Так я продолжу, больше ничего не скажу, так что скажу что-нибудь. Не важно. И ценность всех этих элементов, всего этого народца, который ты, кстати говоря, еще не оплатил, потому что он должен оплатить самого себя, когда обладатели поубивают друг друга, так что долг все время убывает; в чем ценность, как происходит процесс обмена и что следует дальше, как следует: ценность, не так уж важно, какая; в общем, все это основывается на том, что *присваиваешь себе чужой товар, а собственный отчуждаешь, и правовые отношения при этом закреплены в договоре, люди, юридические лица, существуют друг для друга лишь в качестве репрезентанта товара и как обладатели товара соответственно*[13], они существуют (после чего отмирают вместе с государством и с ним же отправляются в семейный склеп, хотя государство никогда не относилось к ним как к членам семьи, ну ладно, по крайней мере, как моя семья ко мне, возможно, и относилось), пока товар не кончится или же пока у одного из них не появится чего-нибудь еще, но им будешь не ты, тем, у кого что-то есть, в конце ты будешь не им, это я тебе точно говорю, папа, бог! еще я могу точно тебе сказать, что случится с домом, сначала тебе придется уступить, да, этого ты не сделаешь, нет, сделаешь, в момент, когда я это пишу, это еще не ясно, но, еще чуть-чуть, отступил! я, оппортунистка, позже решу, чем все кончится, когда получу точные сведения (уже произошло!) что я хотела сказать, пока я говорила слишком много, да, что? Итак, еще не оплаченная ценность, перед оплатой которой тебе еще предстоит согнуться, папа, это изглоданное, изодранное тело ценности, которая была создана лишенными благодарности, лишенными оплаты, ты думаешь, бог все себе может позволить, папа, в том числе это изодранное тело только что созданной ценности в обличье дома – да, газеты, пишите спокойно, мне все равно, аппараты, трубите об этом! – я все равно читаю только посты, которые помогают человеку учиться думать; все не важно, даже если я с тобой в родстве и тень падает и на меня – папа, в общем, ценность, изглоданная ценность, которая перешла в работу, нет, изодранная работа, которая стала ценностью, которая, однако, вовсе не ценность, не для нас, по крайней мере, которые должны ее оплатить, переходит в только что созданное тело продукта, то есть нового дома, который мы также должны оплатить и которого ты избегаешь почти с тех самых пор, как он стоит. И вместе с ним супруга. Папа, ты гонишь. Когда великаны, таким образом, создали ценность, ее форму в виде дома, ее форму в виде жалоб и прочих требований, в книге, которую никто не должен открывать, потому что она всегда открыта, для всех (один из вопросов бога: Какую книгу никогда не следует открывать?), там все описано, да,

их работа уж точно, за их спинами все умолкает, украдкой, втайне делается настоящая работа, та работа, что идет в счет! и она называется: присвоение. Воровство. Нарушение договоров. Это и есть работа, неоплата, утечка, изъятие, несоблюдение чего-либо, что никогда и не могло быть соблюдено, если бы это было легко, как перышко, поймать с поличным! вот, это и есть настоящая работа, отчуждение тех, кто ее выполняет, это и есть собственно работа, и она твоя, коль скоро рабочий больше не может продать свою рабочую силу, поскольку никому она больше не нужна, ее перенял ты, папа, как некто, кто эту рабочую силу, да, в том числе духовно неимущих, но зато телесно богатых культуристов в их культурных палатах, из которых их никогда не следовало выводить, как некто, кто присваивает рабочую силу и превращает ее не в прибавочную стоимость, но в еще большую ценность! Стоимость больше прибавочной, которая все время производится. Все нормально. Этот дом, поскольку он никогда не был оплачен, абсолютно невозможно продать, ведь у него нет стоимости. Нет. Это все неверно. *Работа была присоединена*[14] великанами, была обещана оплата, но в конце: ничего. В конце ничего. Есть только продукт, он больше не имеет черт работы, переведен с рабочих рельс, что было бы еще прекраснее. Эти искаженные, искалеченные черты, рельсы, по которым едут лимитчики, каждый рабочий день, опоздание поездов, беготня, духота, нужно еще ребенка сдать в детский сад, накричать на мужа, а поезда все нет и нет, все время высматривать поезд, этому не позавидуешь. И это не те рельсы, не те черты, что в облике бога. Эта неприступная крепость не есть наш бог. Неприступная крепость принадлежит нашему богу, но в принципе это то же самое и даже больше, как если бы он сам ей и являлся крепостью. Перемещают громадные кучи денег, но не платят. Не платят вообще ни за что. Деньги есть, они живут, они не работают, раньше еще работали, но больше не работают, они просто есть, все время они у кого-то другого, для чего, зачем, деньги, золото, оно сверкает, я знаю, папа, ты хочешь съесть пирог, но в то же время и сохранить его, и у тебя это получится, жадина ты этакий! я знаю, так тебя еще никто не называл, ты бог-обжора, идолище! если наверху все обойдется, ты сам за себя, выкручивайся, как хочешь, потому что платят другие, это значит, нет: Другим не платят. Засилье гномов, великаны-насильники, я имею в виду: сильные по нужде! однако они не могут найти женщину, впрочем, ничего удивительного, при их-то сложении – к счастью, они возвели наше строение куда разумнее! Этой женщине пришлось бы все время стоять на стремянке, как гномам во время работы, им все время словно приходится возвышаться, к

тому же при этом они вынуждены залезать друг на друга, потому что лезть по лестнице было бы слишком долго, что я хочу сказать, я все время что-то хочу сказать, но никто не слушает, тебя вообще никогда нет, как и большинства пап, я тебя не вижу, где ты, ты полуслепой, завязанная собственными руками удавка договоров? Но я все это не всерьез, слышишь, это от природы, рабочая сила, дар природы, которым обладает рабочий, у других его нет, а у него есть, дар, который ему ничего не стоит, неудивительно, что он его раздаривает, но обладателю, обладателю людей, богу, приносит довольно много. Ах нет, извините, так было раньше. Меня все время относит назад, хоть я и хочу пробраться вперед. Мы уже были дальше, но снова возвращаемся назад. Зачем весь этот дом, папа? Зачем все это? Только для того, чтобы ты не заводил снова интрижек, как Фрика говорит. Но ты же мог бы жить в чистом золоте! Тебе не понадобился бы дом, ты мог бы жить прямо внутри сокровищ, в кладе, в сокровище детей Рейна! Но для тебя там, наверное, было слишком шумно. А ты предпочитаешь мамаш, которые готовы к тому, чтобы их украли, готовы на все, на каждого, кто бы их забрал. К тому же и постоянный стук молотов, к тому же исходящий от пристукнутых. Зачем этот идиотский дом, если ты все равно за него не платишь и все сокровище еще еще еще на месте? Ну да, оно еще там, но у тебя его нет! Ты не платишь, но сокровища у тебя поэтому или не поэтому, а потому, что, по-моему, у тебя все равно нет. Ты все поставил вверх дном, и я говорю тебе туда, наверх, папа, тебе не нужен был этот идиотский замок, если ты не хотел за него платить. Нуждаться нужно только в том, что можно оплатить. То, что тебе нужен дом, еще не повод для радости, наоборот, в меновой стоимости, вот где радость. В том, что никому больше он принадлежать не может, этот дом. Но где она, эта меновая стоимость? Она падает в пустоту. Как же увеличение количества товаров может служить стимулом, если этими товарами обладаем и пользуемся только мы? И кроме того: Никто не платит за ничто, но все за это расплачиваются. Никакой оплаты, но все расплачиваются. Все вы были чисты и невинны, это понятно, пока не появились деньги, пока не выплавили золото. То, что было нужно одному, ему дал другой. Но то, что вредит этому другому, именно это они и делают, сидя на золоте. Они убивают друг друга. Папа, я почти верю, что в твоих руках золото было бы пристроено лучше, правда. Если бы ты сразу расплатился им за дом, был бы порядок, в который ты мог бы войти, словно через прессшпан-дверь, но потом. Теперь все подвержены смерти, да, ты тоже, я тоже, все мы. Если ты не оплатишь дом, но и если оплатишь, не важно, он развалится или не развалится, но я

думаю, развалится, нет, не сейчас, но развалится, потому что ты его так и не оплатишь. Или слишком поздно, слишком мало, фальшивыми деньгами, настоящими, но не тому, ты, может быть, даже хотел оплатить, но другие тебя отговорили, сначала пообещай им все, ты же не обязан все это выполнять! я знаю, все равно, ты чего-то хотел, когда другие безвольно переживали. Огромные расходы, но заплачено не будет, будут выдуманы уловки, изобретены принуждающие законы (дорогие великаны, проявите понимание, даже если вы ничего не понимаете, нам еще хуже вашего!), будут придуманы отговорки, лапша будет повешена на уши, будут внушать и давать ложные показания, а капитал тем временем будет расти, замок будет расти, хотя боги давно уже не размножаются, будет расти все, только чтобы сохраниться, все увеличивается, врастает в ничто, потому что то, что есть, уже переполнено, но лучше всего, быстрее и больше всего растет капитал, если им правильно управлять, если удастся раздуть лихорадку собственничества, если правила для кредиторов, этих странных креатур, великанов и гномов, и среди них нормальных, которые, однако, не желают следовать каким-либо нормам, становятся все более проницаемыми, допустимыми, ненадежными, когда денежные институты выносят на рынок привлекательные предложения, когда нет или почти нет собственного капитала, но обязательно хочется дом, где-то надо ведь жить, а собственного капитала нет, он на дереве, как золотые яблоки, не растет, ему приходится напрягаться, чтобы расти, но в конце концов растет все, причем растет все дальше, как цены на недвижимость раньше, теперь уже нет, раньше нет, а теперь, конечно, цены, которые все растут и растут, быстрее, чем яблочки Golden. Так-то. Все течет, все растет, а что растет, то снова падает, опускается, но в конце концов все равно растет, оно все больше, как цены на недвижимость, они могут опускаться, но потом снова растут, и так что они растут постоянно, только вот недвижимость, бедная-несчастная, в итоге все уменьшается, потому что нет денежного потока для полива. До сегодняшнего дня цены только росли, так что будут расти и дальше. Но если ты все-таки вдруг заплатишь, папа, заплатишь золотом, которое ты украл, *собственность – это ведь воровство*, и в конце концов не останется никого кроме воров, так вот, если ты все-таки заплатишь, тогда другие упадут. До денег падки все. Деньги свалят их всех. Если бы ты жил прямо в деньгах, то ни крепость, ни даже семейный дом рядом с великой крепостью Ведель не нужно было бы рушить и сжигать, да и мне не пришлось бы гореть, да и моей несчастной лошади тоже, которая ничего не могла поделать, нет, никому бы не пришлось погореть, если бы

ты горел этим домом, примерно как люстра. Ты так и делал, но это так ничем и не кончилось. В конце ты придержал больше, чем отдал. А поиздержались другие. Ты разве что понес расходы. Никто не мог тебе повредить, никто и не смог бы, если бы вы, ты и твои божественные коллеги, не были бы готовы и восприимчивы к бедам. Даже гном со своим кольцом не смог бы вам повредить. Немного ручного труда вам бы тоже не повредило. Людская прихоть словно деньги, золотая пряжа норн тоже словно деньги. Все похоже на деньги, потому что это и есть деньги, все, что идет в счет и поддается подсчету. Зачем напрягаться? А затем! Любовь между тобой и твоей женушкой, прочные узы, все это связывает, и все это ты столь легко развязал, папа, все это приведет вас обоих к тому, чтобы обеспечивать друг друга, другого слова не подберу, я знаю только гарантийные обязательства, да и то, в других случаях, то есть страхование капитала, его перестрахование, да, в том числе капитала вашей любви, твоей и твоей женушки, эта постоянная перестраховка, дважды и трижды, отношения между вами, не говоря уже о коротком веке любви, на который никто не выпишет вексель, это столкновение с тем, что должно постоянно обновляться, меняться, уходить в почву и снова просыпаться и расти цветком, всеобщая вечность, даже если по всем векселям уже заплачено и все мы брошены, словно щенки, слепые, глухие, топчемся на ощупь и повизгивая, это столкновение с вечным изменением заставляет вексель истекать все быстрее, оставить написанное на нем число и бежать прочь от гарантийных обязательств обладателю, и чаще всего все до сей поры связанные обращаются в камень, ты и твоя женушка, и вас, вместе взятых, потрясет то, что никогда не произойдет, вас потрясет тот застой, который устанавливается исключительно процентов ради, не из-за меня, по мне, так это совсем не обязательно, он устанавливается, он должен, иначе он мог бы убежать, но ради процентов и процентов с процентов он наступил, хотя охотнее бы уехал, отправился бы в странствие, как ты, ушел бы прочь, папа, главное, двигаться, продвигаться между процентами и процентами с процентов, без понятия, куда, но теперь застой, и в вашей супружеской любви тоже, все стало, и начинаются муки отсутствия любви или жизни. Да, папа. Все останавливается, если любовь больше не хочет. Ты путешествуешь в одиночку. Ты строишь планы, но не выполняешь и даже не придерживаешься их! Ты ведь даже не капиталист, да тебе и не надо им быть, это они там, внизу, если они смогут сделать так, что смогут больше ничего не делать; ты даже прибавочную стоимость накрутить не желаешь, не хочешь ничего брать и ничего отдавать, ты ничто, папа, бог и должен быть ничем, это уж точно, он ЕСТЬ, покуда ты

можешь прикарманивать все и ничего не должен отдавать, для тебя нет правил, ты разве не видишь возможностей бесплатного труда: страсти гномов, которые даже не думают о таких вещах, как и страсти великанов по женщине, женщине, женщине, такой, как я. Например. Как будто женщина стоит денег, как будто хотя бы одна женщина стоила потраченных денег, нет, чужих денег, конечно, не ее собственных, лишь изредка ее, женщина всегда стоит валюты, а потому мимолетна, ее юность, когда женщина еще чего-то стоит. Так что, пожалуйста, яблоки Фрейи лучше оставьте себе, а то даже эта женщина у вас упадет в цене. Цену она имеет только в юности, и эта цена может быть заплачена, при желании. Фрейя выращивает яблоки и сама ими расплачивается. Так что она еще фривольнее ваших фраеров, уж простите-извините, бу-бу-бу! Я все слышала, так что можете снова прекращать! Женщина – это самое испорченное и самое порочное существо. И непременно ко мне кто-то должен пылать страстью, но вот решать примеры он точно не в состоянии, это ли не гротеск?! У них есть клад, они работают на тебя бесплатно, ты забираешь у них сокровище, снова забираешь его прочь, не важно, что выгравировано на идиотском ясеневом древке твоего копья[15], но что им всем надо? Всем им надо женщину. Это их наименьший общий знаменатель. Женщина. Они строят планы, и они вкалывают, и потом им ничего не нужно кроме женщины. Ну да, не всем, а если нет, случаются потасовки, для наших иностранных сограждан: есть крохи, и тогда один давит другого, для этого борцам не нужно даже быть при параде, они и так держат удар и даже не знают чей; это совсем как на love-параде, где слишком много народу, а любви так мало. Конечно, им хочется и золота, великанам, а они могли бы раздавить всех и сразу, если бы захотели, но если золота им не видать, они хотят женщину. Ну, кто как, кто как. Один хочет женщину, другой денег. Это обескураживает, и при определенных обстоятельствах даже могут быть введены вооруженные войска, если бы мы уже не отдали все на строительство дома. Но пожалуйста: Если уж женщину, если уж иначе нельзя, то по крайней мере ту, что сидит на золотых яблоках! Несет золотые яйца. Это самое меньшее, чего можно было бы потребовать. Вы хотите стать рабами золота или вы хотите стать рабами женщины. Но женщина ничего не решает, она не решает, потому что ты уже решил за нее. С самого начала. Путник, как бесстыдный калека права! Да ладно, брось им это кольцо вслед, это ничего не меняет, к твоим спонтанным действиям и порывам уже все привыкли, папа. Последует распад и разруха, например, нарушение супружеской верности, за которым последует наказание, а потом снова все будут наказаны,

и так далее, нарушение клятвы и нарушение верности, наказание, любишь совокупление, люби и наказание, и снова: *Поборники клятв*[16] суть самые отпетые преступники, ты знаешь, о чем я, папа. Виновные не выплачивают своих долгов, они заняты постоянным отмщением, но платить, этого они не желают. Они мстят за то, что еще не было совершено, но платить, этого они не желают. Они неверны, но платят за верность, они хотят золотых яблок в оплату дома и в то же время хотят сохранить их, как и молодость. И это работает! Они приносят мир, да, так они, конечно, называют отсутствие мира, вот такой мир они приносят, что каждый знает, то он и хочет. То, что каждый хочет, то он и знает. Бред. Я знаю, что ты видишь все это иначе. Папа, не мог бы ты мне сказать, пожалуйста, чего я хочу? Потому что я сама этого не знаю. Женщина для великанов, вот же, пожалуйста, у нас был бы подарок, теперь нам нужен еще один, который его уложит, или что-то, что мы можем засунуть внутрь, как рабочий засовывает свою жизнь в работу, чтобы создать для капиталистов прибавочную стоимость. Так было раньше, так было раньше, теперь все это ушло, теперь этого больше нет. Теперь так не получится. Рабочий, разумеется, еще будет чего-то хотеть, но его-то самого кто захочет? Деньги останутся. Они больше не работают, их просто становится все больше, я часто это повторяла, и все-таки это правда, они ходят по кругу, бродят по миру, договоры для них ничего не значат, они их даже не читают, эти беззаботные деньги, с ними ничего не случится – да и что с ними могло бы случиться! – они ходят по кругу, то они у одного, то снова у другого, их становится больше, никто не знает, как, никто не знает, почему их так много, но свой дом ты все равно не оплачиваешь или же оплачиваешь слишком поздно, или не полностью, так всегда, папа, всегда будет слишком мало, для бога в любом случае, он неоплатен, прежде всего, когда острит или стирает дома с лица земли, которые и так почти рухнули, так всегда: Несмотря на то, что денег так много, они просто лежат себе и ничего не делают, даже не приносят процентов, даже доли процентов для твоего доходного дома, люди просто идут гулять, как будто ничего не происходит. Да, они идут туда, они сами довели людей до худшей доли, но теперь они отправляются на прогулку. Они просто вышли прогуляться по кварталу. Никто их не видел. Они хотят убивать и убить самих себя, сначала одно, потом другое, и никак иначе! нет, мы их не знали, мы никогда не видели их во время прогулки, но святая троица это уж ни в коем случае быть не могла, ведь один из этих людей был женщиной! Кто это там прогуливается, это не могут быть те трое, мы их никогда не видели, прогулка – это прекрасно, да, но только

недалеко, деньги обездолить нельзя, как людей, не выйдет, это само собой, нужно следить, нужно смотреть, чтобы по крайней мере получить проценты, потому что иначе все пропало, иначе пропадет дом, на этот раз не взлетит на воздух, просто пропадет, не просто пропадет, его получит кто-то другой, его никто не получит, за него не было заплачено, и теперь он принадлежит банку и придет в упадок, потому что в упадок приходит все, что доверяют банку, даже слова приходят в упадок в банке, или же их отрицают, я же вам говорила, что продала вам этот крайне рискованный продукт, разве я вам не говорила? ну ничего, главное, я это знала, да, ну а теперь денежки потекли, они же должны найти себе укрытие, в конце концов, они – это последнее, что еще может спастись бегством. И все-таки их всегда слишком мало. А дело в том, почему их так мало, так потому, что в конвертах их всегда слишком мало, а то и вовсе фальшивка. И чего они хотят, чего хотят, чего хотят те, кто хотя бы раз сжимал деньги своими пальцами, сквозь которые они и утекли? И почему? Почему они не хотят, чтобы деньги вообще отменили? Те, у кого ничего нет, обеими руками «за», и их большинство. Деньги ведь не что иное как чистая информация, где их получают и что с ними делают, за всем этим совершенно потерялось, так что давайте-ка поскорее их отменим! Их же в последнее время почти и не видно! Нигде не видно, так же, как этих двух мужчин и одну женщину, ее тоже нигде не видели, хотя проживает она и переживает в Цвикау[17]. Люди с активной жизненной позицией путешествуют в качестве убийц, *к коням затесалась кобыла, любят вместе пощипать травку*[18]. Считали их безоружными, робкими духами, оказалось, наоборот: герои, немецкие герои, убивают сами, этого они не доверят никому больше. Слишком уж много удовольствия. Их острому клинку, должно быть, по вкусу чужая порода, которую мы приручим оружием! Кто? О ком вы говорите? Кто это был и где? Никогда не видели. Никогда не слышали. Деньги: с удовольствием, большое спасибо, но я уже очень давно их не видела. Не могу вам сказать, где они или у кого. У меня? Точно нет. Они исчезли в тумане, они больше не могут представлять собственную стоимость, поскольку никто больше не видит, чего оно стоит. Стоимость выпала в осадок, ее добывают из воздуха, но воздух у каждого свой. Дышать можно и за границей, а значит, и деньги там. Они ушли прочь, в места получше, все равно куда, главное – прочь. Только их и видели. Знать не знаем. Там внутри было когда-то здание нашего клуба, но что там теперь – без понятия. Денег там точно никаких нет, мы бы знали. Когда-то их создали как долг, не самая удачная мысль, правда, но какая теперь разница, кроме того что нас это приводит

в ужас? Кто желает, у кого еще нет? Кто ничего не хочет, у кого еще нет ничего? Кто-то еще, у кого что-то есть? Дерьмо, их еще можно отменить, потому что те, кто их еще хочет, таких не видно, тех, кому они еще нужны, могут их заменить, счастливы и без денег! Но так не пойдет, не выйдет. Только деньги выйдут, причем все дальше от нас. Только мы выйдем, но только один раз. Оба мужчины, которых никто никогда не видел, никто никогда не знал, никогда меня не спрашивай, они тоже вышли. Вышли из самих себя, *вытащили из корня дерева своего дома*[19], единственного, что здесь растет, и просто облизывали свои шарики, облизывали ядра, вкусно? да, нам-то, конечно, нам он по вкусу, огневой заряд. В конце застрелены и пущены на воздух. С другими это было в радость, но мы сделали это с самими собой. Как ты мне, так и я тебе. В конце концов все едино, вас касается, чужаки! Доверяй оружию! Оно даже с нами творит чудеса. Мы ушли прочь. Но боги-то не уйдут и не улетят тоже, ты, папа, возможно, но вот другие нет, боги не уйдут, как мы, они не будут собирать бонусные мили, чтобы стать сенаторами, они ведь уже и так боги, они не уйдут, эти высокие, высшие коллеги, а вот мы уйдем. Боги с их честными и все возрастающими потребностями останутся и засядут в бункере, они же запрограммированы на вечность. Сначала заиметь! Но золотые яблоки так же хороши, хотя деньги больше не привязаны к золоту, что первые, что вторые идут по отдельности, за золото приходится платить все больше денег, но вероятно, что иметь так много золота еще и не окупится. Боги, да, именно их я имею в виду, будут столь же недолго вечны, как и деньги, как долг, как долги, как проценты, нет, не так, проценты – это единственное, что будет вечно, иначе зачем деньги, если их не становится все больше, все больше и больше? Вечно больше и вечность расширяется, как Вселенная. А потом великое еще увеличится! Они потратят все это на дом, боги, а именно деньги, которые им не принадлежат. В конце концов каждый тратит деньги, которые ему не принадлежат. Каждый проживает свой собственный долг и должен постоянно добывать деньги, словно из воды, чтобы его оплачивать. Великаны, гномы, Миме, Альберих, не важно, великаны, что им надо, они бы выиграли много рабочего времени, если бы наконец сказали нам, что мы от всего должны отказаться. Они этого хотят, значит, нужно так нам и сказать. Они хотят то, что бесхозно валяется вокруг, нет, то, чьими хозяевами претендуют быть многие, что всегда есть в наличии, что есть в обращении, совершенно само по себе, движимое громадными руками, которые никто никогда не видел, даже бог, деньги есть в наличии, теперь есть. Пожалуйста, посмотрите на табло, деньги

поступили! На табло доказательство сияющими буквами. Не хотите их забрать? Они только этого и ждут. Вы хотите их потратить и сохранить, каждый этого хочет: как боги мстят за долг и в то же время хотят остаться в долгу, канонизировать все, что они потом осквернят. Что хотят сами боги? Что хотят боги на самом деле? Да вы наведите справки! Что говорит об этом добрая земля? Что сказала земля на конференции благотворителей, которую сама же и созвала? Земля дает, но что она говорит, как будет оправдываться, если вдруг не даст? Чего боги НЕ хотят, этого они должны хотеть, но они никогда не хотят того, чего не хотят, и поэтому им в конце концов придется сгинуть. Земля видит перед собой собственный конец. Она видит лежащие вокруг деньги, словно бы это была природа, деньги в кладе и будут там заниматься, пока за ними не придут родители. До той поры человеческие мускулы сбивают деньги в концентрированные скопления продукции. Но и они падут. Боги падут, продукция падет, деньги падут, но падут они не нам в руки, они будут принадлежать тем, у кого нет на это никакого права, просто потому, что они себе это позволили. Это неправильно. Вера, по крайней мере, правильная. Вон, смотрите, брат уже мочит брата, забивает его до смерти! Тот не слушал, не схоронился, не соблюдал условий договоров, при этом *всем, что он есть, он стал только благодаря договорам*[20], но в это он не верит. Об этом он и слышать не хочет. Никто не хочет об этом слышать, даже бог. Да и кому захочется это слушать? Выполнять условия договоров, это было бы еще лучше, отказать себе в отличных процентах от займа, только потому что ты бог? Так не пойдет! Боги заключают договоры всегда только в шутку, что они могут заплатить, так с этим люди ничего и сделать не смогут, какие деньги они могут спросить с богини, когда эти недалекие, эти крестьяне, эти землеробы, великаны и понятия не имеют, что им с ней еще делать? Ну да, кто-нибудь один возможно, он мечтает о ее сияющем взоре. Но деньги неустанно светят все ярче. Обмануться так легко! Выгодная процентная ставка на дом – а досталась так легко! Супруга – легко завоевана и вновь покинута! Деньги. Даже не добыты. Сокровища добыты, но нечестно. И кем, кстати? Заверенные договорами, которые на практике не существуют, потому что никем не выполняются. Деньги. Золото. Оно просто есть и вдруг нет. Нет, не так уж просто. Я постоянно это говорю. Что Вы хотите? Что Вы еще можете хотеть, когда деньги всегда есть, но всегда где-то еще, в избытке, они бросаются в глаза, но стоит протянуть за ними руки, как они уходят прочь и куда-то еще, где участвуют в свободной игре по проматыванию людей. Вы! Вы властвуете благодаря красоте, мерцающие слабые

полчища, но еще ярче, чем вас, мерцают деньги. И никакой половой орган не выдержит сравнения, даже самый большой, а это сам человек. Жалкий пол, правда, но пожалуйста, как он хочет. Они так любят подыгрывать, деньги, золото, в дневную смену, в ночную, вообще за работой. Они играют вокруг, обретают воплощение в вещах. За этим больше нет рабочей силы, это давно в прошлом, это все давно в прошлом, все работают, но деньги всегда есть, просто: Они всегда у кого-то другого, никто их не получает, хотя они всегда есть. Я не понимаю. Что они могут хотеть, когда деньги и так есть? Почему Вы не можете стать тем другим? Вы же всегда Другой, почему не в этот раз? Скажите, как золото соотносится со временем? Нет. Я заинтересована не в том, чтобы узнать, как золото соотносится со временем и с самим собой, а в том, как обстоят дела сейчас. Как дела, как оно? Спасибо, хорошо. Немного пошло под откос, но все легко поднять на прежний уровень. Покуда есть люди, я имею в виду идиоты, они все поднимут, даже если в очереди впереди никого нет. Единственная ценность, которая существует, правда, прочие идиоты в это не верят. Идиоты – они всегда фифти-фифти, они не делает фифти-фифти, они это и есть, и я знаю, за какую половину я выступаю. Все обстоит неплохо, неплохо стоит вон там, не так хорошо, как раньше стоял, но все еще вполне нормально. Все-таки лучше, чем обстоят наши дела. Золото принадлежит, так и надлежит, чтобы оно кому-то принадлежало. Боги, что за колебания рынка! Едва удается устоять на земле, которая беззаботно спит вечным сном, не важно, что мы делаем. Постройка дома отдана в руки великанов, они умеют это лучше всего, потому что они такие большие, для них не существует запретов на ночные работы, а что касается их продукции, так она стоит, да что там, что чего еще стоит? разве еще осталось правило, по которому *ценность рабочей силы, а вместе с ней и величина прибавочной стоимости только тогда увеличиваются, когда рабочий, который ее производит* (Миме, Альберих, слушайте все), *когда рабочий, который ее производит, может использовать ее для своих привычных нужд*?[21] Когда он, наконец, спустя пятнадцать лет, захочет купить новую машину. Но послушайте, вы: Рабочего этого больше нет! В этом мы едины. Прежде мы объединились. Это наименьший общий знаменатель для тех, у кого нет ничего общего и кто все же настолько подл, что устраивает общак и объединяется. Всегда. Теперь на квитке зарплаты написано чуть больше. Хорошо. Кому все это должно пойти на потребу, чтобы можно было употребить прибавочную стоимость, да и кому? Никого нет. Никого нет дома. Великаны строят дома, но их там нет. А потом они друг друга еще и

укокошат. Конечно, рабочие всегда так делали, если их задевали, а эти сделают это сразу же, как будет закончен замок богов, видели вы этот домик? Никогда не рассматривали? Ну, для богов он бесконечно убог! Дом для семьи под названием крепость Ведель, для бога с супругой! И не поверишь, что великаны построили такое чудо! И все они хотят женщину, по крайней мере, все, кто хоть что-то сделал, но и другие тоже, да, и великаны тоже, а что им еще остается? Что остается этим вечно ноющим увальням? Ничего им больше не остается. По крайней мере хоть не поубивают друг друга, хотя это и было бы очень практично, чтобы, к примеру, груз перенаселения не давил все сильнее. С грузом этим, может быть, еще и можно что-то сделать, можно придумать что-нибудь. Вот попросту поубивают друг друга, один великан другого, другой попробует тоже, но помрет, они ведь терпеть друг друга не могут. Тоже причина. Возможно, есть и другая. В конце концов они угробят друг друга из-за денег или женщины или из-за того и другого сразу. В поту, мозолистой рукой схватить женщину, схватить золото, если женщина недоступна, кто назовет эту покупку невыгодной? Пожалуйста, послушай, великан, женщина сама по себе, даже та с золотыми яблоками, она не в счет, куда круче похитить ее у богов. Такие дела. Чем просто иметь деньги, куда интереснее их у кого-нибудь украсть. Но они хоть что-то делают, эти великаны. Они что-то себе при этом думают, респект! И это при таком расстоянии от руки до мозга! Совсем неплохо. Они не *организуют взаимодействие между занятыми и незанятыми*[22]. Они строят дом, а потом убивают друг друга или же оказываются убиты какой-то третьей стороной, нет, с этим они справятся и сами. Один добытчик, другой добыча. Не важно. Они все равно больше не нужны. Платить им никто не станет. Или же один возьмет все, а потом его убьют. Мы пока можем подождать. Насладиться яблочками им не удастся, вечной молодости им не видать, этим великанам. Они вообще ничего не получат. Их полно, они как полноводный Рейн, но влага пригодилась бы где-нибудь еще. Например в постели, там ей самое место. Где есть место, туда он и течет, поток. Если он поднимается, он может взобраться по лестнице, выйти из берегов. Деньги, деньги все делают одиночным, они все изолируют, деньгам больше никто не нужен, никаких людей, никаких магазинов, никаких больше договоров, даже хозяев. Покой. Прекрасный покой. Наконец-то покой. Деньгам больше не нужен договор, чтобы они что-то делали. Они горят желанием взять что-нибудь на себя, а за этим загорятся и люди. Им больше не нужны договоры. Это ничего. Деньги ничего не стоят, они просто странствуют, как бог со своим посохом. Они

бродят по земле. Ни у кого их нет, никто их не видит. Они просто есть, хотя, конечно, и не везде. А сторожа сокровищ, чего хотят они, что они хотят? Они ведь просто сторожа, и запросов у них нет. У них огромные запросы, потому что запросы есть у каждого, кто на что-то претендует. Женщину они хотят. Они хотят женщину. Они ничего не получают, а хотят и того меньше, они хотят самое меньшее. Они хотят женщину. Женщину они хотят! И что, она должна будет вместо них присматривать за деньгами? Так я и думала. Если бы она справилась, было бы еще лучше. Но при разделении труда делят и это. Существует большой страх и в то же время желание. Деньги – это неплохо, вечная молодость еще лучше. И зачем тогда вообще деньги? Я хочу что-то сделать, но в то же время я этого боюсь. Из страха я сбежала, чтобы добыть то, что дал мне мой отец. Ты, отец, дал мне это. *А теперь положил глаз на чужой оклад*?[23] Все время деньги, все больше денег, чем все это кончится, папа? У нас нет никого, кто просирал бы все эти деньги, ах, ну да, извини, пожалуйста, конечно, у нас есть Фрейя, она это может. И все-таки мне жаль, что я съехала. У меня своя собственная работа, которая меня полностью устраивает. Если великаны получат зарплату за этот отвратительный дом, в котором я все равно не стала бы жить, тут-то нас и кинут. Ты часто оплачивал услуги великанов, так заплати и этим, заплати и в этот раз, папа! Не всегда плата неблагодарность, но в этот раз точно. *Ребенок обнимает твои колени. Отец! Не наступай на ребенка, не дави меня!*[24] Я сделала то, чего не должна была, но я все еще боюсь. Только и делаю, что боюсь. Сама не до конца понимаю почему. Зачем ты дал мне это идиотское копье, если я не должна его использовать? Но я все равно сама себе не доверяю. К тому же мой последний парень его сломал. Фрейду нашлось бы что сказать на этот счет, если бы его спросили. Сыновья не должны сидеть за отцовским столом без оружия, но отец также не должен делать вид, что своим посохом бросает им вызов. Зачем ты пообещал мне меч, папа?[25] Или по крайней мере кого-то, кто сможет его держать, кто может его выковать, а может, в виде исключения, и то, и другое? Зачем ты пообещал мне героя? Как всегда, ты обещаешь, а потом не даешь! Зато я выдала: Там что-то плывет, что это, что это, прежде из моего копья выходили чернила, а теперь я печатаю, печатаю и печатаю, бесконечные предложения, бесконечные страницы, бесконечные биты и байты, без конца, непонятно зачем, но: вот оно! потому и не могу остановиться! На помощь! Смотрите сюда, я только и делаю, что собираюсь остановиться! Видите вы этому всему конец? Ну, видите! что за бессмысленный труд, я знаю, отец, что ты мне этого не велел. Этого и еще того. Вообще не

велел чего-либо делать, кроме как носить героев, внутрь и наружу. Я спешу прочь, на восток, в стильном наряде. Не каждый видит меня такой, какой я вижу себя сама. Один скажет: Эта женщина накрашена и пострижена ручной гранатой! Это же так жестоко! Этот мужчина, должно быть, слеп! Я так старалась! Мы бежим и бежим, достигаем скалы, там и должна я уснуть, одна. Деньги, по крайней мере, хоть что-то делают. Но я должна спать. Но я не должна делать вообще ничего, говоришь ты, кто никогда ни за что не платит, но у кого все есть. Я не могу остановиться, я не могу вот так просто остановиться на этом месте, должно быть, это очень просто, просто сложить руки на коленях, взять героя, немного его поносить, и все. Остановись! Остановись! Спасибо, люди! Я пытаюсь, честно! Нужно просто прекратить работу и замолчать или же заняться чем-то еще, или устроить каникулы и ничего больше не делать. Я так бессмысленно устала. Я бы с удовольствием поспала, но тогда и огонь не нужен. Я сейчас соберусь! Только не засыпать, иначе все кончено. Я-то уж знаю, каждый хочет, чтобы я остановилась, наконец-то заснула, но я не хочу, не могу примириться с тем, что над моей болтовней зевают, я хочу посмеяться над голодом и жаждой, водой и камнями, хочу показать, что я могу позволить себе привилегию суждения, позволяю: Ваш приговор! Вы услышите его только от меня. Я хочу продолжать! Все сгорит? Мне все равно. Все и так слишком часто горело! Бросим этот пожар, иначе мы пойдем ко дну с нашими неудачами, с нашей внутренней неспособностью, отец! Носить героев, носить все время, все время носить кого-то другого, да, это было бы лучше, пусть и не для меня. Таскать героев, чтобы они из моих рук могли перейти в твои вооруженные части, вместо того чтобы подмазывать здесь! Мои пальцы куда прилежнее закона спроса и предложения! Но там, где ничего нет, каждый утрачивает свои права. Кто? Что? Теперь я должна их еще и принимать? Я не рекрутинговая компания! И это герои, эта вялая убоина? Я бы их не стала брать. Они же все уже мертвы! Что ты будешь с ними делать? Ты их рекрутировать собрался? На какую-нибудь битву, на какой-либо из сторон? Для последней битвы? Нет больше никаких сторон и никаких битв. Только конец. И все равно я бы с удовольствием поприсутствовала, как обычно. Пожалуйста, только не этот позор, я же еще сплю подобно всему народу, ничего больше не понимаю, ничего больше не делаю! И мне не разрешается больше носить героев. Все-таки это было лучше, чем ничего, даже если их больше нет среди живых. Поступки вместо слов! Пирожные вместо убийств! Для того, чтобы я могла писать дальше, другие должны читать. А иначе зачем я все это делаю? Но и они должны что-то привнести, их дух

должен подернуться тихой рябью, а потом он дергает слишком часто, и вот уже контакт с моим единственным дорогим читателем прерван. Но ты же придумаешь что-нибудь, папа, чтобы занять чем-то дочь и героев тоже, в порядке общей очереди. Больше никогда не прижимать моего божественного рта к другому? Еще и это? Я даже представить этого не могу, ничего не делать. Таскала на себе героев, это было не умно, я никогда не считала ручную работу каким-то плюсом; а что касается писанины, кто знает, хотя столь многие этим занимаются, все ими забито, снова пришло что-то почитать, доставлено отрядом амазонок[26], комплексное решение в одном флаконе. Да и что еще с этим делать, когда все время сидишь дома? У огня? Никакой любви, любовь: под запретом. Но ты, тебе, конечно, можно, ты, отец, можешь защитить, но ты этого не делаешь. Больше не защищаешь даже меня. *В битвах я прикрывала твою спину*[27], да, это так, прикрывала твои тылы. То, что у меня впереди, тебя не волнует, я все время позади тебя, отец, к тому же у тебя только один глаз, отец, им ты видишь впереди все, я я я вижу за твоей спиной то, чего ты не видишь. Я вижу это в свете своих задних фар, нет, момент, дай-ка подумать! сзади, значит, это твои задние фары! То, что мне казалось светом, была только твоя тыльная сторона, которую я все время и вижу, потому что ты всегда опережаешь меня по крайней мере на один шаг, ты, певец несвободных. Им ты сияешь ярко, как солнце! Освободишь ли ты меня, влепишь ли мне пощечину? Как почтовую марку, которая придает написанному ценность? Говорит ему, куда оно отправится? Я вижу только то, что ты не видишь, папа. Я слепа, глуха, тупа, но мои руки все еще простираются вверх, они двигаются, как великаны в их растворе, как новые герои с их расправами, как брат с сестрой. Все волнуется, все движется. Каждый делает то, что не должен. Но только деньги делают это самозабвенно, потому что самих себя у них и нет, для своих владельцев, которые все время другие. Деньги странствуют, как ты, отец. Но у них оба глаза открыты. Они смотрят во все глаза, хотя они так бесчувственны, и им все равно, где они окажутся в конце.

В.: Я. Дитя. Так много ты еще никогда не говорила! Я часами слушаю тебя, но что ты сказала? Я уже не помню. Ты хочешь двойную свадьбу, но не знаешь, кто должен стать второй парой? Этого хотели многие девушки, а потом вдруг оказывались втроем, и сами оказывались лишними! И каждая хочет героя, ну, разумеется, кого же еще. Кого-то, кто с чувством долга возьмет на себя долги и будет их выплачивать. Я: пример, но дурной! *В договорах господин, по договорам лишь раб*[28]. Должен прийти человек, должен сначала прийти человек, кто-то, кого мы еще не видали, ибо те, кого мы знаем, они не могут. Тот, на кого мы все сможем повесить. От меня можете больше ничего не ждать, у меня были возможности, и еще какие, но теперь должен прийти человек, который сделает это лучше. Кто-то, кому я не должен буду помогать, это само по себе было бы чем-то новым. Кто-то, кто, чуждый богу, свободно живет себе во благо, неосознанно, я имею в виду, не осознавая, что вообще есть бог, кто всегда, в данном случае я, знать осознанно, неосознанно, и никто ему ничего не делает, он сделает из самого себя, кто-то, кто совершает поступки, не важно какие. Поступки. Что идут впереди воззрений, и у них есть задние фары. Всегда, когда тормозят, загораются еще и дополнительные, сзади часто очень интересно, часто многовато тормозят, сперва движение распознается сзади. И тогда нужно бежать в другую сторону или же это движение побороть. Без меня. Так. Я не должен ничего ему советовать, не должен помогать, не должен ничего ему желать, он даже не будет знать, что я единственный, кто вообще может чего-то хотеть, это *дружелюбный враг*[29], как мне найти его? Ну, не будем преследовать этот интерес дальше. Не то он начнет преследовать нас. Как создать свободного человека, которому не нужны кредиты, поручительства, собственность, внешность и внутренность, упрямого, который не выплачивает проценты, которые набежали еще до его рождения, подбежали, подошли к старту, чтобы убить его, о том змее, который стережет собственный капитал банка, я и говорить не хочу, это червь, но большой, и не в компьютере! как мне сделать этого другого, как мне произвести этого человека, *который бы не был более мной и действовал сам по себе, как я и хотел*?[30] И как мне побыстрому найти глупца, который будет сам по себе делать то, что хочу я? Да, как? Дураков так много, среди них должен быть хотя бы один такой! *Я противный, противен самому себе.* Но где мне найти этого человека? *То другое, чего я вожделею, это другое я никогда не увижу, потому что свободный должен сотворить себя сам*[31]. Именно эту возможность он и высматривает! Когда я сам подхожу к пластилину и леплю, округляю руки, леплю и леплю, *всегда*

выходит одно и то же, и это: слуги[32]. Я хочу создать кого-то, кто выглядит подобно богу, но у меня не получается, собственно, его полагается поставить на торт для двойной свадьбы, но так, как он смотрит, я не могу никому этого доверить. Нет, ни одно сопоставление вас не убедит, потому что герой как должное примет на себя все мои долги и должен будет умереть. Маленькую фигуру на торте нельзя с ним сравнить, он будет похож скорее на засахаренную вишенку, я думаю. Возможно, мне еще удастся сделать локти и колени, но кисти и стопы точно нет, это чертовски тяжело. Вишенка останется на торте, а слуга, мой слуга, только рассмеется и бросит свою жизнь через плечо, словно вишневую косточку. И тогда у меня больше никого не останется. Тогда я буду слугой самому себе, другие слуги, в том числе мои собственные, теперь точно больше не явятся. Последний самолет отбыл. Больше ни одного не будет. Я не хочу обманывать самого себя, ибо это именно то, чего я хочу. Чтобы все по собственному желанию желали того, чего желаю я. Чтобы пришел кто-то, в маленький банк для среднего класса, допустим, от которого не укрылись драматические изменения на мировых финансовых рынках. И вот он здесь и не знает, что делать, он знает только, что он должен что-то сделать. Такие дела всегда тяжелы, но я заранее вытащил косточку, прежде чем попытался создать человеческую фигурку, потому что такого дела не хватило бы. И что же вышло? Герой, который хочет получать доходы с собственного капитала, каких не бывало. А кто хочет получать такие дивиденды, тому нужна продукция, какой у нас не бывало, эту продукцию он создает из ничего, точно так же, как я создал человека. Только я, разумеется, был успешнее. Однако мои достижения оказались более устойчивыми. Люди все еще существуют. Герой размышляет. Он не умеет считать, но он хочет достичь лучшего банковского баланса, а если не получится, ему придется приукрасить старый, накрасить невесту, положить вишенку на торт, если получится, надеть кольцо, в качестве рычага, как бы ни функционировало то, что он надеется использовать. Вишенку, которая задумывалась как фигурка человека, ему удастся доставить наверх только с лестницы. Или ему наконец-то придется украсть кольцо, он знает, где оно. И оно уже у него! Все это время оно было у него на пальце! Далеко ходить не придется! Хитро! Значительные достижения банкира благодаря банку! У него есть кольцо, у него есть сокровища, он основал фонд Рейнской земли[33], резиденция: Нормандский остров Джерси, моя любимая Яйрландия! имя: Лорелея, она сидит и поет, мимо проплывают корабли и тонут. Потому что на них сел поднимающийся на ноги герой из Рейнской земли, так что лодка,

челн оказался переполнен. Как и твоя писанина, точно как твоя писанина, дитя! Вот видишь, что бывает, когда слишком много пишешь или когда герой переводит и не знает куда. Он схоронился однозначно глубоко, скромник! Да, лошадь тоже приплели! Лошадь перевели тоже, рейнские винторезы что-то подкрутили, чтобы челнок остался на плаву. Они все-таки тоже должны что-то зарабатывать, но с их винтами ничего не выйдет, кто бы их ни крутил, войти не выходит. Они основательно посадили корабль на мель, и только на том основании, что акционеры хотели больше. Этот винт ничего не принесет. Рычаг все исправит. Нет, рычаг тоже ничего не даст. Нужно подкрутить в каком-то другом месте, нужно нарычать на кого-то другого. Ключевое дело банка все еще слишком тяжело, даже если деньги прилежно работают. Маржа просто смехотворная. Почему бы нам не украсть весь банк, папа? – спросила ты однажды, Не знаю, дитя. Я правда не знал. *Я с жадностью сохранял золото*. 15 % налогов на прибыль с капитала, даже если и не у нас! То есть у нас такого нет, но есть что-то подобное, что в итоге всегда означает, что не платят вообще ничего. Особенно мне, богу, ничего не платят. Но и государству не отдают того, что ему принадлежит. Они думают, просто потому, что они меня не видят, они не должны выплачивать мне проценты! Они думают, просто потому, что хотят выйти на рынок недвижимости, они смогут на нем что-нибудь выгадать! Эта затея с недвижимостью – это движение не в ту сторону. Нужная сторона лежит совершенно в другом направлении, но направо – это тоже мимо. Нужно не работать, нужно просто прочесывать леса, там достаточно работы, хотя ее так и не называют. Деревья тоже доставляют много хлопот, даже когда упадут. Герои тоже доставляют много хлопот, даже когда падут. Дома тоже доставляют много хлопот, прежде чем обрушиваются. *От моей мести этого человека защищает только то, что я сделал. Мой меч*[34]. Ударо– и уколопрочное оружие. Но ничего этого больше не будет, дитя. Все это перевяжут, как нить норн, дочерей земли, я имею в виду норм, дочерей людей. Сначала они производят нить, и то, что вплетено в нить, кроме тех случаев, когда это ты сам, кто повесился, сплетают в заговор и торгуют, это ничто, вот что там торгуют, и по нему это видно. Оно выглядит как ничто, и это и есть ничто. Но люди этому не верят. С ничем ведутся переговоры. И самое большое ничто – это любовь. За нее никто ничего не даст, за нее никто ничего не получит. Кого она интересует? Ни даже бога. Нет, в корне неверно, все в ней заинтересованы. Она ведь ничего не стоит. И да, *то, что я люблю, я должен покинуть*[35], также и тебя, дитя, ты этого даже не заметишь, тут и говорить-то не о чем,

к тому же ты и без того будешь спать. Я обладаю усыпляющим воздействием. Иначе не пойдет. При таких законах, которые я сам и установил, я не могу остаться. Иначе и мне пришлось бы их соблюдать. Законы остаются, я не останусь. Их надлежит соблюдать только вам, несвободным людям, законам процентов и процентов с процентов, банк между тем прибавит газу, но дальше не уедет, он останется на том же месте, я думаю, в Дюссельдорфе, да, там он и останется, он не знает, куда девать себя самого, и не знает, куда девать свои деньги, их становится все меньше, при этом их должно становиться больше, он что-то делает не так, но прибавляет еще больше газу, и к тому же банк находится не на той территории, ничего не выйдет, чем больше газа, тем меньше кэша, чем больше кэша, тем меньше газа можно прибавить; вступает государство, государство выходит, вступает, выходит, тут уж можно сразу ложиться! Это ты сейчас и сделаешь, дитя. Засыпай! Это хорошая идея, конечно, моя, я же видел, что происходит, когда банк и когда государство начинают двигаться, к тому же в разных направлениях. Они делают это неправильно. То, как они это делают, это неправильно. Покажи мне возможность превзойти этих богов, к которым также отношусь и я, и я схвачусь за нее. Но таковой нет. Даже для меня. Ложись, отдохни. Все, что я построил, должно обрушиться! Я так хочу. По мне, так страховые компании должны заплатить, но все должно обрушиться. Да, а потом обрушатся и страховые компании. Должно возникнуть нечто новое, я еще не знаю, что именно. Но одно знаю точно: без меня! Без меня. *Я хочу теперь только одного: конца*[36]. А теперь отдыхай, дитя. *Передохни здесь немного, позволь себе роздых!*[37] Да, речь о тебе! Вообще-то я решил так, что ты будешь спать беззаботно, а не просто вечно. Кто отдыхает, тот подыхает. Но тебе все равно придется полежать. Шлем и латы, да, вам тоже! Что ржавеет, то заржавеет. Сейчас мне больше ничего не приходит в голову для тебя. Потому что с любовью ты никогда не договоришься, это я уже понял. Как один из моих пехотинцев, ты бы научилась только опустошать. Любовь – заблуждение! Она погибает, возникая, как погибает капитал, если больше не приносит дохода. И тогда его поглощают, он поглощает сам себя, самое себя, как любовь. Капитал, от которого не поступает процентов или с которого не платят проценты, должник, это означало бы продлевать его через каждое необходимое изменение! Обеспечивать существование друг друга, но не выплатами друг другу, не сборами друг с друга, с изменениями, которые нужно принять, чтобы потом когда-нибудь пойти ко дну, но даже и тогда вину здесь возлагают на изменения. Естественно. Если ничего не меняется, все умирает.

Ты думаешь, заполучить любовь будет так просто? Ничего не просто заполучить, особенно когда в кармане маловато, когда становишься мал самому себе, если скуп с самим собой. Если не платишь проценты самому себе, не бережешь их для других, забываешь, становишься небрежным, тогда ничего больше не остается, ни для кого. *Как фанатики использования полезных ископаемых мы бесцеремонно принуждаем других к производству*[38], если мы окажемся в счастливом положении, что сможем производить продукцию, я-то сам за воровство, это все знают, и все-таки производство есть, это как, производства ради, в любви. Каждый жаждет ее, каждый думает, что она ему нужна, и все-таки она ему без надобности. Совсем она ему не нужна, эта любовь. Он только так думает, но она ему не нужна. Кто-то даже принес себя в жертву, из-за любви, но, видимо, ко всему человечеству сразу! Высокомерный нахал! Никогда не мог выносить этого спасителя! *Полное, свободное развитие индивидуума*[39] в любви, в работе, в рабочем классе, в том, что кто-то привлекательнее другого? Естественное свойство самой личности, которое, однако, не развивается естественным образом, подобно капиталу. Нас можно принять только в качестве *персонификации капитала*[40] как богов из виллы на холме[41]. Мы улучшаем условия производства, некоторые на этом зарываются, а мы творим условия, другие зарвались, все время кто-то будет зарываться, пока наш капитал тоже не будет израсходован. Спи! Ты должна спать, дитя! Кто спит, не зарабатывает и не заслуживает ничего. Кто спит, не грешит и не делает долгов. Любовь, единственный продукт, о котором каждый думает, что он ему нужен, сама по себе долг! Ты платишь и платишь, но не получаешь даже процентов! Все время приходится платить, но любовь даже не открывает глаз. Она вообще ленива, она слепа и глуха, эта любовь. Она есть, но она ничего не делает и ничего не может. У нее есть выбор, прийти, остаться или уйти. Это же очень просто, но может научить кое-кого страху, что тоже не то чтобы необходимо. Что до меня, мне это не нужно. Кто отмечен, того постигнет. Так начертано на двоичном древе. Так-то. Кто подписался на заем, с тем ничего не может случиться, даже если он наткнется не на те земли. Но нет, все будет хорошо. В конце концов все кончается хорошо. И если нам позволено будет полюбить, нам больше не придется выходить из дому. Тогда у нас будет все, что нам нужно, дома. Но эта тупая любовь, она будет так непредсказуемо конечна! В любом случае ничто не имеет значения, непредсказуемо ли или предсказано неверно, как это чаще всего бывает, причем во всем. Все неверно. Или она есть, или нет. Прочитайте вот эту колонку, загляните в другую, ничего

подходящего? тогда смотрите дальше! Блуждайте глазами, а когда у вас останется только один, прекращайте! Я там видел еще одну, которая увернулась от этой колонки словно дым, словно туман! Но это точно не от огня, не знаю, правда, что там могло загореться. И все-таки поторопитесь, иначе достигнете вашего полного воплощения слишком поздно, вы, бутылка! Невозможно страстно желать чего-либо не делать. А заполучить любовь, как это вообще может произойти? Лучше и не пытаться. Купить? Если она разрывает кому-то сердце, да, в том числе любовь к ребенку, что тогда делать? Как будто прорывается источник, как можно его удержать, если очень скоро будет уже слишком поздно? И нет никого, к кому можно было бы обратиться? Все распадается, и умирает, и подходит к концу, и превращается в руины, все издыхает, бешеная тоска, жгучая боль, я никого не спасу, и уж точно не своими губами, дитя, нет, ни даже тебя. Это должен сделать кто-то другой. Я никого спасать не буду, и все тут. И тебя, ту, которая спасала героев, я поставлю в самый последний ряд, потому что, если ты не пробьешься, тебя забьют, как и на всякую, абсолютно любую человеческую работу. За спиной у каждого рабочего уже стоит кто-то, кто сделает это дешевле. Капиталист, несмотря на это, урезает, хотя все работали прилежно, он обязательно что-то урежет, и урежет он не свою прибыль, всегда ведь кто-то работал за еще меньшую сумму, чем прежний, этот канат обрубить нельзя, эту сеть аптек нельзя разрывать, один сбивает другого, вот так, спросите упомянутого уже брата Баума, нет, не его, я не знаю, кого бы вы могли спросить, но у последнего теперь ничего нет, это логическое следствие из этой последовательности, ну да, у него ничего нет, но у него всегда мало. Любящий, который только что был богат как Крез, урезает: Есть ли у него, есть ли у нее кто-то другой? Это всегда возможно. Это незаметно. Иисус из Назарета – тоже великий странник, однако он никогда не бывал один, он просто не мог быть один: бог, как и я. Но куда, почему? Я та, кого все вы ищете, говорит невеста-нацистка[42], которой до этого, по телефону, когда она позвонила в полицию, никто не поверил и которую никто не зарегистрировал. Кто нам верит, тот побит. Она говорит то же, что Иисус своим тюремщикам. Точно: Это слова Иисуса! Потому что сказать может кто угодно и что угодно. Делать никто ничего не обязан. *Право существования капиталиста, его единственное право это нечто, что он не имеет не никакой даты*[43]. Это цитата[44], я даже не понимаю, что это значит, я даже не могу понять, как я мог ее найти. Да, признаю, это звучит странно, но так сказано, я даже несколько упростил, но даже в этом виде я не понимаю. Я не имею не срок годности. Бог и деньги, у них тоже

нет не срока годности содовой, в которой они просто исчезают, но перед этим еще побулькают, а потом исчезнут. Чего еще хотят от любви? От любви хотят того, чтобы она осталась, единственная. Ну, многие этого не хотят, но все хотят, чтобы любовь осталась, а ей больше ничего и не остается кроме как остаться. Деньги посчитать проще, тут ты со мной не поспоришь, дитя. Все можно посчитать, только вот они никогда не кончаются. И под чертой никогда не сходится. Как-то нестройно все. Инструменты настроены, инструменты продемонстрированы, но просто-напросто ничего не сходится. Выходит, что ничего не сходится. Обозначенная авансом стоимость была словно выброшена на ветер, она не была использована и даже не получила прибавочной стоимости, деньги не превратились в капитал, капитал в золото, золото в клад, где его спокойно можно было бы обналичить. Этот человек не превратился в любящего, хотя у него для этого была масса возможностей. Для чего он стал бы стрелять самим собой вокруг, этот любящий, он мог бы случайно попасть в ту, в которую попадать не собирался? И почему он хотел попасть именно в ту? Капиталист: Зачем он разбрасывался деньгами? Пока все не умерли? И как же их станет больше, для него? А клиенты тоже мертвы? Ох, это было бы нехорошо. И купит ли он дом, крепость для себя и супруги под ключ или будет строить, заказав его великанам или гномам, из которых каждый хочет обскакать другого, не важно, ни одно из этих приготовлений не поможет ему увеличить размеры заложенного в фундамент дома золота. Так. Что. Деньги есть нельзя, в том числе эти золотые яблоки: не съедобны, предназначены только для любования и для молодости, которую отдали, чтобы дать представление, я имею в виду, чтобы представлять из себя больше. Яблоки снова сделали инвестицию в молодость необязательной. Так что придется искать иные возможности. О юности позаботились. Чек выписан. Больше юности из юности! Как это? Пройдет и это[45]. Бесконечно так продолжаться не может. Где нет ничего, бог потерял право, которое установил сам, записал и завизировал, подписал. И что мне теперь делать? И что нам теперь делать? Где прибавочная стоимость? Как удастся превратить деньги в капитал, который будет существовать сам по себе, странствовать по свету, как я, Вотан, капризный и слепой, даже не одноглаз, слеп! Одноглазка, ты спишь[46], ты же хотела выйти, а теперь слишком поздно! Придется про ехать по крайней мере еще одну станцию, для наших лыжников: проехать еще один сезон! Раньше, когда за деньги еще работали для отдельного человека, тогда было проще. Теперь деньги работают в одиночку, без какого-либо присмотра. А

любовь вообще ничего не делает. Она ждет, что ее защитят другие, сама она вообще ничего не может. Всякие девушки на Рейне, кого они еще могут удержать![47]

Ты, моя дочь, не можешь удержать героя от умирания, ибо он получает, что хотел, в отличие от богов, которые получают то, чего не желают, и должны хотеть того, чего не желают, я повторяю снова и снова. Это не твои проблемы, дитя. Но я не хочу тем самым сказать, что ты проблемный ребенок. У дочерей все утекает сквозь пальцы, неудивительно, если учесть, что они живут в воде и не знают ничего иного! Сокровища принадлежат им. Твое сокровище тебе не принадлежит, дочь моя. Твое сокровище превратится в объект ненависти, и это всегда, поскольку любовь должна все время странствовать, к худшему. Не важно, человек все равно обречен. Нет смысла привязываться к нему. Кто это сказал? Да каждый скажет, что его сокровище принадлежит ему. Сокровище принадлежит каждому человеку, кто его собирал. Нет, не каждому, кто его заработал. Не каждый заслуживает сокровища. Потому что *нормальный характер условий работы зависит не от рабочего, он зависит от капиталиста*[48]. Он создает работу, он дает ее, и потом он же забирает все, что выходит снизу. Он забирает все дерьмо. Оно принадлежит ему. Он забирает все. Он забирает все у каждого. Деньги с самого начала принадлежали ему. Он забирает их снова, когда их стало больше. Теперь деньги называются капиталом. И *их мертвой предметности уже не свойственная живая рабочая сила*[49]. В продукции уже нет ничего продуктивного. Сила больше ничего не делает, она больше не нужна; что бы дальше ни появилось, прекрасным оно не будет, хорошо еще, что оно будет превращено, без человека, оно будет превращено, без товаров, без продукции, оно будет превращено, без продуктивности, без рвения, без гнева, оно будет превращено в ценность, прошедшую, опредмеченную, мертвую, мертвую любовь, мертвую, мертвую, мертвую работу, потребленную работу, отданную работу, выброшенную работу, осиротевшую работу, оставленную работу, все, что живет, все, что есть, все, что будет, все, что мертво, мертвая работа, будет превращено в капитал, использующую саму себя пользу, одушевленное чудище, которое начинает работать, как будто у него еще есть любовь в теле. Однако любовь – это машина и рано или поздно она ломается. Все, что сделано, ломается. Все остальное тоже. Так что засыпай, дитя, у тебя есть любовь в теле, но ты не можешь ее удержать, поскольку деньги как раз и существуют потому, что их нельзя удержать. Лишь немногие могут. Знают, как делать такие дела. Спасибо, хорошо. Не жалуюсь. Да. В деньгах это есть. В них есть то, что лишь немногие

могут их удержать. Только они появились, как их уже вырвали из рук. Посмотри на табло! Посмотри на сверкающие цифры, они обозначают сокровище, но платить за него тебе никогда не придется, ты всегда должна его допрашивать, но платить за него никогда! Никто не платит, все просто берут, но не видят, что именно берут. Они берут деньги в долг, чтобы купить *нечто, чем они даже не будут обладать, но продадут снова*[50], как только это вырастет в цене. Они думают о послезавтрашнем дне, они не желают знать, что происходит. Они уже думают, кому они смогут продать то, что купили в долг, но чем не обладали. Они любят, но уже не присматриваются, кого или что именно. У них что-то есть, но они не знают зачем, они знают только, что это должен иметь кто-то другой, когда это вырастет в цене. Они не знают что. Они ничего не знают. Они позволяют этому утекать сквозь пальцы, они позволяют другим людям на досках, в машинах, в самолетах, на кораблях уплывать, главное, прочь, главное, прочь от ущерба, чтобы можно было получить еще больше, пожалуйста, не уходите прочь все, не уносите прочь все! некоторым удается это оставить, то, что, как им кажется, принадлежит им. Но они этого вовсе и не желают. Они хотят, чтобы это принадлежало кому-то, кто заплатит им за это еще больше, за что-то, что никогда им не принадлежало, я не говорю, кто кто. Они в любом случае это сохранят, даже если это вовсе ничего. Неудивительно, что все навострились на сокровища, что каждый хочет встряхнуть свою давно уже рассеянную вахту. Сокровище странствует, но никто не может его удержать. В процессе ценообразования не предусмотрено, что сокровище в конце снова окажется там, откуда оно отправилось в путь, так и не став больше, а все остальные к тому же умерли. Что останется только сокровище, но не его владельцы, ну, от них мы можем и отказаться, но не от того, чтобы выросли курсы, и даже если на почве есть хотя бы крохотная неровность, это все-таки в известном смысле возвышенность, не правда ли, так, сокровище: На данный момент оно путешествовало так далеко и так долго, но в конце оно снова там, откуда отправилось в путь, другими словами, откуда было украдено, когда курсы были еще низкими. Это сокровище не может оставаться ни у кого украденным, и все-таки его постоянно воруют. Оно может остаться украденным у кого-то, и его постоянно воруют. Герои погружаются на дно. Не герои погружаются на дно тоже. Смерти все равно. Только клад, сокровище, оно останется, где есть, никаких процентов, никакого роста курса, никакой перепродажи на более выгодных условиях; оно принадлежит то одному, то другому, его хранители меняются, его бросают в воду или снова достают, в зависимости

от. При этом оно не становится лучше, но и хуже тоже не становится. Оно просто лежит и за ним присматривают, или же его носят по кругу и присматриваются. Лучше бы оно работало, но ему больше нравится лежать в гнилой воде или в гнилой дыре. Однажды герой о нем просто забыл, правда? Слово чести, оно было этим героем полностью забыто. К нему протягиваются руки, к обладанию им, потому что лишь обладание дает человеку право, которое человек до настоящего времени перенес с себя на обладание. Так что обладание теперь стало правом, кольцо это обладание, сокровище это кольцо, кольцо было сокровищем, обладание это право, оно не дает права, оно право и есть, и все, что действует с данного момента, было выведено из него. Кто участвует в обладании – таких должно быть как можно меньше, оно должно объединиться в одних руках, обозримо, чтобы претенденты на него могли преспокойно размозжить себе головы… итак, тот, кто в доле, в этом объединении, не важно, между кем, предстает естественной опорой власти, общественной власти. Кто берет нас в долю, вероятно, слаб, но у него в руках необходимые доли. Любовь? Это подходящий пай, но когда очередь дошла до нас, до богов, мы от этой доли отказались. Мы хотели дивиденды получше. У нас, конечно, уже были мы сами, а кроме нас никого и не было. Что за скучные порядки! Направленные против природного порядка, который, как известно, основывается на движении, он хочет, чтобы было больше или меньше, смотря для кого. Мы мертвы. Как боги мы все умерли для людей и они правы. Эта смерть через упорядочивание, которое не требует даже подчинения, потому что на этой шкале нет отметок, это даже не обычная линейка! эта смерть через оцепенение отнимает у меня власть, которую следовало строить не на обладании, но я хочу еще и обладать, я хочу больше, я странствую, но я не двигаюсь, я трахаю женщин, но я при этом не двигаюсь, я хочу все, но я не двигаюсь, я странствую, но я не могу двигаться, любви лично мне больше не хочется, иначе мне пришлось бы двигаться, а так я хочу все, я хочу его, обладание, единственное, что кроме нас, богов, не двигается, разве что курсы, которые обозначают ничто, курсы для большего количества, чем вообще есть, для большего, чем вообще существует, курсы для больше и меньше, не важно, если бы все то, чем торгуют, существовало бы, это все провалилось бы под землю, этого было бы слишком много, денег уже и так слишком много, которые странствуют по свету, как и я, как Вотан, курсы для ничего, потому что больше, чем может быть, это уже ничто, конечно, двигаются, но не обладание, хотя обладание в сравнении с тем, что показывают курсы, скорее невелико, они

показывают, что должно быть куда больше, чем есть, так, и за мой дом я еще должен заплатить, а ведь небеса и так его еле выдерживают. Все за эту недвижимость, которая в итоге тоже не двигается, это следует хотя бы из названия. Строители, единственные, кто прилежно потрудился, хотят чего-нибудь за свою работу. Мне это непонятно, я ведь мог бы создать этот дом из ничего, как другие боги, но в железный век следует рекламировать железо, это я понимаю. Так что я должен платить. Причем еще большим количеством металла, который, кстати, тоже не очень-то подвижен, разве что если попадет под молот. Металл раньше был привязан к бумагам, договорам. Больше нет. Как же теперь? Следует ли мне исцелить мою власть собственностью или же собственность властью? Следует ли снова привязать деньги к золоту, от которого они как раз были оторваны, чтобы их стало больше еще быстрее? деньги покинули свору, беглый зверь? Я бог, но так многие о себе думали. Я единственный из них, кто может это доказать, пожалуйста, вот бумаги, которые я подписал лично! Вообще-то это кусок дерева, который даже не может двигаться на ветру. Я считаю себя богом, уж мне-то удастся, я своя собственная собственность, и золото тоже моя собственность. А собственность – это не собственность, потому что ее так много, что никто больше не смог бы ей владеть. Золото. Золото из реки. У него очень моложавое лицо, всегда, на одной стороне лица, на другой что-то еще, деньги всегда молоды, подобно тому как возлюбленный навсегда остается для нас молодым. На обеих сторонах монеты, которую больше никто не увидит и никто больше не возьмет в руку: forever young. Они всегда новая, они не стареют. А людей, которые их создают, гномов, которые их лопатой гребут, их я воспринимаю исключительно как явления распределения их рабочей силы по разным областям приложения капитала, но капитал просто лежит на месте. Странно, что лишь немногие это знают! Денег слишком много. Они странствуют по кругу. Никто больше не может их иметь. Это уже слишком, их слишком много, но вот иметь-то их как раз никто не может. Есть налог, есть процент, есть кредит, у каждого есть долги, многие получают проценты, у многих есть кредиты, но денег у них нет. Деньги куда охотнее гуляют на воле, но не с вами. Вон они лежат, нет, не там, вы ищете не в том месте! Никакого чуда тут нет, но не знаю, что это чудо изменило бы. Он идет и в то же время лежит, капитал. Он странствует, как я, но в то же время лежит, пусть и не у каждого. Любовь тоже странствует. Так что на земле остались только мы? Да, крепко стоять на ногах! Нам не нужно отрываться, как этому Иисусу, которому совершенно сорвало крышу, спасителю, принесшему

себя в жертву во имя любви к человеку, его папаша тут же согласился, ведь таким образом он наконец-то смог от него избавиться, святой дух, как всегда, молчал, а люди тут же позабыли весь этот бред, все всегда моментально забывается! он ведь у них на шее висел. А я? Бог, который когда-то хотел жить, теперь хочет лишь собственного конца. Деньги ничего не хотят. Они просто есть. Они само бытие. Они живут *в благочинной пустоте на солнечных высотах*[51]. Они знают, как и бог, который принес себя в жертву, что они продолжают жить в тех, кто ими обладает. Бог же знает, что продолжает жить в тех, кто в него верит. У них есть вечная жизнь, но вечных денег ни у кого нет, это было бы уж слишком, это даже нельзя себе представить. Даже бог, который создал все, не может себе такого представить. Он может умереть, и он может желать своего конца. Он может уйти по собственному желанию. Он всегда предавал всех, кто в него верил, а теперь он жаждет собственного конца. Да и насчет твоего, дитя, я тоже уже все решил. Ты можешь взять с собой кого хочешь, да, даже твою лошадь, ты можешь взять все, пояс, шлем, он тебе, кстати, не идет, все равно что, меч, по мне, так он тебе не принадлежит, но тебе принесет его некто, кто перед тем часами стучал по нему на наковальне. Хороший мастер, разве что не очень умный. Если ты себе нравишься в этом наряде, я тебе перечить не буду. Это наше преимущество перед деньгами. Мы берем, сколько сможем. Но всегда слишком много такого, о чем мы не знаем, что оно делает, когда оно не у нас. Это никто не может взять с собой, но оно берет себя само. Идол, который сам вершит свою судьбу. Он сам себя носит. Он выносит себя, без всяких коммивояжеров, как нечто страстно желанное. Вечные боги, однако, могут обладать этим вечно, вечно, как течение реки. Если бы люди создали себе бога, он ни в коем случае не был бы похож на меня. Старый, израненный, потрепанный, только один глаз, обвисшая шляпа, ходит с палкой, ну да, в каком-то смысле внушает страх? Два ворона согласились сопровождать его только за непомерное вознаграждение. Так люди думают, что его даже животные слушаются, да, даже волки. Даже лесные птицы, которые болтают чепуху. Любовь? Пусть. Теперь спи, дитя! Теперь ты подпала под действие закона вытеснения, где оказывается все необъяснимое, так что тебя вытеснит, прочь, уносись прочь, за всполохи пламени, все равно, вымещай, вытесняй! Как на пожаре! На это будет жить целая отрасль. Деньги не выйдут, они пойдут, они отправятся странствовать по миру, но не выйдут, да и с чего бы, они больше нигде не смогут испытать больше, чем смогут найти у себя самих. Не я, но твои болезненные разочарования довели тебя до того, что теперь ты должна спать и повсюду огонь.

Тебе не стоило на меня обижаться. Ведь я сам величайший обиженный, это почти как подрядчик, разве что от него никто ничего не хочет. Обиженных пожирают их собственные разочарования. Все пожирают или пожираемы. Некоторые пожирают самих себя. Они должны принудить себя к долгу, даже к собственным желаниям. И позаботиться о своих заботах. И повоевать с самими собой за войну. И удовлетворить самих себя во имя похоти, чтобы драться за новые и новые тела, в то время как другие заботятся безо всяких желаний о себе, обо всем, ни о чем. Все это я изначально планировал для тебя, но в конце концов не вышло. И никогда не выйдет, теперь я это вижу, хотя это и несколько одноглазый угол зрения. До сих пор не получилось, чтобы ты лишилась воли, дитя. А теперь ты снова чего-то желаешь! Работать нет, странствовать нет, но хотеть всего! Хотя им пришлось пережить столько ужасных вещей с этим, все хотят одного и того же, любви и денег. Денег или любви, нет, деньги или жизнь, тоже нет. Денег и любви. Вот чего они хотят. А лучше всего затащить в могилу и своего любимого, вот чего они хотят. И даже если они сами при этом пойдут по миру, им все равно, они не могут отдать то, что однажды имели. Но ты же не всерьез этого хочешь, дитя? Ты хочешь чего-нибудь хотеть? Ты хочешь того же, чего и все хотят? Ты не хочешь? Папа, приготовься, если ты ничего не хочешь! Ты должна чего-то хотеть, и это, естественно, должно быть то, чего хочет и твой отец. Ты этого не получишь, тебе это известно, но ты должна чего-то хотеть! Нет. Ничего. Только твои пальцы двигаются прилежно и выстукивают слова, но кто должен взять на себя еще и этот долг? ну да, это сделает кто-то другой, ты его еще узнаешь, другого, кто будет как ты, только другой, это будет самый настоящий идиот, кретин, полный долбоеб, anal impaler, только такой пройдет ради тебя сквозь огонь, я так и вижу (каким же тупым надо быть!) все равно, если уж ему так хочется. Вместо того, чтобы выбросить кольцо, он выбросит через плечо свою жизнь, словно кусок жести с кольцом, которое нужно для того, чтобы открыть банку, вскрыть девственницу, жестянку, грошовую банку цветного металла, нет, даже не цветного, грошовую банку из белой жести, то есть с примесью алюминия, которую не примет назад ни один супермаркет, момент, бред, лучше так: которую примет любой супермаркет, потому что каждая, абсолютно каждая банка, которую вы берете в руки, перерабатывается, для того она нам и нужна, для этого она и существует, чтобы из каждой банки сделать новую, а может и две? это чудесное размножение банок, может быть, ее можно раздавить двумя пальцами, большинство же пользуется кулаком: Эта банка, это мусор, полный мусора, но

если она больна, устала или пуста, ее можно воспроизвести, хорошая ты банка! самое лучшее в этом дерьме, в этой грязи, в этой жиже, лучше уж банка, чем ядовитая, клейкая субстанция, которая находится внутри нее. Так что болван, кретин, долбоеб, moron, pussy fart, dum guzzler, clit mouse, thundercunt, pucciaca, fucktoy, fuckснимсовсем, что они теперь будут делать, после того как напьются так, что у них у самих капает, да, из банки? Вон еще один и дергает за кольцо, подносит ко рту и сосет нечто, состоящее в основном из сахара, кокса, нет, уголь и кислота. Банка, полная сахара и углекислоты, вон он пьет! Пьет до дна… Он сохранит кольцо, которое открыло ему это удовольствие, которое подобает только мужчинам, славное кольцо, он сохранит его и вместо него выбросит свою сладкую активную жизнь через плечо. Нет, наоборот. Что-то он выбросит. Так. Это тот, кто придет освободить тебя, дитя мое. Но будь готова! Кольцо значит для него больше, чем собственная жизнь. Кольцо значит для него столь же мало, как этот предмет, который раньше был банкой, и предмет, в который влилась прибавочная стоимость, в форме Колы, Фанты или Спрайта или же Ред Булла или чего там еще, в которые влилась работа людей, этот предмет стоит больше, чем он есть, он стоит больше, чем стоит банка, которая вообще ничего не стоила, хотя ее части были выкованы на огне, как кольцо, точно так же. Подведем итог по поводу крышки и основной части банки, определим количество алюминия, все это возможно, но свой полезный характер она утратила, жидкость как товар, заключенный в светлый блеск, сок выпит, банка не в лучшем виде, она пуста и раздавлена, однако какой-то человек все-таки перенес долю ее ценности на продукт! милая банка: жесть, милая крышка – алюминий, сверху язычок, дырка посередине, чтобы засунуть палец, извините, глупая шутка, как всегда, вы же пишете! но я все равно ее скажу: так тому и быть! Гномы выковали из золота прекрасное кольцо, и что же вы сделали со своей банкой? *средства производства пробуждены к жизни из мертвых* и для мертвых, ты еще не мертва, дитя мое, ты спишь, как и вся рабочая сила, спишь, спи наконец! спящая громадная компания, которая следует целесообразной деятельности, которой у нее и не бывало, зато другие с этого что-то имеют, надеюсь, по крайней мере, да, итак, деятельность человека *пробуждена посредством прямого контакта со средствами производства мертвых*[52], и возникает продукт, здесь, вот этот, к примеру. Аллилуйя! Что я хотел сказать? Продукт, предмет, сон, грязь, мечта, бесконечно, им не видать конца, он не запрограммирован, этим продуктам, которые возникли и продолжают возникать, даже пока мы говорим. Но ты будешь

спать, пока не явится герой, который тогда, когда-нибудь, нет, все-таки не когда-нибудь, я уверяю тебя, когда! получит копье в спину, я думал, ты лучше разбираешься в людях, дитя, но что ты выберешь именно его – нет! Это было глупо. Он глуп. Но любой другой тоже бы умер. Герою нужно давать в руки не средство производства, а только продукт, только один за раз, который он может сломать, но не человека. Это всем известно. Все свободное от подвигов время герой не может произвести ни денег, ни каких-либо ценностей. Он будет размышлять о следующих подвигах и, к сожалению, рано или поздно их совершит, тут не поможет ни яд, ни сонное зелье, ни твой вечный бензодиазепин. Ты можешь проводить его прямо в Вальгаллу, героя этого, но тут сразу же разгорится пожар. Как и все, к чему прикасается герой, будь то даже из любви. Все сгорит, это я тебе точно говорю. Антикапиталистская демонстрация, миллионная по счету, будет заявлена и проведена. Будет проведено заседание путем сидения. Но оно принесет так же мало, как и все прочие, потому что никто ничего не поставит на движение сидящих, засевших, сидящих ни на чем. Они же ничего не делают. Не двигаются. Но все равно. Только движение денег в счет. Кто хочет принести что-нибудь всем, а именно ничего, ничего никому не принесет, но это никогда не кончится, ведь там, где чего-то слишком много, так много, что нечем торговать, главное, торговать, можно взять что-нибудь в долг, хотя этого слишком много, что даже не нужно покупать, ведь этого слишком много, курсы упадут, потому что на них никто не будет ходить. Потому что никто не будет покупать тематическую книгу на кассе. Они упадут, потому что всего слишком много и понемногу станет слишком, прошу садиться, денег будет так много, что на них можно будет сидеть, что я хотел сказать, ценности будут только одалживаться, хотя вокруг так много ценного, а потом будут проданы, ценности, да, но только тогда, когда упадут в цене, я этого, кстати, не понимаю, но впрочем упорно продолжаю писать: Хотя всего так много, что ценности, деньги, ценности не находят себе места, их будут разве что брать в долг, не покупать, хотя всего так много, что их можно было бы просто раздаривать, их будут перепродавать, хотя их и не покупали вовсе, только одолжили, ну да, тут еще и налоги, не много, но все-таки, все-таки начнется гонка за ценностями, можно ли купить деньги дешевле, за меньшие деньги, и потом отдать хозяину долга меньше, всегда меньше, чем было, хотя и так было и есть слишком много, а платят тем, чего еще не имеют, за кого-то, кому это не нужно, но надеются, что будет еще больше, а если нет, нужно будет выкупить назад, нули должны бежать, только нули должны бежать, кто может, должен купить; слишком

немногие имеют слишком многое, слишком многие имеют слишком мало, нет, так продолжаться не может, у всех должно быть меньше, но зато у каждого что-нибудь, ни у кого не слишком, все должно стать равномернее, проистекать единообразнее, результаты *периодического плодоношения капитала*[53] должны доходить до всех, все должны иметь право собирать наши золотые яблоки, но нет, это никому ничего не даст, все равно всегда все будет у других. Я объявляю эту еще не подсчитанную демонстрацию открытой, полиция говорит: половина, мы умножаем половину вдвое, это и будет, что касается числа участников, истиной, но она все равно избыточна, эта демонстрация, как и я объявляю всех избыточных избыточными. Я мог бы объявить их и текучими и набить их золотом, бросить его в них, точно, можно было бы сразу его сплавить, я мог бы объявить их Рейном, который вечно течет, а в нем медленно колыхающееся сокровище, которое, впрочем, уже утащил в свою нору змей, где и утрамбовал его поплотнее. Мальчик, которому недостает терпения, просто оставит его лежать, у него другие приоритеты, он убивает любого, кто помешает ему оценивать, но бесценное сокровище он не тронет. Так не пойдет: Большая часть бедных рук не должна сидеть без дела, а потом они ничего не должны за это получить, а отдать все равно должны. Но ни к какому долженствованию бедных принудить нельзя, терять-то им нечего. *Они живут, пока могут найти работу, а работу они находят, пока работа умножает капитал*[54]. Но сегодня это уже не так, поскольку капитал увеличивается сам собой. Я мог бы бросить бедным золота, но разве бы это что-нибудь дало? Разве они, те, кто коротает жизнь за работой, получили бы тогда еще один стимул к ревностной и тихой службе, разве не привело бы их это к заводскому собранию, к забастовке? это ничего бы не дало. Это игра с нулевой суммой, где нули получают немного, не ничего, немного, ровно столько, сколько отдали. Все остальное достается исключительно капиталу. Рабочий же малодушен и слабо мотивирован. Другим будет всегда кто-то другой. Рабочий становится нагл и ленив, как только получает что-то, что выходит за рамки его привычной жизни, которую он тогда принимается ругать. Он будет ругать ее до последнего. Но между тем все равно, нагл ли он, ленив или покорен или покорён. Он будет ругаться, что ему приходится работать больше, чем необходимо. К тому все и идет. Если бы бог отложил свою работу и пожелал бы конца, рабочий и тогда бросил бы все куда раньше. *Там, где рабство уже запрещено, в настоящее время почти везде, их заменит громадное количество работоспособных бедных рук и принесет с собой богатство*[55].

Нет, богатство принесет богатство само по себе. Оно отправится на курсы, а потом начнет эти курсы устанавливать. Герой будет представлять бога, но бог представлять героя не сможет, однако он сможет его произвести. Герою же, как и рабочему, хватит и того, что ему дадут. С ним рассчитаются по коллективному договору, чтобы он смог удовлетворить свои потребности, которые постоянно оказываются потребностями других. Всегда будут другие, и всегда будет все, чего они пожелают. А пожелают они всегда всего. Дом богов, разумеется, без страховки (кто же станет страховать богов, тем более перестраховывать!) да, ничего не застраховано и теперь горит, царит справедливость, наконец-то, поскольку рабочие все перегорели. Все горит. Ты тоже, ты тоже сгоришь, дитя, твой герой сгорит, ты сгоришь, я, правда, не понимаю, почему все должно сгореть, всего-то из-за небольшой кражи, собственно, даже не взлома, так что средней тяжести, Рейн-то всегда открыт, круглосуточно, его никто не прикроет, так что есть смягчающие обстоятельства, это и не кража вовсе. А если это не кража, то, что сделали с золотом, тогда я уж и не знаю. А за кражей следом кража следом кража следом кража. *Жадно прижимали мы к себе золото.*[56] Но это не значит, что это теперь стандарт, что когда-либо удастся вернуться к золотому стандарту. Это в прошлом. Золото стало стандартом только для нас, богов, и мы потратили его на наш дом. Но мы все-таки кое-что за это получили! Теперь он горит, крыша горит, шапка горит, все горит. Почему из-за этого все должно сгореть, я не понимаю. Хорошо, один бог от тебя отвернулся, дитя. И все-таки конца для тебя не будет. По крайней мере happy end'а. Для меня, путника, еще как. Скоро. Но ничего смешного не будет. Мне все равно. Я больше ни к чему не привязан. Смерть будет окончательной, потому что и жизнь конечна, и наконец-то смерть придет! К тебе придет твой герой, и он будет смертью[57], как и все герои.

Б.: Отец, что говорить ребенку, который не понимает даже самого себя? Я же ничего не сделала. Я не сделала ничего, чего не сделал ты! Когда выпадают молочные зубы, мы сами идем вперед, фигурами нас самих, шахматными фигурами, которые вырываются из рук, перед тем как смогут нанести удар, перед тем как съесть другую фигуру. Нерешительности я за тобой не замечала, ты бог, родственник богов, отец идолов, и тут вдруг вижу, что *ты сомневаешься*[58], ибо властвуешь ты через предательство! *Несвободным ты*, может, и кажешься *грозным*[59], но мне нет. Но следовать твоим повелениям я должна. Свободным от них станет только мой герой, которого я еще не знаю, но который со мной познакомится! он и понятия не имеет, ни о чем, ему это и не нужно, ему нужна только воля, он воспротивится

тебе, и твоим родственникам тоже, он всем воспротивится, он будет ругаться, он захочет все раздать, когда-нибудь он и обманет: меня. Он не будет этого знать. Он будет действовать неосознанно, и это тоже будет твоя вина, папа. Не его вина, твоя! Может быть, и моя тоже, может быть, я не дорасту до этой любви, я не смогу стать ни Иисусом, ни Антигоной. Я даже не смогу нарушить твой закон, и все из-за кусочка земли, которая обозначает берег, через который может переступить все, и река тоже, но я не заступлю за те пределы, что ты мне положил, мне и в первый раз это неважно удалось. Мне в удел был дан только сон. А героя мне просто подложили. Как в могилу. С ним мне никогда не поравняться, потому что мы не ровня. Герой умрет, его настигнет проклятие, да и я буду для него губительна, погублен твоими душегубами, я никогда не видела ничего кроме оружия, и это будет не оружие женщины как насчет этих туфель? – никогда! – и мое платье из-за моих ног всегда будет слишком длинным и никогда sexy. Моя любовь тоже превратится в ненависть. Мой разум станет недоразумением, с которым я и говорю. Я испорчусь и попорчу других. Я буду желать их конца. Я стану ревнива, а это уже серьезно, потому что ревнивый человек всегда ревностно ищет то, что ему совершенно не нужно, причем на полу, а это скрывает его лицо, которое выдало бы все, теперь же он дошел до самого дна, он с кухонными поскребышами, с собирателями овощных очисток, с рабами, он копается в грязи, ревнивый, я убью героя, так или иначе, дружба! – говорит социалист, пусть и всегда только своим, но я дружбы искать не стану, только гнев, ревность, смерть, я погублю все, в том числе и героя, который был мне послан, я его погублю, прежде чем он погубит меня. Убивайте то, что убивает вас, да. Вы там наверху. Это вы подкинули мне эту идею! Ведь я та, которая уничтожит спасителя, но ничего с этого не поимеет. Вам-то какое дело? Я больше не одна из вас. Мы тут, внизу, хотим действовать, но не с нами, мы же лучшие, мы сумасшедшие. Не может быть, чтобы мы оказались лишь платежными средствами нам самим, а не своими собственными господами. Золото платит самим собой. Об этом мы можем не заботиться. Герой платит собой, об этом я позабочусь лично. И с чего это я считала себя твоей любимицей, отец! Целые вечности! Почему, собственно? И только твои прощальные слова все мне объяснили. *Пылающий жар объемлет скалу со всепожирающим ужасом*[60] и так далее и тому подобное, нет: не далее! Все это уже близко. Я забегаю вперед тебя, потому что мне не сдвинуться с места, но там ничего нет, как будто я пытаюсь схватить дымку. Я хотела бы быть твоей избранной возлюбленной, но ты всегда был у другой. Да, и у мамы тоже. У

мамы в земле. Для героя я тоже хотела бы ей быть, всегда хочется быть той самой, на кого уже пробовалась, но это никогда не выходит, можно пробовать сколько угодно, но когда до этого доходит, ничего не получается. Возлюбленная героя, но и он окажется с кем-то еще. Он мог бы оказаться с любой. Ничего путного из этого не выйдет, но чего уж! Все, что происходит, кончится, все, что будет, мне уже предсказали сестры, но я их не слушала. Мне лучше знать. Я свет, но только тогда, когда его зажгут, правда, но только тогда, когда его скажут, а как иначе узнать, что это она? – и жизнь, но только тогда, когда ее заканчивают. Кто меня любит, следует за мной. Кто тебя, отец, бог, любит, пусть следует за тобой, а ты послушно следуешь за женой. Ее тоже постоянно недооценивали, но только не я. Она то, что сегодня называют сильной женщиной, я уже слышать этого не могу, самостоятельная женщина, я уже слышать этого не могу. Я уже не могу слышать ничего, где встречается женщина. Женщина или встречается или не встречается. Так кончается бог, но ничего не начинается. Оно и правда кончается. Как же это все-таки жалко и убого. От твоих наказаний, отец, я словно падала с неба на землю. Ты говоришь мне, у кого я должна отнять и кому дать меч. Но меч нам для этого не понадобится, все равно, положим ли мы его между нами или в ящик кухонного стола. К домашним приборам, хорошим парням, подбросим. Он все равно грохнется на меня. Однажды опрокинула чай на ночной столик, неважно себя чувствовала, жуткие удары, повсюду. Это вообще нормально, отец? Словно с небес на землю упала. А спать среди огней так хорошо, что за чувство, покой – наконец-то покой! – другим спать не так удобно, а огонь греет, это его хорошая сторона. Но есть и другая.

В. *(потешается над ней)*: Вэ, вэ, валла валла[61], плачь, как твоя мама, папа любит другую, какой ужас! Папа тебя не любит? Так следуй за кем-то другим, их ведь так много, я не небо, с которого ты могла бы упасть. Я уже понял, кого-то одного тебе недостаточно, это должен быть единственный, но ты не будешь знать, что нет иного, к тому же никого иного ты и не получишь. А тот в конце концов окажется всего лишь вторым, который возьмет себе вторую, после тебя. Его отодвинут назад, он должен будет встать позади самого себя. Он искупит непотребство, все равно кто-то его искупит, он поплатится, в том числе самим собой, непотребство, о котором уже никто не сможет вспомнить. Это не собственность, которую ты могла бы украсть, с которой ты могла бы скрыться. Кольцо на пальце, ничто другое, ты хочешь, как и все женщины! Я знаю! Залог, который никто не выплатит. Кольцо

ты хочешь, чтобы было что предъявить. Папа тебя не любит! Какой ужас! И ты бесконечно ноешь на эту тему, какое же это болезненное переживание! Папа тебя избил, а теперь еще и разводит вокруг тебя костер! У нас пожар на крыше! К сожалению, изоляция тоже сгорит, хотя вроде и не должна. Ни на что больше нельзя положиться, потому что вообще-то она должна была уберечь все от огня, она должна изолировать, а не вступать в реакцию, а она сама загорелась! Неудивительно, что ты не изолирована в своей ревности, в твоей старой ненависти, дитя! Мы, боги, *полностью обязаны нашим имуществом работе других*[62], но за это мы в конце концов расплатились, против воли. И тут у нас сгорает дом, потому что великаны использовали некачественную изоляцию! Полистирол для полиморфов, которые только и делают, что обманывают других в чужом обличье. Даже в обличье змея![63] Поделом им, ведь это дело их собственных рук. Так. Потом сгорит все, потому что ты не смогла удержаться. Потом сгорит все, потому что дети устроили поджог, нет, не поэтому, у богов детей нет, их дети уже при рождении взрослые. Богам приходится легко, потому что им не приходится экономить. Я не считаю, однако, что ты должна вернуть кольцо, но пожалуйста, если ты должна!.. Я не считаю, что ты обязана. Я послал тебе героя, а ты что с ним сделала? Ты стала его ревновать. С самого начала, когда другой еще не было. И тут же наступает следующая фаза развития, уж в этом с тобой можно быть уверенным, я уже жду, что ты наконец перестанешь писать. Прекрати наконец работать, дитя богов! Вместо этого ты постоянно начинаешь что-нибудь другое, развиваешь бурную деятельность против ненавистных тебе, которых по этой причине еще больше начинают любить другие. Ты устраиваешь травли, даже когда ты спишь. И вообще: Ты называешь это работой! Твоя зависимость от письма, как известно любому знатоку, необходима для твоего комфорта и нужна, чтобы ты в принципе хоть чем-нибудь занималась. Ты же ни на что больше не способна. Смешно. Кроме тебя никого больше не заботит, чем ты занимаешься. Мужчиной во всеоружии – тебе никогда не стать! Тебе стало легче, тебя наконец избавили от шлема: Но это не мужчина! Мне так тебя жаль, дитя! Он сразу это заметит, я уверен. И конечно, он тут же станет звать свою мать, чтобы она ему помогла. *Слава тебе, солнце, слава тебе, свет*[64], он скажет, но ни солнца, ни света он не увидит. Он будет называть вещи чужими именами, даже если будет видеть их в правильном свете, это часть его проблемы. Ты тоже, дочь, будешь говорить Слава! ты будешь повторять это Эрде, которая никогда не хотела рожать никого вроде тебя. Ты выродок и, пробудившись, увидишь только своего

героя. Ничего другого она увидеть не может, дочь. Спать, это я тебе позволил, но не навсегда. Ты проснешься и сразу же станешь такой, какой была: не мужчиной! А потому сгоришь за того, кто использовал против тебя некачественную изоляцию! И всем это будет по душе. Вот прочти тут, и еще, собери виноград, прочитай все колонки: Всем это по душе! Мне очень жаль тебя. Понятное дело, ничего не попишешь, если заснул и забыл выключить телевизор, откуда картинка. Подожди, я тебе помогу, вот эта кнопка, вот эта иконка, вот эта картинка картинки, конечно, сильно уменьшенная, иначе по ней не попадет палец. Нет, палец не пропадет, нажимай спокойно, палец останется на месте. Вот, ты можешь увидеть на картинке, что это правильно, видеть одного героя и больше никого. Ты сама определяешь, кого видишь, здесь у тебя есть выбор, ты определяешь, совершенно определенно! Здесь ты увидишь его, пусть и сильно уменьшенным. И потом ты сможешь решить, хочешь ли ты его в большом размере. И так продолжается уже очень долго, людей выбирают еще маленькими, а большими на дух не выносят. Все мы хотим, чтобы нам стало лучше. Если вообще хочешь что-нибудь увидеть, это должен быть герой. Здесь написано, как попасть к героям. Этот готов даже прийти к тебе домой. Прибор принял твои самые сокровенные мысли и вот, выдал тебе вот этого героя. Вот идет герой, все в порядке, он сам написал в своей анкете, что он не герой, это значит, что он точно один из них. В нем должен победить свет, что проистекает из розетки, на светящийся экран, на этой картинке побеждает свет, герой, побеждает тот, кто пришел, призванный удивительными нажатиями на кнопки, везде написано, что победители так и выглядят, теперь же, дитя, ты сможешь в этом убедиться. Ты знала это еще до того, как родилась. Когда этого прибора еще и не существовало. Но теперь экран светится, я не хочу сказать освещен, но он действительно светлый, в сравнении с человеком, и герой показывает тебе, как выглядят победители: как он. Как он выглядел на фото. Такой он и есть. Если бы ты сейчас проснулась и посмотрела на свет, на побеждающий свет, прямо в жгучее пламя, то было бы лучше, если бы ты спала дальше. Лучше всего, чтобы все снова заснули. Ваши приборы останутся при вас. Свет говорит. Его никогда не экономят. Свет несет бред, но это единственное, через что мы можем смотреть. Это будет единственная правда, то, что мы увидим. Sieg heil, говорит свет, это мысль, которую нельзя озвучивать, потому что ее и так видно. Вот маленькая картинка, которую также можно увеличить. Что видно, уже не обязательно озвучивать. На что смотрят, это всегда герой. Зачем что-то делать? К чему издавать том стихов, роман,

эту пьесу, которая таковой и не является? Зачем вообще что-то выдавать; кто дает многим, никому ничего не дает. Существует лишь то, что видишь. Без света никакой мысли, без света никакая мысль больше не нужна. Ты ждешь грандиозной встречи с героем, это я могу понять, он придет, твой герой, я уже посылаю его тебе, это как земельная собственность, необоснованная собственность, чужая собственность, которую присваивают себе, а против нее деньги, состояние, клад, сокровища, происходит рождение, деньги, это долг, это дыра, в которой ничего нельзя ухватить, которую даже нельзя захватить, долг можно схватить руками, деньги кому-то должны, всегда кому-то другому, долг давно деградировал до долгов, долги сгенерировали долг, ростовщический капитал, коммерческий капитал, товары, залежавшиеся, дочери богов, которые любят или тоже залеживаются, всегда кого-то другого, всегда с кем-то другим. На сцене появляется капитал, выходит капитал – вы уже подумали, как он должен выглядеть? – потому что в первый раз вы видите: капитал, а потом вы уже должны его узнавать! Деньги, выходит герой: и на его фоне какая-то грязь, золото, долг, эта же самая история каждый день разыгрывается у нас на глазах, ни дня спокойного, играем день напролет, капитал выходит на рынок, рынок товаров, рынок труда, валютный рынок, он занимает свое рабочее место, Рейн, там своего рода искусный ныряльщик, который выскальзывает из рук у всех, кто хочет отнять у него его кислородную маску, там, в Рейне, я это не оставлю, это принадлежит мне, пока я этим не расплачиваюсь. Так что это полностью останется в моем распоряжении. Чудо, что до этого никто больше не дошел! Я не стал оплачивать наш новый дом, я должен его строителям зарплату, но я не плачу, я умножаю долг, то есть деньги. Если долг – это деньги, если долги – это деньги, тогда все равно, должен ли я деньгами или великанам, которые за них работали, оригинальный способ делать деньги, к сожалению, меня опередили. Долг у меня все равно есть и без того. Капитал выходит на рынок, осматривается (кто хочет? у кого еще нет?), он хочет посредством определенных процессов, которые нужно сначала осуществить, превратиться в капитал. Капитал – это больше, чем деньги. Тут к деньгам добавляется что-то еще, знал бы я, что, я мог бы присвоить и это, но поиски этого ингредиента стали для меня уже милой привычкой. Для этого у меня есть вот этот небольшой прибор с картинками, но когда я ищу телефонный номер, число, это занимает некоторое время, нужно что-то ввести, и что-то появится. Так, меня уже тошнит, это уж слишком, все время пытаются что-то впарить. Алло, кто говорит? Все в порядке. Я даже мог бы выплатить великанам все,

и все равно что-то будет не так, все время что-то не так, но должен же быть направляющий или по крайней мере кто-то, кого направили; грядет нечто, что больше чем золото, грядут золотые яблоки, это больше золота, и вечная молодость, это наш капитал. Тогда мы спокойно сможем отдать золото. Это игрушки для тех, кто не должен будет умереть. А они могут поиграть и с чем-нибудь другим. Мы отдадим его великанам, которые за него и работали; мы предъявим им не их рабскую зависимость, а их комфортную зависимость от нас, потому что комфорт – это самое необходимое условие благосостояния, хотя таковое для великанов и не имеет для нас ни малейшего значения. Они просто должны поубивать друг друга[65], за это мы с удовольствием заплатим, за это мы даже с радостью накинем сверху. Останется только один, и ему нужно золото. Другому нужна была женщина, только вот найти он ее не умел, он даже не разобрал это изображение женщины или просто нажал не на ту иконку. У него ничего больше нет. У его убийцы тоже не много, но все-таки. И все же нам удалось сколотить капитал, а это больше, чем золото. Наш капитал никогда не растает, и его никогда не растратят. Он продлится во времени. Он покроет весь мир. И тогда я возьму себе что-нибудь, когда только захочу. Капитал – это деньги, к которым добавлено что-то еще, это работа, к которой добавлено что-то еще, это товар, к которому что-то добавили, товар, в который натекло немного Рейна, но он еще хороший, просто не может плавать, это ничего. Достаточно и того, что он может. Посмотрите, Вы наблюдаете *превращение товара в деньги*[66] и обратное превращение денег в товар. Продавать, чтобы покупать. Что-то вливается в товар, что-то вливается в сокровище, да, сокровище тоже льется, оно переливается в Рейне, но в нем, в сокровище, в кладе, течет что-то еще, что-то бессущностное, призрачное, нечто, с другой стороны, впрочем, совершенно нормальное, стоит его только перевернуть, и чистое, как вода, если ее очистить. Если бы я отдал великанам за их работу сокровище, а великаны за то отдали мне свою работу, было бы совсем не весело. Так и вышло, что *из родных пещер*[67] появилась Эрда, она скрывалась там в качестве садовода. Это дело ничего не сулит. Мы должны рационализировать землю, она ничего не дает. Праматерь мудрость близится к концу, ее знание развеивается перед нашей волей, да и Эрда может идти спать, по мне, так она слишком мало работает, закрой глаз, Эрда, с твоими детьми сделают что-то ужасное, тебе лучше не смотреть. Если мне будет позволено дать тебе совет: Полезай вниз! Все равно там земля, да, все под тобой, не все над тобой, но все, что под тобой. Вниз и спать! Ничего

лучше для тебя мне в голову, Эрда, не приходит, потому что все, что делают в тебе твои твари, им приходится делать самим. Ты им в этом не помогаешь, даже не предоставляешь оборудование. Ты называешь меня *вздорным дикарем*?[68] Ну хорошо. Ты даже не вздорная, ты ленива. Ты просто есть и все. Этого не хватило бы даже для бога, хотя этого уже хватит. Сохранить сокровище и взять на себя работу, вот что, это было бы что-то новенькое, нет, не новенькое, мы это уже пробовали, но тогда нам пришло в голову кое-что получше, чтобы купить великанов, работу и сокровище, и это очень просто, это обман, это убийство, в принципе это плохо, ведь мы, верно, могли бы рассчитывать на то, что они поубивают друг друга, а в счете мы очень уверены, конечно, это также может быть подмена, это хоть и не вполне, но в каком-то смысле, но нет, это больше чем подмена, это куда больше, это более, чем достаточно, чтобы иметь что-либо, этого столько, сколько нужно, чтобы получить что-то. И искусство тогда, а его больше, чем в принципе нужно, становится чем-то, что никому не нужно, чтобы что-либо получить. Есть искусство делать деньги. Достигать избытка избыточным. Это самое великое искусство из всех, делать деньги. Иметь деньги это еще лучше, спокойные деньги, умилительно покоятся, как и ты, дитя, а покоящийся капитал 15 % per annum, если даже не здесь, к нашим непреходящим заботам, не здесь. Где-то еще. Это искусство. Но здесь его практиковать нельзя, здесь за все нужно платить. Здесь только платят, а не получают. *Каждое искусство стремится за собственные пределы*[69], и за это оно должно заплатить всего 15 % годовых, к сожалению, не нам, я знаю, ты пишешь, дитя, ты должна знать. Деньги, золото – это начало и конец. Но никогда не столько же. Конец никогда не равен началу, альфа – это никогда не омега. В начале много, в конце еще больше. Не у нас. Не с нами! Это похоже на воду, которая не имеет ни начала, ни конца и все-таки принадлежит Рейну, как раз потому, что никто не знает, где она начинается и где кончается. Известно, что все начинается и кончается где-то, но с деньгами это часто неизвестно, с водой же никогда. Этого не узнать. Деньги. Это корень удивительных увеличений, будь то хлебов или рыб, как у спасителя, или хлеба и вина, еще до того, как спаситель стал таковым. Он превращал, чтобы чего-то становилось больше, чтобы чего-то было больше. А в конце он отдал самое большое: самого себя, величайшая жертва. Совершенно особенный идиот, без сомнения. В жертву нужно приносить других, но уж никак не себя самого! Я тот, кого вы ищете, так говорили многие, в том числе и те, кого совершенно не искали, но и другие, те, кто хотел, чтобы их наконец нашли,

они тоже так говорили, хотя никто и никогда их не искал. Эти увеличения пронизывают все, но не всегда увеличивается то, чего хотелось бы иметь больше. Деньги, золото тянет нас, оно тянет нас из нас, мы делаем вещи, которые мы никогда не считали возможными, на которые мы никогда раньше не были способны, потому что деньги – это не средство, а в конце концов конечная цель, и, как и в любом искусстве, она безгранична, эта конечная цель, это можно отнести к такому большому количеству вещей, что нет и смысла говорить какие-либо избыточные слова о тех, что текучи, ведь в конце всегда должно быть больше, чем было, как бы не так, желание большего безгранично в своем стремлении, нет никаких границ, нет никаких стоп-сигналов, нет никаких десяти заповедей, или сколько их там, не моя религия, нет и цели, ничего нет, лишь абсолютное обогащение. Безграничное присвоение. Деньги идут, иногда спотыкаются, но идут, и если бы они были у нас в руках, они бы шли только к нам и никогда прочь. Нет ничего отличного от денег, потому что есть только деньги, есть разные, но и от них поступают только деньги, если они у них были раньше, иначе они не так уж и отличаются. Иначе они такие же, как и мы. Мы также выжимаем деньги из мертвых, за которых нам еще предстоит заплатить, даже их могилы подпадают под небольшой налог, мертвые, которых мы, однако, можем отнести к героям, чтобы они сражались за нас, и после смерти тоже. Это прибавочная стоимость, которую приносят мертвые, если их можно выставить против брата, сестры, кузена, который тоже заявляет претензии, тут есть чем поживиться, мертвые больше не видят того, что известно каждому, они идут против ветра, но это так утомительно, что потом они вообще не идут. Они ушли. Они на все время ушли. Каждому свое, написано же, но каждый – это другой, и это его, не хотелось бы упустить этого в чью-то пользу. Умножение денег, золота до бесконечности, это наша цель, цель живущих, которые берут даже у мертвых. Удержать сокровище, охранять клад, увеличить клад, положить к кладу дитя денег и получить его назад, больше и сильнее, все равно, как мы это сделаем, оно должно стать самым большим из всех! И тогда уже все равно, что делать. Тогда будем говорить. Пожалуйста, говорите! Говорите же! Говорить, и бегом. Говорить на иностранных языках и бегом отсюда. Говорить на языках зверей, по крайней мере, имитировать пение лесных птах (но так, как мы их слышим, они никогда не говорят, не со своими друзьями!), и бегом отсюда. Трахаться и тут же бегом отсюда. Взять деньги, когда их будет больше всего, а потом бегом отсюда. Кольцо, да, взять кольцо, и бегом. Иметь деньги, это как жить под властью мертвых, потому

что золото – это самое мертвое, что только есть. Но смерть не позволяет повышать цену и не ведает возврата. Это говорит о чем-то, что я знаю, хотя я этого еще не знаю. *Кто знает права, мешает ли праву?*[70] Но что, если он вообще ничего не знает? Если сон запирает и его знание? Кто там выходит на сцену, кого они убили, революционер, который, правда, ничего не сделал, мой любимый дядюшка Герман, Гершель, Йеллинек[71], никогда бы не подумала, что он на это осмелится! Я не хочу украшать себя его мертвым телом, ни в коем случае, у меня свой собственный шлем, свои собственные доспехи против такого, и вообще я иду спать. А он еще дискутировал со своим палачом, а теперь от него ничего не осталось, это тяжело, умереть в 26, но откуда мне знать, я давно обошел этот утес и сплю! Он восстает из земли и тут же начинает нести бред, во второй-то раз его уже не убьешь, милого прапрадядюшку, что он там говорит, что он болтает, его же больше нет, но он говорит: Свобода стоит крови. Свобода стоит работы. О, если бы народ только знал, каких неимоверных сил стоило создать идеи свободы, которые были необходимы на протяжении целых столетий, чтобы смогло сформироваться ясное и осознанное стремление к определенной цели! Свобода не падает вдруг с неба или не падает так быстро на землю, как брошенный вверх камень, нет, люди должны тяжело и много работать. Свобода растет, как организм, но то, что вам отрубят, больше не отрастет. Дядя Герман: Свобода – это беспорядок! Тебя она тоже разрушила, твое желание свободы разрушило твое тело или же позволило разрушить твое тело, твое тело было передано государством на разрушение, одному очень дружелюбному палачу (по крайней мере, так я его себе представляю, недружелюбный сразу бы рубанул, выстрелил, задушил, никаких дискуссий с осужденными, на это у нас нет времени, там еще другие ждут, думаете, вы один такой?!), который не станет убивать тебя без предварительной интересной дискуссии, без нее в нашей семье никогда не обходилось, но ты привыкнешь к *боли. Это быстро, да и радость не вечна*[72], и все же ты уже давно ничего не чувствуешь. И в ничто бросаю я слова, которые и на этот раз ничего не дадут, которые кто-то, как обычно, бросит мне назад, потому что это не сделка, это игра с нулевой суммой: Нужно уничтожить порядок, который обращает миллионы в рабов нескольких! В рабов всегда чьего-то чужого богатства, нескольких. И этих нескольких, их нужно уничтожить! Что я и делаю каждый день. Это не имеет последствий, как и твоя писанина, и что я тоже пишу, дядя Герман, ты тут ни при чем. Вот небольшой памятник тебе, но кого это волнует. Ты не хочешь, чтобы это кого-то интересовало. Ты хотел, конечно, но ты же

знаешь, где теперь твое место, и это не ТВ-дебаты. Там мы тоже видим, в который уже раз – или я это себе придумал, что они снова состоялись? – что никто ничего не знает, поэтому мы и работаем, дядя. Потому что работать означает признавать власть мертвых, да, и твою тоже! власть сокровища, нескольких, которые его охраняют или даже владеют им. Власть золота, этого безжизненного материала, никакого сравнения с моим, над которым я работаю, мой материал тоже мертв, уже десятилетия. Я хотел бы, чтобы это кончилось, но не знаю что! Я хотел бы, чтобы прекратилась вся бесполезная деятельность, которая или вовсе таковой не является или же направлена только на то, чтобы создать больше золота. Я хотел бы, чтобы это кончилось. Я хотел бы, чтобы кончилась твоя смерть, дядя, да, и твоя, мама, папа, и кто там еще добровольно подаст заявку. Нет, мама, ты нет! В этом я ошибся, твоей работе я больше не хочу удивляться в этой жизни. Я хотел бы, чтобы кончилось следующее, но вам необязательно это запоминать и уж точно не в этом порядке: Я хотел бы, чтобы никчемные, игроки, азартные, фабриканты, спекулянты, фальшивомонетчики и в конце концов сами деньги, это же логично, что и они захотели бы поучаствовать, в общем, я хочу, чтобы все это кончилось, в том числе и сами деньги, они тоже в игре, даже с самими собой, они напускают на себя вид, который должен затмить их блеск, вид маленький и невзрачный, зарываются в бумаги, забираются другим в карманы и обесценивают там все, то, что делают деньги, фальшиво, но они тут, пусть и не у нас, они превращаются, они пропадают, ненадолго делаются невидимыми и всплывают в обитом ватой конверте (чтобы не было больно) снова, они есть, и они есть всегда, они пишут себя на бумаге и смеются над нами, они падают другим в мешок и продолжают смеяться оттуда, их уже не успокоить, ну да, в банке они наконец смогут поспать, они определяют на мониторе собственную стоимость, которую тут же снова обесценивают, но я, я-то хочу, чтобы это прекратилось, я хочу, чтобы все это кончилось, чтобы все те, все те названные и те, которые еще добровольно заявят о себе, а это будут еще многие, посвятили себя сохранению этого состояния прекращения, пока не наступит покой, я хочу, чтобы они сразу же оставили и побросали все и посвятили себя поддержанию накопления в чистоте, которое загрязняет так много рук, само же остается чистым, тогда как другие, многие, большинство, почти все принесут себя в жертву, чтобы сохранить эту постыдную постройку, которая ничего им не дает. И тогда все это должно прекратиться. Деньги перестанут бегать по кругу. Или же будут бегать медленнее. Где они раньше жили? Куда они хотят? Я еще

не знаю, что именно, но это должно прекратиться. Кто приносит что-то многим, не захочет никому ничего нести, кто никому ничего не приносит, в конце концов сможет все сохранить. Но только если это увеличится. На деньги предупреждение зачатия не распространяется. Я хочу, чтобы это прекратилось, что же? что я думаю увидеть в деньгах? Как всегда: Я просто хочу золота и концы в воду, еще я хочу, чтобы прекратилось то, что и другие хотят того же. Мне, правда, придется выплачивать, выплачивать зарплаты, потому что, если меня все будут ненавидеть, в итоге это не окупится. Но никакой охоты за золотом больше быть не должно. Потому что я все отдам, за дом, и в то же время все сохраню. Вы можете больше не стараться. Вы мешаете мне *присваивать богатство, ведущий мотив всех моих установлений, по всем четырем направлениям*[73]. Я, только я. Бог. А потом я хочу спрыгнуть на землю, я имею в виду, запрыгнуть на Эрду, чтобы было еще больше земли, где мертвые могли бы оставаться в покое, под твоим надзором, дитя мое. Земля, брошенная через плечо, как рассыпанная соль, чтобы не случилось несчастья. Она же родила тебя, мать-земля. Так что все в порядке. Посмотрим, что она там наделала! Человека она сделала – посмотри-ка, что за достижение! – уважаю, но ей все мало, хотя в ней покоятся уже миллионы и миллионы мертвых, а человек, который еще жив, устраивает бунт, чтобы он смог сказать: Я человек! Я? Я бог, но даже я иногда бунтую. Я не человек. Но сразу же после этого человек тоже умрет. Просто потому, что я так сказал. Но то короткое время, что он живет, он видит свободу, один момент он ее видит – момент! – вот-вот он ее увидит, ему нужно только повернуть вот это колесико, и он ее увидит, борьба за нее – это работа уничтожения, тут ничего не поможет, тут нужно насквозь, через работу переворота. Бунтует этот человек или нет? Нет, он не бунтует. Иисус был к этому близок, он бал тааак близок! Не хватило малого! Но у нас все время что-то не так, и куда мы идем, откуда мы? мы идем к врачу, если с нами что-то не так. Иисус сразу принес бы себя в жертву, он договорился со своими учениками, он договорился о цене, но они не смогли прийти к общему мнению, и тогда он принес в жертву себя самого, оболганный всеми. И посмотрите, что из этого вышло! Теперь о нем уже так много народу как раньше не лжет! Но теперь он, в общем, тоже бог, этот Иисус, бог из милости, но и милость ему приходится даровать самому. Раньше ее не знали. Он сделал шаг, но каждый шаг, который делает бог, ведет только наверх. Даже тебе, дитя мое, не устроить революции, на которую я возлагал столько надежд! Дядя Херрманн и многие другие, на которых никто надежд не возлагал, ее устроили, революцию, ты, дитя, ее

не устроишь. Бог этого не желает. Я сделаю так, что ты будешь спать, и ты просто это сделаешь, дитя! Просто потому, что я так сказал? Спи, как бунт, который кто-то пообещал, но который так и не произошел, по крайней мере, я не помню, кто последний пытался его устроить, сколь многие еще пытались его устроить, но по крайней мере кто-то один это должен был быть, какой-то сумасброд, без сомнения, абсолютно безумный, а ведь я смотрю только одним глазом, я все это вижу только одним глазом, но я вижу, как оно наступает, однако все равно не вижу, когда, ведь с одним глазом нет пространственного зрения! Что, у меня нет второго? Вообще-то, я знаю, я же говорю, я первый, кто узнает такие вещи! И кто на меня посмотрит, тоже это узнает. Дядя этой женщины тоже что-то видел, но теперь он больше не видит ничего. Я вижу вечность, по крайней мере, одним глазом, это лучше чем ничего. Только потому, что *я поцелую тебя, дитя, в оба глаза,* которые после этого останутся закрыты, только потому, что я отведу тебя *на поросший мхом холм, над которым раскинулась широкозадая ель? Только потому, что я погружусь в созерцание тебя, только потому, что я надену на тебя шлем и закреплю его под подбородком?* Чтобы с тобой ничего не случилось. Такие уж отцы, но они уж такие. Только потому, что *я укрою тебя длинным стальным щитом*[74], который, правда, принадлежит тебе? Ты что, никогда не пыталась, я имею в виду, я уверен, что ты и не попытаешься узнать, действительно ли ты спишь все то время, что думаешь, что спишь? Двуглазка, ты спишь?[75] Потому что я сказал, потому что я наговорил, что ребенок, которого я сотворил, должен спать? Так, вот что я решил: Я снова хочу, чтобы все было иначе, в конце концов, я жду от тебя еще кое-чего, что из героической любви и ревности должно перейти во всеобщую любовь к людям. Это нечто совершенно новое, и именно этого я теперь и хочу. Я просто хочу попробовать, я надеюсь, ты в деле. У меня в земле спят уже и так слишком многие, так что для тебя, дитя мое, я мог бы разработать иную программу. Ты же должна чем-то заниматься, иначе, если проснешься, мне нигде от тебя не скрыться, ведь это именно я навел эту завесу над тобой, ведь это именно я набросил эту занавесь из сна. Когда ты пробудишься, ты будешь удивлена. И тогда мы найдем для тебя новый монастырь или какую-нибудь неправительственную организацию, которая позаботится о тебе, на которой ты будешь специализироваться, а потом мы поможем Африке, хотя Африке уже не помочь, а потом найдем выход из чрезвычайного положения, хотя тут уже никто не поможет, а потом мы найдем стол для обездоленных, имена которых не написаны ни на одной доске, ни одна не оказалась бы достаточно

велика, но все они перечислены, эти имена, я, бог, держу их в голове, впрочем, им тоже не поможешь, даже чудесным образом умножив количество хлеба, потому что хлеба они не хотят, они давно уже хотят еще и спагетти и свежих овощей и фруктов в народном магазине, в национальном магазине, потому что это здоровое питание. Они получат то, что осталось, как ты. Оставшаяся, лежалый товар, которому придется присмотреть за собой самому. Всегда только плач, только плач, но лежать, так тоже не годится. Все остаются лежать и едят, что осталось, но не ты! Теперь ты должна встать, дитя! Шевелись! Герой явился, он только припаркует лошадь, ах нет, у него же ее нет. Он возьмет твою, которую ты так прилежно водила в сервисный центр. Ты ему ее одолжишь. Скачи вокруг, как Розовая пантера, *кобыла, да, наподдай жеребцу*[76], это будет что-то! Уж он вынесет. Кто там в седле? А у тебя кто, в другом седле? Я думаю, эти двое друг друга не понимают и с удовольствием бы еще раз укокошили друг друга, если бы уже не были мертвы. Будь любезна, разведи этих животных с мертвыми! эти мертвецы всегда видели друг в друге только врагов. Лучше уведи их вон и приведи другое животное, которое еще никого не носило, потому что своих мертвых это животное не выносит, оно только фотографирует их, может быть, милая пантера? – посмотри-ка! – ну да, пантера не такая уж и добрая, это хищник, пусть и радостный, кони встают на дыбы, они боятся, что вы там возитесь, герои, что вы подшиваете эти погребальные покровы? Их не нужно подшивать, Германия выстоит, даже если ее и не подошьют. Тогда она сможет расти все больше, если не будет чувствовать себя в границах шва! Эта пантера, к тому же розовая![77] Так смешно. Убивает людей, ну ты-то знаешь, тебе-то это знакомо! Святая Германия, которая опять так долго спала, теперь должна поставить на передний план людей, которые все это продолжат, которым под силу будет продвигать это дальше! Ведь невозможно разучиться убивать так быстро! Это знание будет передаваться через поколения. Наследие[78]. Это будет весело! Это нам и было нужно. Это нужно проделать по крайней мере десять раз, тогда результат будет достигнут, и следующие десять и следующая эпоха наступит. Если только между этим делом не случится мировой пожар, если только не случится возгорание фургона, если не случится пожар в квартире. К сожалению, что-нибудь случится, нам по-настоящему жаль. Многим, кто сейчас встает, жаль, и это после почти столетнего послеобеденного сна, который занимает всего час в день, но и за него кое-что придется отдать, за него придется отдать смерть, тогда сон будет щедр, и они увидят, убийцы увидят, что солнце переместилось куда-то и они могут начать

заново, что угодно. Поступает столько заявок от добровольцев, мы даже не сможем взять всех. Иначе за святую Германию погибнет еще больше. За святой клад. Эта Германия действительно страна мертвых, это ее путешествие, это неподвижность и то, что было разрушено, будет воссоздано и наконец снова расцветет. Чтобы и других снова расцвело. Но эта смерть, эта тупая одноклеточная Германия, это клетчатое постельное белье Германия, которая хочет, чтобы было комфортно даже при свидетелях, эта смерть – какая, собственно? вы, может быть, это и узнаете, но только когда я скажу, у нее может быть и есть смысл, пусть и для немногих. Они были тщательно отобраны, но затем, в последний момент, словно по настроению, были взяты совершенно другие. Кто как раз был на месте. Нужно оставаться спонтанным, иначе ни одного человека не встретишь. Нужно держать глаза открытыми. Когда столько смерти, тот или иной может и вовсе не попасться на глаза. Умирают ведь столь многие! Все время кто-то умирает. И это складывается в миллионы! Что уж тут какие-то десять человек! Ничего. Налетай, розовая пантера! Ты последнее звено цепочки! Ты не кольцо, ты не замыкаешь ничего, что было открыто, ни даже входную дверь, за которой, кажется, живут кошки, но ты по крайней мере весел и скачешь вокруг огня, ты же сам своего рода кошка, такой живой, гибкий и радостный, движешься переменным шагом, да, такой ты была задумана, такой тебя приняли, нужно было принять тебя такой, какая ты есть, и то, какая ты есть, мне нравится. *Старая болтовня норн*[79], только на нее они и способны, а что из этого вышло? Смешная розовая фигура, нарисованная, анимированная или из плюша, для ребенка в каждом из нас! Так мило. *Так завершается труд*[80]. Убийством и смешной фигуркой, которая возникла для того, чтобы все было в порядке, чтобы это убийство и то там, позади, были доведены до конца, как полагается. Немцы основательны, эти свободные от собственности несвободные, но люди они порядочные, нужно отдать им должное, они устраивают, они и устраняют. Не нужно им ничего отдавать, а когда они в конце концов получат ничто, они снова заполучат это себе должным образом. Всегда ничего, всегда ничто. При необходимости они это изобретут. И это будет не странник среди миров, не мать-земля, не валькирия, это будет веселая розовая пантера. Они между делом усвоили юмор, эти немецкие герои. Сказочно. Мифически. Появилась разница, не знаю уж, между чем или кем. Случилось что-то другое. Случится что-то, чего я уже не смогу понять. Тогда я уйду. Меня уже задолго до этого не будет дома. Я буду странствовать. Мне что-то залетит в глаз, *такой уж у путников обычай, когда они идут*

против ветра[81], я давно это говорил. Всегда против ветра, пока он не станет бурей. Мой дом будет сожжен. Этот дом на колесах тоже. Эта квартира тоже. Мои коллеги и родственники погибнут в пожаре. К сожалению, изоляция, которая с трудом отделяла немцев от всего остального мира, тоже сгорит, потому что они наконец научились разделять мусор и учат этому других. Ты тоже, дитя. Ты тоже сгоришь, и ты будешь этого хотеть. Все этого хотят, все горят желанием сгореть. И сжечь нас, богов, коими мы являемся, нам самим, коими мы являемся для нас самих, и сегодня Вальхалла принадлежит нам, а завтра уже нет, потому что нас уже не будет. Так будет лучше. Так. Когда люди запутаются во лжи и противоречиях, как запуталось государство, когда все захотят быть больше, чем они могут быть, тогда мы будем излишни. Левиафан, государство в коротких рукавчиках, зато с множеством рук, укоренится на века, как мы, боги, а мы все уже будем мертвы, хотя и не успели пожить. Мы больше ничего не понимаем, уже сейчас. Я, к примеру, не понимаю, что там с этой розовой пантерой, я не догоняю, я не видел фильм (или он слишком старый, чтобы я мог его видеть), его я бы еще, может, и понял, но я не понимаю, что стало с этой пантерой. Я больше этого не понимаю. Что эти люди с пистолетами хотят привести государство к краху. Я этого не понимаю. Им следовало бы положиться на нас, богов. Уж мы-то с этим справимся. Мы ничего другого и не хотим, ну да, может быть, не все из нас, но я в любом случае хочу, чтобы все разрушилось, все, что я построил, я хочу бросить свой труд, я не хочу брать его с собой в странствие, и даже если я в итоге останусь дома, я хочу погибнуть вместе с плодами моего труда, немцы всегда этого хотели, так и делается, таков будет конец, *я хочу только конца, одного лишь, и это: конец. И еще кое-чего: конца*. Больше мне ничего не приходит в голову, конец же означает, что после него ничего не будет, но одно будет и будет длиться, конец, и еще раз, конец. Но конец – это еще не конец, пока не стерта память. Лишь тогда наступит конец. Я вижу, что память уже была стерта самым тщательным образом. Там, где мы рассчитывали что-то увидеть, пусто. Наверное, кто-то по ошибке дотронулся до кольца и уже не может выпустить его из рук[82]. Дом на колесах взлетает на воздух, квартира горит, кошек давно перевезли, чтобы с ними ничего не случилось, несчастная лошадь, однако, прыгает в огонь. Кошки спасены, а лошадь нет. Принято решение о самопожертвовании, но пистолет они так и не найдут, они найдут множество пистолетов и других изделий из металла, после того, как будет принесена жертва, самосожжение, прыжок в пламя, их могла бы спасти валькирия, ты, дитя, могла бы сделать исключение, но ты же не хочешь, и теперь мы все тоже

мертвы. Мы велики в отречении, нежели в желании смерти и мертвецов. Десять человек застрелены, но наиболее величественны мы тогда, когда жертвуем собой, как Вотан, как я, решено, самопожертвование, мы более велики в отречении, да, мы вели об этом речь и отрекаемся теперь от самих себя, мы больше не должны жить. Мы отказываем тому, что мы желали, это и есть жизнь, но нам нужна была смерть, и теперь настал наш конец, он наконец может наступить, мы жертвуем собой, как Вотан, как я, у нас нет ни одного ребенка, для которого мы жертвовали бы собой, ну, давайте пожертвуем собой просто так, ведь сейчас мы чувствуем себя всесильными и способными на то, чтобы пожертвовать собой. Воля становится делом, которое мы провернули уже раз десять, на этот раз против нас самих, почему это должно оказаться сложнее, ну да, пожертвовать самими собой сложнее, чем приносить в жертву других. Огонь. Конец. Страха у нас больше нет, у нас больше нет предрассудков перед концом, он может настать, изначально мы отрицали его, пусть и только для нас, не для других, на них мы его и навлекли, но теперь мы с радостью приветствуем конец и для самих себя, просим, конец, входи, мы тебе рады! Никакой ужас, никакое смущение больше не могут нас удержать, никакой страх смерти. С такой же страстью, с какой раньше мы жаждали жизни, забирая ее у других, у целых десяти человек, мы забираем ее теперь у самих себя. Если есть кто-то, кто добровольно предложит свою кандидатуру, кто хочет жить наши жизни дальше и в ком мы смогли бы жить дальше? Есть еще герои? Никого? Ни одного? Нет добровольцев? Ну тогда конец наступит только для нас, валькирия может разжечь пламя и идти. Мы враждебны к чужаку[83], но в итоге он нам милее всех прочих, потому что ему позволено пасть, с нашей помощью. Звучит странно, но это так. Как Вотан был под кайфом от кольца, хотя ему говорили, что это будет его конец, самоуничтожение, если чего-то захочется. Хорошо, мы уйдем в пламя. Мы застрелим, один другого, а последний самого себя, и марш в пламя. Что останется? Что останется от нас? Эта смешная фигурка, эта пантера, она что-то дороговата, так что у дядюшки Скруджа копилка треснула. Вообще-то она была драгоценным камнем, однажды была настоящим драгоценным камнем, чем-то ценным, своим именем она обязана странному вкраплению руны в форме пантеры, так я понял. Так и живет, разве что поджигают ее. Не важно. Меч выкован, сделан героями, только один или другой и может это, ковать из железных опилок, он им и пользуется, этим умением. В то время как ты, дитя, беззаботно спишь, милая пантера скачет вокруг огня. До конца. Лишь бы ему не надоело! Нет, он не может перестать, это уже конец. Конец

нужно положить самому, иначе это не настоящий конец. Только этот конец, который положен самим, тоже такой. Ты его не видишь, но он есть, он есть всегда, пока не подойдет к концу. Он не хочет продолжать, он не может продолжать, он хочет и получает конец. Где подошли к концу мыслители, мыслить начинают животные, и тогда за это дело принимаются даже художники. Ты этого даже не замечаешь. Тебе он не помешает, дитя. Тебе ничто больше не помешает. Мне тоже, но я его не понимаю. Плюшевая игрушка, простой знак, к тому же не нарисованный, отмеченный, как и мы, смертью, нарисованный как жизнь разрушения, преувеличенный, как стоимость акции, желанной сразу после выпуска, ни одной больше не найти, сразу же по завышенной стоимости, доступна также в плюше, мультяшная фигура, как веселое приумножение капитала, в которое все и упирается, что не доходит до упора! Людей влечет туда честолюбие. Они убивают людей, германцы, но кончат они так же, как мы, их боги, как все, как отец богов в бункере фюрера, как его жена, которая пусть и хотела иного, чем он, но получила то же самое, смерть, все хотят закончить, это конец всех, но в конце концов они научились этому у нас, тому, как положить конец. Это много работы, зато удовлетворительно или даже хорошо. Достаточно. Вся сгоревшая в огне работа – это прошедшая работа. Вся затраченная на убийство работа – это прошедшая работа, пока она не начнется снова. За нее принимались уже десять раз минимум, и заканчивали. Конец работы и все. Что остается? Предметы. Больше ничего. Сокровища снова в Рейне, сокровище в своей комнате, все милы друг с другом и к одному или нескольким при жизни, пусть и не к нам, пусть и не к десяти людям, а ко многим, возможно, ко всем, милы, но они все равно были, они были, а теперь они окончили. Все мертвы, что не означает, что они все окончили бы, но теперь все мертвы. Что остается? Предметы, хлам, мусор. Я не стараюсь подобрать рифму, здесь все в рифму, но к этому я рифму не подберу, вообще-то жаль, все мертвы, все мертвы, что остается: надпись на память Синди из Марцана[84], 3D-очки, справка о прививках у кошки, купон на отбеливание зубов, галстук с пантер… нет, с леопардовым рисунком, кожаные ботинки на шнуровке, утюг Microstar, красная шапка Санта-Клауса огромного размера, носки – в красно-бело-сине-коричневую полоску, пепельница с восемью окурками[85], почти сгоревшими, но не полностью, игра Nintendo, книга «1000 – Лучшие рецепты выпечки»[86]. Все это могло быть и в других квартирах, по отдельности или все сразу. Само по себе странно, что только не переживает огонь! Может быть, слишком рано затушили пламя.

Гномы по-прежнему бьют кувалдами, хотя там нет уже ничего, чему можно было бы придать форму. До конца. Останется только то, что и есть. Дитя, ты теперь тоже одна. Все они мертвы, все мы тоже кончимся, если они этого еще не сделали, я буду знать, что ничего не осталось, ничего от меня, все мои дети мертвы, но если мне придется сгинуть, тогда уж как следует, тогда уж я не оставлю свой мир подобным людям. Но сейчас я даже не знаю, что это вообще за люди. Моя вина. Я знаю только, что ничего не хочу им оставлять. Извини, дитя. Тебе много пришлось со мной вынести, я был так строг. Ты вынесла своего отца, тебе приходилось следовать за ним. Теперь ты можешь спать. Отдохни, дитя! *Спи на скале*[87], спи дальше, спи, хотя и говорю тебе, дитя! Хотя ты и хнычешь не переставая, словно ты не моя дочь: Папа меня не любит, он никогда меня не любил, он должен постоянно любить что-то новое, но никогда не меня! – так оно и продолжается. Не свою дочь. Всех остальных, но не свою собственную дочь! Но любовь не самоцель. Если ты ее не получил, значит у тебя ее и нет. Тогда она у кого-то другого или ее вообще нет. Кошек спасли, мужчины мертвы и самовозгораются. Осталась пара предметов, ничего ценного. Ничего ценного, ни для кого. Вечна только сама ценность. Ценность моя. Я отвечаю за ценности, даже если они исходят от кого-то другого, даже если они навязаны мне супругой, они есть и останутся ценностями. Многие умирают за них. Я тоже мог бы за них умереть. Ценности – это мои дети. Мои дети тоже умирают, и я умираю за них и из-за них. Все мертво. Все, что есть, кончается. Любовь – цель, но я же предаю и ее. Только деньги вечны. Деньги останутся, только они будут у кого-то другого. У него останутся деньги, навечно, или у него не останется тоже. Циркуляция денег как капитала – это самоцель, каковой моя любовь к вам не является, хотя все вы будете мертвы, только деньги как капитал, созданные невинными гномами, впоследствии громадный, капитал, разросшийся до гигантской кучи (жаль, что громадины этого уже не видят!), неохватный для взглядов людей, его невозможно объять, унести, произвести, снова отдать, растратить, нельзя ничего больше сделать человеку, потому что деньги неистребимы, а обесценивание ценностей существует только внутри этого постоянного движения циркуляции, которая просто, нет, не просто, но все-таки: есть природа. *Все, что природа, конечно*[88]. Но не это. Это единственное, что не кончится, что никогда не кончается. Мы прыгнем в огонь, другие сгорят, мы сжигаем снова других, но это никогда не кончится! Все, что проходит процесс становления, умирает, но не это. Машина на колесах горит, квартира в огне, все в огне, но никто не загорелся.

Живо только одно. Что-то возбуждается и умножается! Мы не могли бы этим стать, но там что-то еще движется. *Движение капитала же безгранично*[89]. Оно никогда не прекращается. Но ты, дитя, хнычешь, потому что папа тебя не любит! Посмотри на деньги, их не нужно любить, хотя все, само собой, так и делают. *Деньги идут от капиталиста*, к нему же и возвращаются, всегда больше, чем было. *Он исходный пункт* и он грудь, к которой они возвращаются, деньги[90]. Чпок! Даже я, бог, мертв, что характерно, бог для вас умер, но деньги живы. Что-то еще живет, слава Богу, о, извините, больше нет никого, кого мы могли бы за это поблагодарить! Остались только деньги как бытие, как самость, как цель, как я. Обесценивание ценности, объективное содержание ее странствия, как моего прежнего странствия, когда я еще мог, когда я еще мог ходить, когда у меня еще было мое любимое копье, когда мне еще не сломал его один иди-от[91], вот были времена! Так, но деньги странствуют, хотя и не могут ходить, это их цель, и лишь набирающее обороты накопление и постоянно продолжающееся присвоение богатства есть мотив их отправлений и расправы со мной. Взгляни только, дитя, как лихо это удается деньгам! Возьми в пример! Они никогда не устают. Они расходятся и возвращаются назад, больше чем было. А ты хнычешь, хочешь спать, должна засыпать, этого хочет папа. Ты больше не циркулируешь, ты больше не в обращении, тебя нигде больше не видно, а потому ты утратила свою ценность. Герой забудет тебя, потому что ты не двигаешься, чтобы стать больше, что означает: остаться быть. Ты могла бы и сама что-нибудь для этого сделать, чтобы герой остался тебе. Но это все не важно. Капиталист, не сам по себе, в этом смысле он совершенно не интересен, а как персонифицированный, одаренный волей и сознанием капитал! Одаренный ребенок в сравнении с этим ничто! Даже прибыль это не что-то стоящее внимания! Даже прибыль – не так важна, ничто не важно, только неустанное получение прибыли, неустанное движение прибыли, неустанность, не та, что для странствий, но та, что для увеличения. Капиталист становится деньгами. Обладатель становится своим сокровищем. *Эта страстная охота*![92] Посмотри, как это делает твой папа: Так и нужно. Так и хорошо. Может быть, стоит объяснить тебе на примере сокровища? Нет, я не стану объяснять тебе это на примере сокровища, но я мог бы, поскольку тупые великаны и идиоты гномы и еще около двух сотен всяких личностей, которые на самом деле никакие и не личности, некоторые из них просто создания, сущности, лесные твари, которые могут только ловить и хватать и ничего больше, поскольку все они, нет, не все, но пара из них точно нацелились

на сокровище. Это отдельный разговор, я считаю, мы могли бы обсудить это в нашей следующей передаче, которая никогда не будет показана и потому не нуждается в обсуждении. Мой биржевой маклер всегда так и говорит: тут и говорить не о чем. Но на самом деле есть. Это долгий разговор. Капиталист, как и создатель сокровища, о смотрителе сокровища я не говорю, хотя мне кажется, здесь больше смотрителей, чем создателей, все они все равно будут убиты, все мертвы, ну да, сокровище уже тут, деньги-то бессмертны, они переживут нас всех и будут единственным, что останется, так, в общем капиталист, единственный, кто останется, чтобы сделать с сокровищем то, что положено – примем это предположение, что он останется, удивительное дело, но в образе трех дев, странная прихоть судьбы, женщины получают все, и кто останется, тот возьмет все, ему принадлежит все, три девы как последний капиталист, святое триединство, нет, возможно, троица, потому что едины они никогда не будут! это же женское, то есть неединство в качестве бога, в качестве капиталиста, в качество того, чем я был прежде, капиталист в трех лицах… капиталист теперь бог, свят и сложен в три раза, как бумажный самолетик или что-то такое, так вот эта неустанная охота за меновой стоимостью, которую он, кто? ну он! устанавливает сам, которую в этом случае установил в непотребное триединство, которое так долго должно смотреть сквозь пальцы, пока сокровище не появится вновь, пока их сокровище не вернется, он между тем на войне, существа мрут целыми дюжинами, сотнями, их откладывают на потом, для следующей войны, они попадают в переоценку, проводимую богом, так часто бывает, но только в случае с героями, всем остальным приходится отправляться в туалет, на массовый аборт, и – разве это не странно? – потому что: разве великаны, гномы, герои, сообщники героев, короли, сообщники и сестры королей, весь этот балласт, разве не они определяют меновую стоимость вожделенной собственности, если бы у нее таковой не было. Если бы даже у сокровища не было цены. Если бы это была жестянка. Переработанная банка, использованная вторично бумага, пусть даже бумажные деньги, несущие на себе подписи мертвых и лишь благодаря этому действующие, их сделали действующими, гарантированный обмен, чтобы деньги могли менять владельца, но, пожалуйста, что бы там ни было, не выкупайте их пока! иначе обещание не имело бы смысла, если бы его исполнили сразу, тогда это было бы уже не обещание, этой выплаты не следует ни требовать, ни осуществлять, должны остаться только деньги, не важно, в какой форме, пусть бы и в форме товара, что вполне может сорваться, если давать слишком много обещаний, и да, это

относится и к этому обещанию тоже, которое отменяет само себя, если отдать деньги, или что-то в том же духе, я не все понял, но знаю, что тут важно: Не все одновременно! Не все сразу! Не надо всем сразу требовать исполнения обещаний, что написаны на этой купюре, а то только и сможете, что жопу ей вытирать; если я что-то и знаю, то вот что: Эта купюра – свет, она нужна для света, она обещает свет, и этот свет она и есть, она не только свет, но и свидетельство, которое обещает что-то, что выдержит, даже когда никто уже не выдержит, только, пожалуйста, не все сразу! один за другим, одно за другим, да, мы спекулируем на том, что все рухнет, если все вдруг захотят исполнения обещаний, которые дала отсрочка в виде этой банкноты, в виде этой купюры, этого света, этого отсвета чего-то, что никогда не удастся получить, если эта купюра отменит все временное, отменит само время, и все это благодаря бумажной купюре с картинками и подписями, все они принадлежат давно умершим, потому что картинки живых не принимают, это было бы невежливо, потому что при жизни люди еще не обладают своей окончательной формой, деньгами да, о том и речь, высокий стиль, которого достигли деньги, я допускаю, деньги пришли в свою окончательную форму, лучше не сделаешь, они обещают все, и они ничего не выполняют, потому что они не должны ничего выполнять, где обещание, нет воли и пути, лишь будущее, в котором обещание будет исполнено, так что люди двигаются медленнее, но сами обещания нерушимы, которые никогда не исполняются, потому что они поняли, что все рухнет, если обещание действительно будет исполнено, в полном объеме, чего никогда не будет, поскольку эта кипа бумаги никогда не станет прекрасной машиной, а эта кипа не может стать стиральной машиной! эти клочки даже не являются представителями чего-либо, они еще и грязные! ох, звонок в банк, все эти коды, все эти значки в проводах, они совсем не то, что за них получают, они никогда этим не будут, они просто занимают это место, этим они и занимаются – но что это? этого не может быть! но это приходит в голову, это выпроваживает само бытие восвояси, хотя оно явится позже, чем вышло, всегда позже, всегда все переносят, эти купюры переносят на потом ценности, даже если имеют ценное значение, что именно за это можно будет получить. Но купюра – это ничто, она самого своего владельца отправляет в будущее, людей переносят на потом, точно так же, как и их прибыль, ради которой они работают, все переносят, деньги – это еще самое меньшее, что переносят, всегда потом, всегда позже, чем было задумано, всегда приходят позже, чем вышли, да и людей больше нет, их перенесли, они обещают нечто, чего никогда не происходит, по

крайней мере они сами этого не выполняют, так что все люди, как и их жалкие обещания, просто переносятся в будущее и там исчезают, они больше ничего не покупают, потому что их больше нет, они давно уже попали в будущее, пока они в настоящем, за настоящую цену в тысячи бумажек покупали себе новую мебель в квартиру, разумеется, в рассрочку, они думали, что так получится дешевле, но взамен они получают только бумаги, которые подтверждают, сколько они уже заплатили и сколько им еще, плюс проценты, придется заплатить, и люди полностью исчезают в своих обещаниях на будущее, когда товары наконец будут принадлежать им, они надеются на искупление, они надеются, что что-нибудь будет исполнено, потому что для себя самих они уже ничего не получат, никто им и гроша ломаного не даст, они хотели бы себе немного отсчитать, но вот в этой справке указано, что в настоящий момент это невозможно, потому что купюра им не принадлежит, она обозначает нечто, но это может быть кто угодно, она может принадлежать кому угодно, ни на одной купюре не написано же имени, ничто не подтверждает их собственности, ничто не указывает на собственность, нет, наоборот, то, что эти деньги есть, эти денежки, на которые кое-что можно купить и которые сами, однако, лишь обозначают ценности, коими сами не являются, стирают самих же людей, даже тех, в чьих руках находятся, да, даже их, пустые бумажки заменяют людей чем-то другим, что, разумеется, нечто совершенно другое, иначе подошли бы и люди. Так и с золотом, с сокровищем, которое может появиться в любой форме и униформе, да, даже в этой дыре, у которой спит змей, он спит для того, чтобы золото не выглядывало наружу, а то будет видно, сколько его, и напечатают еще больше справок, по мне, так золото может появиться в любой другой форме, могут появиться товары, по мне, так могут появиться все, не имею ничего против, они могут явиться, хотя, наверное, и не все сразу и, пожалуйста, только не в форме денег, пожалуйста, в какой-нибудь другой форме! они не должны тратить время на несбыточные обещания бумажек, ни одному человеку не стоит этого делать, и только если всё все растратят, тогда оно сбудется, это обещание, эта справка об обещании, этот клочок бумаги, понятия не имею, так же он хорошо горит, как наше фамильное гнездо, или нет, там много всяких материалов и изоляции, это и делает бумагу такой прочной, поэтому она стерпит все, бумага терпелива, ты же знаешь, дитя, ты же и сама пишешь на досуге, но не можешь ни одного предложения закончить как надо, вот, например, здесь, я уже давно жду конца; поэтому я и упомянул бумагу, эту бумагу, эту купюру, но и бумагу в целом, справка – это бумага, в общем,

лист, который слушается, который повинуется указанной на нем ценности, который откладывает расплату, постоянно откладывает ее на будущее, постоянно на потом, сначала происходит выкуп, и за ним приходит спасение, это обещание – но не требуйте, чтобы оно было выполнено! – это значит, требовать-то вы можете, но этого не произойдет, этого не может произойти, ничего выполнено не будет, иначе все это потом снова придется выкупать, а выкуп снова выплачивать и так далее, да, даже ты, дитя, не требуй ничего от этой бумаги, и все-таки она обозначает сокровище, что-то, что заполняет собой всю пещеру, что охраняет дракон, которым может чувствовать себя каждый, у кого хоть раз был счет в банке, то есть практически каждый, каждый может верить обещанию, каждый может верить в сокровище, которое ему расписывают, оно там, оно уже там, оно уже было там до него, это так, но это ничто, сокровище – это ничто, может быть, даже не ничто, но в любом случае это было бы ничто, но все участники, для простого перечисления которых мне потребовались бы часы, участники этой охоты, так сказать, создатели этого сокровища, они его сделали, потому что смогли сойтись в его цене, но это была именно их цена, нам ничего от этого не перепало: цена – очень высока!

Это каждый может написать. На бумаге это ничего, бумага терпелива, если ее записать, эту цену, если ее назвать, ровно столько, сколько было сказано, но это ничего не стоит. Обещание, которое ничего не стоит. И все-таки: самое великое, что в данный момент есть на свете. Больше в данный момент все равно не получишь. Проценты ничтожные, если все будет как обычно. Обычно они теперь всегда небольшие, в этом и причина того, почему нужно что-то делать с деньгами. И они растут! Мы мертвы, но деньги по-прежнему растут! Мы можем больше не поливать золотые яблоки, денег все равно будет все больше! На помощь! Мы больше не можем их сдерживать. Скоро появится нечто более великое, чем все, что можно было представить себе до сих пор, именно это и будет деньгами, куда более великими, чем даже наша прочная крепость, она тогда, вероятно, будет долларом или евро, рэнбимби[93], или как они там называются, понятия не имею, но мы будем мертвы, нас, богов, тогда уже не будет, останутся только деньги, только золото, что я хотел сказать, чего я еще не сказал? Нет ничего, чего бы я уже не говорил, спасибо за аплодисменты, я знаю, вы хотите, чтобы я наконец закончил, но я не хочу, я не хочу, потому что я еще не поднял со дна сокровище, я отдал его, я оплатил, но не получил его, я не могу узнать, что надо мной, солнце это или луна и милые звездочки, но больше ничего. Я бог, в конце концов. Над ним ничего нет! И все-таки я не могу получить сокровище, иначе оно было бы надо мной как созвездие. Я умру, и его поднимет и получит кто-то другой, после чего я его отдам, его получит троица сестер. Исконные владельцы получат его назад. Его будут получать всегда одни и те же, сокровище, потому что оно было у них всегда. Только этот промежуток, дарующая блаженство любовь, она исчезнет, да, и жизнь тоже. Деньги останутся. Алло, деньги, стоять! Но между тем они будут странствовать, сокровище, какой смысл оно бы иначе имело, какую цель преследовало бы? Все они, великаны, гномы, боги, герои, люди, да, пусть даже женщины, богини, они мне порядком надоели, и все они сошлись на том, что длилось сотни лет, ничего удивительного, что великаны и гномы решили объединиться, если это удалось, но у других это занимает некоторое время, мы с радостью заключили бы союз с животными, чем сможем, поможем – вон указатель на бойню, следуйте маркировке на полу! она приведет вас прямо в зал прибытия! – потом, да, если получится, это будет проект века, но в конце концов они все объединились, меновая стоимость сокровища была определена и с этого момента начала воодушевлять поколения; все очень воодушевились, создатели сокровища имели успех, так что обезумевший

капиталист слился воедино с этим создателем сокровища, и они стали одним, понятия не имею, кто это теперь, но знаю, что он довольно рационален, он знает, чего хочет, и он получает это, все чисто, но капиталист отрешился от этого, он отстыковался от ракеты-носителя, от сокровища, от клада и под звуки вальса плывет в космическом пространстве, так, сейчас будет обрублена линия жизнеобеспечения, мусор, вся эта дрянь будет выброшена на просторы вселенной. Внимание! *Неуемное приумножение сокровища, увеличение меновой стоимости, которым занимается этот бесчувственный создатель сокровища*[94], которая занимает его самого, рациональный создатель сокровища и отец нации занимается тем, что занимает его, он сам взял управление, этот бесчувственный воспитатель сокровища, потому что кроме своего сокровища, своего ученика он ничего не замечает, он не замечает биржевых сводок, он ничему не учится, но он аккумулирует, у него есть это идиотское сокровище, ну хорошо, его цена установлена, ну хорошо, я знаю, дитя, у тебя тоже есть сокровище, но где оно теперь? куда оно подевалось? у него есть другая, кто-то должен был сказать тебе это, даже у твоего сокровища есть другая, это и не сокровище вовсе! А этот создатель сокровища, Akkumulateur, аккумулятор, из чьих пальцев брызжет ток, настолько он под ним, я имею в виду под током, он пытается спасти деньги от обращения, ясно? он хочет их спасти, он хочет их удержать, он хочет их охранять, он хочет нанять людей, животных, духов, чтобы их удержать, глуп, как и все итальянские капитаны, он хочет их удержать. Но современный человек, капиталист, современный капиталист не только хочет их удержать, но и снова пускает их в оборот, это его жертва, словно под давлением, кто знает, вернутся ли они к нему когда-нибудь, ты же и сама веришь, что твой герой к тебе вернется, дитя, но он сделает это только через свой труп, у него другая, даже капиталист жертвует деньгами для оборота и терпеливо ждет, что они, став больше, больше, все больше, к нему вернутся. Ясно, дитя? Ты ждешь своего героя, но он никогда не вернется, он забыл тебя, пусть и в результате подлых проделок других капиталистических свиней, не важно. Но капиталист сам по себе, к нему я испытываю полное уважение, восхищение. Почтение! Он сразу же отсылает деньги прочь, все, что имеет. Он рискует всем! В этом есть величие, скажу я тебе! Всех существ на Рейне, называемых пограничными, всех их я мог бы пересчитать, кто просто удерживает сокровища и хочет их скрыть, это займет, наверное, целый день, все эти имена, ужас, даже бог не может их все запомнить, вот я и не смог бы, не смог бы всех их пересчитать; так вот что я тебе скажу: Умнее те, кто отдал сокровище, кто

выбросил его, чтобы оно вернулось приумножившись, кто швырнул его в море, куда стекается чистая прибыль, чисто рейнская прибыль. Впишите сюда, ты тоже впиши, дитя, имена тех, кто смеется над сокровищем, выбрасывает его, только ради того, чтобы оно стало больше или пропало, как пойдет, меня, к сожалению, в этом списке нет, нужно же идти на риск, я на него не пойду, я просто пойду в расход, как все боги, которые хотят сохранить власть вместо того, чтобы просто избавиться от нее, но все это кончится, это кончится, все, что будет, кончится, да, что в общем, так или иначе, смотри, дитя, люди исчезают, я слышу крик, вой, скрежета зубов я не слышу[95], а так слышу все, они хватаются за что-то, что уходит из рук, чтобы также пуститься в оборот, как и все прочее, и оно право, сокровище право, оно не достанется никому, только тому, кто на что-то решится, но все, конечно, зависит от того, на что. Герой с этим не справится, он ни с чем не справится, он так же умрет, он погибнет, как и мы! Правы только те, кто потешается и раздает его, сокровище, их сокровище, чтобы оно стало больше или пропало, чем-то все же приходится рисковать, я уже говорил, я ко всему этому отношения не имею, я не хотел относиться к неудачникам и стал самым большим из всех; простой оборот колец, цепочек, браслетов, весь этот хлам, пожелтевший лом, который покупают и продают люди, поскольку думают, что только так смогут обеспечить ценности и по возможности побольше, после того как обеспечат самих себя, идиоты, о которых я бы не стал печься, в общем, этот оборот означает лишь обмен, покупку и продажу, закупку золота и украшений, en gros и en détail, постоянные закупки, постоянные продажи, очередь заходит за угол, потому что должны продать за бесценок фамильные украшения, чтобы сохранить свои семьи, что я хотел сказать, ничего не нужно удерживать, ни украшений, ни кладов, ни даже кольцо и точно не семью – или ты в последнее время видела меня в кругу семьи в новом замке, дитя? Ты меня не видела, не важно, в любом случае слишком поздно, ничего уже не уладишь, не пригладишь даже утюгом, который нашли в сгоревшем доме новых героев – я с тобой, дитя, теперь я только с тобой, но лишь ненадолго, потом я отправляюсь дальше и когда-нибудь вернусь домой, тогда все и кончится, тогда все мы взлетим на воздух, но сейчас я не позволю уложить себя на эту навозную кучу, которую я называю семьей, супруга, а еще свояченица с ее золотыми яблоками, их тоже не будет, яблоки не приумножаются, но все же и не исчезают, да и юность можно вернуть с помощью хорошего пластического хирурга, но умереть все равно придется, да, даже если вы бог, к тому же и старый, что я хотел сказать, значит цена склада, я

имею в виду клада, за ним присматривают, многие, все хотят им обладать, они за него друг другу глотки перегрызут, они друг друга поубивают, плевать, в принципе ничего не происходит. Ничего не меняется. Сокровище все равно на месте, единственное, что, и если бы оно могло смеяться, оно бы так и сделало. Но если разбрасываются деньгами, если ставят их на карту, если их пускают в оборот, если отпускают вожжи, если их отпускают на свободу, тогда, да, тогда, тогда вдруг обе стороны начинают функционировать, деньги и то, что можно на деньги купить, товар и деньги, оба, вцепившись друг в друга, с самого начала, они любят друг друга! выглядит так, будто ничем не подтвержденное, ничем не заверенное обещание вдруг сбылось, но это только так выглядит, до его выполнения так и не дойдет, обещания этого, но это недостаточно близко, это недостаточно близко к будущему, на которое они надеются, но ни у одного из них его нет, только бог может выполнить это обещание, так говорят, но и я, бог, этого не могу, это религиозное обещание, обещание бога, доказательство существования бога, но даже бог не может гарантировать, что весь этот хлам в будущем будет чего-то стоить, какого-то числа на клочке бумаги: Фрика и ее новый дом, по крайней мере недвижимость, а не движимое, плохой пример, но ты понимаешь, что я имею в виду, в общем, товар и деньги, товар и то, на что его покупают, они оба не работают, я имею в виду, работают, конечно, это я и хочу сказать, они оба работают только как разные способы существования самой ценности, в зависимости от того, кто ее измеряет, кто ее и для кого измеряет, это не важно, это не важно, главное, не забыть рулетку, чтобы ее можно было приложить, не важно, к чему; товар и деньги: две сущности, две рассорившиеся сущности, которые ничего не знают друг о друге, которые еще познают друг друга, но да, может быть, у них что-то и получится, может быть, с ними что-то и случится, товары и деньги как два способа существовать, как двое сирот? нет, это нет, как сущности, как сущность ценности, самой ценности, деньги как общая, а товар как специальная, так сказать, как мусор, нечто непотребное, что, однако, еще пользуется спросом, да еще каким! как грязь и прикрытые дрянью способы существования одного и того же! И оба постоянно и без перерыва переходят в другую форму и обратно, они меняют облик, они меняют форму, они меняют одежду, они меняют лампочки. Потребность обладать ими довольно изменчива, один хочет то, другой это, обладать хотят все, все хотят золота, оно служит гарантией их вклада, их сокровища, но страхование становится все более самостоятельным, не важно, что написано на этом клочке бумаги,

у некоторых только золото и осталось, оно сохраняет свою ценность, не так ли, идиоты, безумцы и правда верят, по крайней мере золото – это самое большое и сохраняет свою ценность, которую эти числа, на этом вот экране, эти простые числа и выражают, представляют и что там еще. Золото должно снизойти, представить ценность, и цена должна быть еще и постоянна? Быстро остаться постоянным? Золото должно стать предсказуемым? С помощью бумажек? Слабоумие! Ему пора, оно должно идти, как и твой отец, деньги должны идти, все должно постоянно странствовать, только золото пребывает в покое, пока странствует, хотел бы я научиться этому фокусу, скидывать вес лежа, никакого спорта, никакой работы над собой, никакого движения, золото пребывает в покое, покоится, как озеро, и ничего не делает, оно не исчезает, но и не приумножается, нет, его становится больше, но оно могло бы и исчезнуть, не важно. Капитал это деньги, капитал – это товар. Капитал – это и то и другое, только пока может отрешиться от своего владельца. Решение, окончательное решение это отрешение это вынужденное решение это постоянное изменение, которое не бывает без отрешения. Ах! И так далее. Не важно, что, ты этого не получишь, потому что будешь крепко спать и не будешь в обороте и не будешь охотиться и ничего не будешь делать, только спать. Охотник, стремящийся, поспешающий герой что-нибудь получит, я еще не вижу, что именно, разве что он получит смерть, как все. Герой. А перед этим устроит еще целое невероятное представление. Герой это то, это тот, кто равен самому себе. А эту форму он сможет принять только в форме денег, потому что тогда он мог бы не умирать. Он мог бы скакать, бегать, сражаться, плавать на кораблике, но умереть не мог бы. Если бы герой был деньгами, он не мог бы умереть. Но твой герой, я думаю, с самого начала сделал ошибку. Вот увидишь. Не приняв товарного вида, герой не станет героем, не приняв товарного вида, деньги не станут капиталом. Не приняв геройского вида, у героя нет в твоем случае ни единого шанса, он его и не получит. Разве только деньги геройски не нападут на товар, как в создании сокровища, которому мы обязаны столькими бедами и страданиями, разве только герой не вступит в битву с деньгами, пусть и не друг против друга, разве только деньги не выпустят на волю, чтобы они выступили против товара, они сами виноваты и не знают, что нуждаются в товаре, ведь без товара они ничто, они презирают товар, эти деньги, и все же без него они ничто, что я хотел сказать, сокровище получится, только когда деньги будут спрятаны. Но капиталистами мы станем только в том случае, если нам удастся примирить деньги и товар, наконец-то примирим, не

как герои, а как торговцы, которых снова все станут презирать. Дельцов всегда презирают. Губительные последствия, пусть, к счастью, и не в моей свите. Итак. Я говорю сейчас как бог, который скоро снова отправится в путь, как деньги, хотя его никто и не положит в карман, капиталисту известно, что все товары, как бы ничтожно и грязно и дешево они ни выглядели (все они найдут своего покупателя, это совершенно точно, не важно, что за дрянь, кто-то ее купит, да еще и продаст ее копию, только дешевле – можешь положиться на это! – обязательно найдется кто-то, кто поверит, что нашел нечто ценное, даже если это фальшивка!), как бы ни вонял товар, бог позволяет себе сравнение, дитя, слушай, каким бы грязным и провонявшим ни был товар, без него ничего не выйдет, деньги без него ничто, его место за столом, он в центре, он сидит между нами, он сидит среди нас и так к этому привык, как слово, само слово: товар, сам товар, лично, даже если он отвратителен, маленький, убогий, вонючий, его место среди нас, мы неразрывно связаны с ним, он член нашей семьи, товар, да и все семьи непохожи друг на друга, как товары, как счастливые, так и несчастливые, они якобы должны отличаться друг от друга[96], чушь! он сидит по правую руку бога, нет, не меня, другого бога, там он сидит, товар, а левой он его оплачивает, нет, не я, я не плачу, другой бог, спаситель, это не я. Спаситель, который оплатит свое спасение. Его деньги ничего не стоят без него, этого товара, товар – это ВСЁ, он это поймет, самое позднее, когда его свояченице придется отдать золотые яблоки, этот дорогой, бесценный, но переоцененный товар, и сразу должна будет отправиться вслед за ними, потому что лишь она знает необходимые удобрения, тогда-то, да, тогда бог поймет, что договоры – это бред, ведь никогда не знаешь, кто окажется в выигрыше, что я хотел сказать, итак, капиталисту известно, что все эти товары, весь этот шлак, этот мусор, то, что осталось от мусора, по идее и на правде есть деньги, да, что деньги – это обрезанные духовно евреи, послушай, дитя, бог знает, что он говорит, и он говорит это, потому что ему можно, потому что никто не может ему в этом помешать, – да и кто бы это сделал? – я говорю: Все деньги ничто без товара, а товар – это не что иное как обрезанный еврей, неполноценный, но неоспоримо порядочный, абсолютно порядочный, я предвижу это, пока не придет и его конец, ах, не знаю, говорю, бог, а товар это нечто чудесное, товар это чудо, чудесное увеличение всего, не только хлебов и рыб, Иисус такой болван, а то, ничего просто так не дарят, а он это сделал, такой был тупой, что поверил, будто бы это ему что-то принесет, это принесет ему почитателей или как или что, я их не вижу, я их еще не вижу, что я хотел сказать: Итак,

товар – это чудодейственное средство, чтобы из денег, которые должны странствовать, которые должны странствовать с определенной целью, а именно этой, иначе на них ничего нельзя было бы купить, потому что тогда товары были бы совершенно не там, где деньги, которым потому и нужно странствовать, чтобы из денег сделать еще больше денег, чтобы сделать больше себя самих. Чтобы из денег сделать еще больше денег. Сделать больше денег и все. Нет, не все. Однажды и это не подойдет. Тогда сами деньги будут растягиваться, минуя стадию товара, чтобы делать больше из самих себя, они будут делать из самих еще больше себя, это будут уметь только деньги, им больше не нужны будут товары, вот увидишь! От товара, что когда-то был им так мил и так помог, они отрекутся. Однако бог не опережает самого себя, он создает, но не забегает вперед самого себя. Это музыка будущего, только без музыки. Это будущее. Деньгам больше не нужен будет товар, они все будут делать самостоятельно и словно сами собой, все, для чего им пока что еще нужны люди. Деньги станут свободными, в том числе и от людей. Они будут единственным, что останется, я это уже говорил. Будут только деньги, я, кстати, спросил себя, где, но деньгам-то это уж будет известно, они-то там будут. Всем нам придет конец, мы будем мертвы, но деньги будут жить. Да здравствуют деньги! Возможно, их получит герой, товар, невесту, которую он будет хотеть даже вслепую, потому что ее пока нет, герой ее еще ищет, но он знает, она есть, потому что он знает, что она есть в наличии, для выдачи на руки, скоро, товар, какой товар? товар! ты? Товар героя? Тебя он хочет? Тебя любит? Тебя, ты же ничто без золота, вы чего-то стоите только вместе, не так ли, только вы вместе чего-то стоите для героя, чтобы делать из денег деньги, что впоследствии деньги, даже без денег, не приходя в себя, смогут делать сами. Тебя уже сделали, потому что ты полагаешься на героя. Настоящий герой, его деньги не заботят, так почему его должна ты заботить, ты, товар, который он ищет? Почему именно ты? Потому что ты спишь? Спать любой может! Так герой не придет. Ни один герой не придет к каждой, герой не придет ни к одной, но он придет к тебе! А знаешь почему, маленькая ты и влюбленная? Раньше влюблена в обеспеченного папочку, теперь в героя, которого ты еще даже не знаешь, которого ты никогда не видела? Которого тебе просто напророчили? Понятия не имеешь, как его зовут, но он твой нареченный. Ты уверена? Да, ты уверена. Я, конечно, знаю, ведь это я тебе его и напророчил и тогда уже знал: Этого героя никак не зовут! К тому же: Что если это не герой во всех отношениях или не герой вовсе, кто как раз годится для отношений? Не кто-то, готовый въехать, а

непригодный для отношений герой? Или способный на отношения только с другой? Да, вот и с деньгами точно так же. Их можно обменять, но лишь немногие обладают возможностью меняться ими друг с другом. И при этом их все время становится больше. Вместе с товаром, с тобой, дитя мое, их будет все больше, вы непобедимая команда. Герой презирает деньги, но он ищет тебя, исполнения своих желаний, за огнем. Ты узнаешь его по тому, что он презирает деньги? Ты бредишь! Да если бы ты не была моей дочерью, ты сама была бы ничем! Я прибавочная стоимость, которую я тебе сообщаю, тебе, живущей, пусть и спящей субстанции, так этот герой вступил с тобой, так сказать, в приватные отношения, что на самом деле оказывается отношением с самим собой, приватным отношением, но все же. Оно будет в силе, пусть и не долго. Этот герой будет все время искать только самого себя, потому что в конце концов он хочет иметь отношения только с самим собой и больше ни с кем. А те, кто придет за ним, будут просто молча смотреть, как деньги вступают в такие вот интимные отношения сами с собой, как они странствуют, словно бог, словно герой, словно зверь, свободно и независимо отправляются в мир, так и будет, поверь мне, в конце единственно деньги и останутся свободны, единственный свободный гражданин самого себя в своем золотом королевстве, где никогда не заходит солнце[97], по крайней мере никогда не всходит, потому что никогда не расходуется, подсчет никогда полностью не сходится, счет героя никогда не сходится, потому что деньги же не могут взыскивать сами себя. Это его и заводит, и в конце так и будет, что деньги как единственный гражданин его королевства будут в отношениях только с самими собой. Все остальное будет в прошлом. Будут только деньги. Зачем нам вообще долг? Потому что есть деньги, которые мы, нашего долга ради, должны выплатить. Но когда-нибудь деньги будут все делать сами, даже свои долги они будут делать сами, а потом расплачиваться самими собой. Они вообще ничего не должны будут выплачивать, потому что сами будут определять собственную цену, а ее всегда определяют по ним самим. Деньги будут определять собственную цену, потому что людей не будет, ушли, мертвы, вымерли. И тогда, лишь тогда, тогда им уже не нужен будет товар. Они будут свободны, деньги. Они будут свободны и от самих себя, а потому впервые будут самими собой, полностью самими собой. Деньги будут освобождены, это будут приватные отношения с самими собой, которые никого не касаются, они приватные, поскольку ни у кого не будет возможности обладать ими, они все будут делать, обделывать с самими собой, одни деньги с другими, как изначальная ценность,

которая отличается сама от себя, но никто не будет знать, но никто не узнает, как и что, они станут своим собственным богом-отцом, чьим-то богом-сыном, и оба, отец и сын, деньги и деньги, одного пошиба, в одних летах и лежать будут на одном и том же алтаре, деньги и деньги, где они принесут жертву самим себе и все-таки станут больше, принеся себя в жертву, никаких больше долгов и никакого долга, никаких богов, никаких героев, никаких больше дочерей, ни от кого, никаких больше процентов и только те, которые сами делают с собой деньги, деньги для денег, деньги за деньги, больше денег, все больше, это цель. Никто не будет виноват. Им никогда не хватит самих себя, недостатка в деньгах не будет, потому что деньги не будут шарить по карманам, боги будут побираться и выберут более не существовать, но деньги не допустят этой ошибки, они никогда не выберут не существовать больше, они выберут только стать еще больше! да, милые деньги, и это будет самый беспокойный странник из всех, будет странствовать, беспрепятственно ездить по свету, кружить по свету, ради самих себя, твой отец со своим посохом и шапкой, дитя, на этом фоне будет выглядеть как какая-то грязь, из грязи они и выйдут, деньги, просто они будут прочнее, чем любой бог. Никто больше не будет себя знать, никто не будет узнавать ни своих соседей, ни родственников, только деньги будут узнавать другие деньги, и по деньгам своим узнают деньги своих, и по деньгам их узнаете их[98], узнать не значит потрогать, только посмотреть и узнать. Приумножиться и просто быть, как можно больше. Мы будем молчаливыми наблюдателями денег и их борьбы, а бог-отец и бог-сын образуют единую личность, и эта единая личность, бого-сын, однажды, как уже было раньше, снова пожертвует собой, ради самого себя, только жертвы ради самих себя еще могут принести деньги, потому что только через прибавочную стоимость жертвы деньги станут капиталом, они пожирают все, они поглощают все, они поглощают и все воплощения, которые видят или используют, то, что когда-то было ничем, теперь все, потому что станет всем[99]. Грязь. И как только деньги станут капиталом, как только сын и через сына был сотворен отец, нет, не отец через сына, пожалуйста, потом это тоже будет возможно, это будет возможно, что даже сотворение пойдет вспять, да, и рождение тоже, все наоборот, все вспять, начистоту, только капитал, только деньги, которых должно стать больше, или так, тогда время вновь начнется заново, и подсчет процентов и процентов с процентов, который я и с первого раза не догнал, начнется снова, с нуля, там он и остановится, наконец-то! и так, когда из ценности получится прибавочная стоимость, когда деньги вступят в эти отношения с самими собой, когда все люди

прекратят существование, я уже говорил, исчезнут товарно-денежные отношения, и подлинные отношения выступят из тени, деньги, пожалуйста, примите, да, с удовольствием, я приму, я единственная самостоятельно передвигающаяся субстанция, ясное дело, тут нечего думать, бог должен странствовать, я, деньги, но я сама собой движущаяся субстанция, они сведущи в себе, деньги, они-то о себе все знают, субстанция, в которую вливается все, что только было, и которая вливается во все, что когда-либо было помыслено или существовало и что когда-либо было произведено, товар и деньги, чудесный товар, о котором я так много говорил, м-да, к сожалению, его тоже не будет, он станет деньгами, а деньги сразу забудут, что без товара их никогда бы не было, деньги забудут своего верного пособника, они забудут все, они забудут собственную суть, потому что смогут себе это позволить, потому что ничего другого больше не будет, товар и деньги, простые формы, прекрасные или уродливые, кто разберет, простые формы, легко двигать, что-то вливается, что-то вытекает, больше ничего нет, есть только деньги. Ради себя самих и для себя. И я, бог, который сделал себя господином, но только потому, что он им уже и был, я сам стану деньгами и без конца, постоянно, снова и снова смогу странствовать, пусть и не в обличье бога, само собой. Ценность ценность ценность – это прибавочная стоимость, потому что она должна таковой стать, все должно стать чем-то более ценным, иначе оно умрет, иначе все умрет, иначе оно отпадет, иначе оно увянет. Что у нас тут, что у нас тут? Сын сотворит отца, который сотворил его прежде, бесконечная цепочка, а если отец был сотворен сыном, исчезает разница между ними, исчезнет любая разница, будет только одно, что мы уже много раз называли, я надеюсь, вы обратили внимание. Есть только одно, и к сожалению, только в одном экземпляре. Одно одного. Изначально создано одним, и не матерью-землей. Деньги деньгами. Все влилось, например, в эту маленькую жестянку, которая когда-то была другой жестянкой, из которой снова получилась другая и еще одна, а иногда даже две жестянки из одной, я был этой жестянкой, что-то влилось, различия исчезли, каждое отличие исчезло, потому что по жестянке вы уже не увидите, что когда-то она была другой жестянкой, может быть, даже двумя. И все одно. И они обе одно. И отец и сын одно. Дух, конечно, исчез, но кому он вообще нужен?! Кому он нужен, пусть и забирает. Деньги вырвались на свободу, они текут, они снова переходят на шаг, потом снова выходят из обращения, делают все, что хотят. Это хорошо для кровообращения, ходьба. А кровообращение для того и существует, чтобы все снова началось сначала, снова и снова, но

на руках всегда одни и те же вещи, но и они не у всех в руках, не все могут взять их в руки, это называют рок, что не у всех это есть, что не все могут иметь эти вещи, хорошо, так ясно, пока что, и все снова начинается с начала, все так устроено, что оно есть и не кончится, а потом все-таки кончится и все. Так-так, так мое дитя, моя дочь отворачивается, вместе со своей безнадежной страстью к герою, которого скоро тоже не будет. Он просто уйдет, этот мужик. Но пойдет не туда, где гениталии, дыра или что у нее там, уже взяли на себя ведущую партию. Пойдет куда-то еще, нет, деньги его не интересуют, как единственного оставшегося, его это не интересует. Он боится чего-то другого, что для нас совершенно безопасно: Прочь от пола! Это может быть так приятно, но может быть и совершенно безобразно, но это уже будет не в счет, это ничего больше не будет значить. Также и пол и его тайная жизнь ничего не будут значить. Это просто уйдет, да, и отец тоже. Уйдет и покинет тебя, дитя. Найдет выход и уйдет. Гениталии, так это раньше называли, когда там еще не было дыры, где женщина, теперь-то все одна дыра, гений дочери потонет, ее вроде как затянет, вовнутрь, я имею в виду, интерес дочери, однако, может быть направлен внутрь, все равно без зеркала и фонарика она там ничего не увидит, ничего не сможет там сделать. Нужно что-то или кто-то, лучше кто-то, кто сможет показать, ничто, конец, то, где ничего нет и где отец потерял свои права. Откуда возникла жизнь, а теперь больше ничего нет, где она кончится. Сначала ребенок хочет жизнь, а потом он должен захотеть своего конца, как этого хотел отец. Между этим нужно как следует править, ближе к концу еще лучше, потому что тогда люди обычно начинают паниковать, Нужно работать в пригодных для аккумуляции наслаждений условиях, чтобы зависимость ребенка от его пола стала переносимой. В то время, как ребенок мужского пола много времени уделяет мануальному обращению со своим половым *гидравлическим* инструментарием[100], который к тому же можно выдвигать и втягивать, все, что деньги могут сами, без того, чтобы кто-то должен был брать их в руки, в это-то время дочь и исчезает, бесплодно, неотступно, в самой себе. Да и деньги остаются исчезнувшими, тоже в себе. Их больше нельзя взять. Это единственное, что еще есть, но не дается в руки, потому что никто больше не попытается взять их. Никого больше не будет. Некому будет их взять, кроме только их самих, денег. Есть кто дома? Никого нет дома. Дом сожгли, вагончик тоже, да, и его тоже. Самые современные убийцы будут приезжать и скрываться с места преступления на велосипедах и с картами, GPS они еще не пользуются, хотя они такие современные, герои. Но они не хотят ничего нового, только старое доброе. Грязь, грязь, грязь! Я знаю.

Ты тоже, иди к нам, покажи себя с лучшей стороны! Нас никто не не сможет достать по указанному в контактах адресу или телефону, что, однако, не означает, что мы недостижимы. Камрад! Враги немецкой нации! Победа! Не вас имели в виду. Возьмите себе жизнь! Возьмите жизнь у других! Вам к лицу! Возьмите ее себе! Возьмите себе эту жизнь прямо сейчас! Поезжайте на ваших вертких, ветреных велосипедах туда, где вы сможете взять жизнь у других, а потом и у себя! Now! Вам удалось то, что еще никогда не удавалось, убивать больше десяти лет, это достижение, особенно во времена, когда достижения обычно уже ничего не стоят, только деньги. Это достижение, мы отмечаем десятилетний юбилей убийств с розовой пантерой, она наш почетный гость, но, может быть, под честью мы понимаем нечто другое, чем вы или она. Территорию, охваченную нашими убийствами, мы расширим, с этим вы ничего поделать не сможете, даже если вы будете что-то иметь против, мы это сделаем, а что нам с этого притечет, удовлетворение, гордость, радость, все это мы можем присоединить к нашей жизни как дополнительный капитал, да, так они и говорят, или как-то так; прибавочный продукт уже плывет к нам, мертвецы, мертвые герои, женщины (ну да, по крайней мере одна), которых они несут, которых они добавляют к великому войску павших, пока вагончик не лопнет, откуда герои стартуют на своих велосипедах и куда они возвращаются. Точно так они себе это и представляли, эти герои, и точно так и будет, они скачут по двое, они скачут на велосипедах, пусть и не *в лесу, на лугу и на отдыхе!*[101], но у них еще есть дела, у этих богатырей, вечно в раздоре, по крайней мере, не друг с другом, только с чужими, только они им чужды, гнев героев не уляжется, скорее пантера, розовая пантера, уляжется, чем этот гнев, сейчас мы еще ждем этих героев, священная Германия *послала нам яростный привет, увидела, что мы приближаемся*[102], без десятой жертвы[103] *на наших нетвердо ступающих стальных конях*[104]: на этот раз в роли велосипедов валькирии! не на, а в! Как посланницы на велосипедах с героями сверху, тоже неплохо. Героев носят на седлах, герои, которые, как мы все-таки надеемся, снова встанут и продолжат сражаться, когда отдохнут, но нет, они лучше покончат с собой. Это золотая цепь, которую наемный рабочий выковал себе точно так же, как и убийца, которую кует каждый, кто что-то делает или заканчивает, золотая цепь, сокровище, клад, дремлющий депозит в Рейне! Мы вплетем в нее самих себя, она скована слишком вольно, золотая цепь, но ее в любой момент можно надеть. Провисающая цепь в убийственном велосипеде, так не пойдет. Это люди, скажет кто-то, это тоже люди, но лично я в это не верю. Люди, разные.

Разные люди. Люди, уже покойные. Как односельчане они мне нравились больше, новоселье мне тоже понравилось. Только в нашем доме великаны, в их стремлении к золоту, выпустили их на волю. Нет, никаких распутных празднеств у нас. Это же ничего не стоит, кроме работы, которая ничего больше не стоит, это же ничего не стоит.

Б.: Я правда должна уйти? Должна удалиться, больше не спать с тобой, я имею в виду, больше не *спать и не править*[105] с тобой, отец? Слушаться кого-то, кого я не знаю? Бросаться неизвестно на кого, и даже если бы каждый был героем, разве было бы не важно? Ты меня все время в этом обвиняешь и думаешь, что подловил меня, полагая, что я горю желанием подчиниться такой судьбе. Навязываться кому-то, кто меня не хочет? Потому что герой всегда хочет чего-то другого, но не того, что у него есть. Он хочет постоянно созидательной жизни, но все равно погибает. Он хочет, чтобы там, где его нет, была смерть, но потом умирает сам. Герой все всегда хочет сделать сам, он хочет, чтобы ничто, что есть, не пропало, даже если ему самому придется позаботиться об этом. Он хочет, чтобы все пропало, и об этом-то он позаботится. Он хочет, он хочет, он хочет. Герой погибнет. Он погибнет вместе со всем, что есть. Герой охотится, он охотится терпеливо и целеустремленно, но в конце именно он оказывается тем, на кого ведется охота. Герой хочет уничтожить господство одного над другими, власть могущественных, чтобы могущественным был он один. Но он погибнет. И при этом он умрет. Собственное могущество будет этому герою безразлично, он даже не познает его, поэтому ему придется умереть, из обиды за других могущественных с их дутым, с их надутым могуществом, умереть, хотя ужас при этой мысли почти пригибает его к земле, где он все равно в итоге окажется. Он попытается сломить власть собственности и власть могущественных. Но он попросту окажется сломлен, потому что он, да, сам того не сознавая, а не бессовестно, сам принадлежит к ним. Он захочет скрыть сокровище, единственный, но они бросили его в воду, потому что до этого целые поколения героев убивали друг друга из-за сокровища, сотни убиты, тысячи утонули. Всего лишь из-за денег. Только ли из-за денег? Только из-за денег! Тогда они бросили сокровище в воду, чтобы никто его больше не получил. Разумное решение. Сотни лет шла война за золото, но теперь с этим покончено. Золото теперь в реке, все в реке, река ничего не отдает, придется вступить герою, но, к счастью, не в нее, чтобы было вообще что-нибудь. Герой – это представитель убийцы, представитель фюрера, представитель

представителя, вплоть до самого верха, до бога, который назначает представителей, а потом убивает, потому что в конце концов всегда должен оставаться он один. Место только для одного. Герой, представитель бога, ангел, и отец, должно быть, настроен к нему враждебно. При этом герой вообще-то должен быть его любимчиком. Спасибо, что ты оставляешь его на меня, отец. Но удержать героя, это никому надолго не удастся. Раньше все убивали друг друга из-за золота. Сейчас убивают только героя. Герой воплощает все, чем не являешься, и что, однако, следует убрать подальше. Одним многовато. Чего нельзя достичь самому, и чего при этом не должно быть, следует устранить. Вместо того, чтобы самому приложить усилия. И этого я должна хотеть? *Собственная воля властитель героя*?[106] Лучше, чем среднестатистический человек – в любом случае! Могу только сказать, что с этим господином я бы познакомилась. Он в любом случае будет лучше среднестатистического, пока не случится так, что он падет; спасибо, отец, что я обязана брать не каждого, а только того, кого никто не ищет, и который, однако, тебя прикончит. Смена третья: помощники. Посредственные агенты и находят только посредственность. Но герои другие. Вот эти трое, еще вон тот, интеллектуал, другой внушающий ужас, Логе и Хаген? нет, куда там! этот негатив увеличивать не нужно! так сегодня уже не делают! На жестком диске все мы одного размера, если только не увеличим сами себя. Эта женщина, женщина героя, с ней так мило обошлись, коврик у ванны и гардины, нам, героям, нужна же она, эта женщина? Да, это женственное издание Иисуса карманного формата с этим «Я та, которую вы ищете!» Скорее Гутруна, чем Брюннхильде. Нежнее. Нежнее меня, в любом случае. Гутруна – это именно та, которая готовит, которая готовит для героев, пока я все горю за них, но в данный момент все еще сплю. И тем не менее все обойдется. Но до добра не доведет. Они не выйдут, эти герои, чтобы их можно было увидеть снаружи. И они у нас не выйдут из употребления. Вон уже идут новые! Парочку мы уже пригнали сюда. Две штуки плюс полвалькирии. Вон они болтаются в седлах, отчасти мертвые, но полвалькирии еще полуживо. Кто там висит? Чуть позже мы назовем имена героев. *Уведите своих гнедых от серого прочь*, я имею в виду, уведите одну лошадь от другой, скорее! Милый серый, сейчас тебя уведут от гнедых, вы милые гнедые, сейчас вас не уведут от серого, по которому вы так давно изнываете! Наоборот. Вы толкаете самих себя в пламя. Вы сами ведете себя туда, сами тащите за уздечку. *Кобыла бьет коня*, мы же не можем этого допустить! Мир перевернулся! Раздор между богатырями рассорит и коней! Мир переворачивается обратно. Гнедой, не

нарушай согласия! Но герои так любят это делать, им это нравится больше всего! Милый гнедой и милая серость! Добро пожаловать, вы оба! Они подрастают, эти герои, как будто могут брать силы от земли. Они и могут. Священная земля, она доставляет. Только бы не было большого уклона, они же поедут на велосипедах. Они поедут на отдых, они будут очень милы и ставить палатки. Они поедут в доме на колесах на кемпинг. Они будут вежливы с соседями, не будут скупиться, будут нормальными, будут выглядеть атлетично, в любую погоду будут на улице. Они снова и снова будут возвращаться в свой вагончик или в свою милую квартиру. Они будут похожи на всех и ни на кого. Или же просто останутся дома, там ведь лучше всего. Как я. Нет, я имею в виду не то, что я лучше всех, а только то, что я останусь дома. Спать в дождь, в солнце, в ветер, в снег. Нет, не спать. Ездить на велосипеде. Все время ездить на велосипеде, хобби героев. Не всех героев, но этих. В горнице высокая перина, на ней спит гость, коим я не являюсь. Один бог закрыл мне глаза. Этим героям женщина чистит духовку, гостям относят тарелку с пирожными, на которых нет моего профиля. Пирожные по рецепту из поваренной книги, мне там не место. Меня ни в одной книге не может быть. Меня вообще не может быть. Почему часть этой квартиры закрыта для чужих? Почему для чужих все закрыто? Почему это они попросту запретили все для чужих? Здесь только для героев. Герои: пожалуйста, сдаемся. Вешайтесь! Нет, это неправильно. Если на вешалке больше нет свободных мест, оставляйте так! Герои, пожалуйста, оставляем свои жизни здесь. *Собственные желания – единственный закон героя, собственная сила – единственная собственность героя? Самое великое в герое – его созидающая убийственная сила?*[107] Так становятся героями? Один раз герой, всегда герой? Герой как единственный свободный человек, с занавесками, плиткой и ковриком в ванной? Это ему тоже нужно. Герой как тот, кому предлагают? Герой как тот, кто предлагает себя в качестве образца, которому никто не может следовать? Герой как воспитатель? Как свидетель новых героев? Нет, герой – это завершатель! Герой как терминатор. *Герой единственный живой посреди скопища безжизненных, слабых, обессиленных. Герой как разрушитель порядка? Герой как освободитель миллионов рабов немногих*[108]? герой как свой собственный хозяин? и эти немногие, однако, как герои самих себя? Хотя там никого уже нет, они никого больше не оставляют, *эти немногие это рабы собственной власти*? Когда они это догонят? Что они сами себя делают рабами, рабами самих себя? Только потому, что они так решили? Нет, они имели в виду не это. Определенно нет! Растущие

зарплаты, но наша рабочая сила не продается! Рабы бунтуют. Их сила, сила всех, кто не герой и у кого нет коврика в ванной, и подходящего к нему чехла на крышку унитаза, их бесцельная сила, сила рабов – это люди, которые ничем не желают заниматься, пока герои хотят и могут заниматься только собой – снова и снова продаются и снова продаются и перепродаются и перепродаются, силы расходуются, дополнительный капитал расходуется, расходует самого себя, и то немало, потому что даже занавески и коврики нужно же купить, даже если для этого придется пахать, как раб. У героев все это тоже есть. Оно плывет им в руки, им не приходится утруждаться, чтобы удержать что-то, они же не работают, они ничего не производят, они не сеют и не жнут, их и так кормят, не отец их кормит, но все-таки кормят. Им дают работу, вы уже знаете, кто, но часть ее всегда остается неоплаченной, почему бы тогда вообще не работать и быть за это героем, может быть, не за это, а вообще? сильная пьеса, просьба сохранять спокойствие! я только хотела сказать: сильная штука, но этого еще недостаточно, чтобы выковать из нее меч, для этого нужно несколько штук, вообще-то нужны опилки, то есть такие маленькие кусочки, не так ли. Я уже вижу, это было последнее, что вы стали бы терпеть: множество пьес. Но я, я, я предвижу: *Работу ввысь!*[109] Куда ее? Кто-нибудь уж ее возьмет, с мутными договорами и жесткими законами, они нужны. Гномам это нужно. Они хотят этого. Вопрос, может ли вероятность любви быть признана государством одним из платежных средств? Нет, любовь нельзя признать платежным средством. Тем более для оплаты налогов. Да кто здесь вообще платит за это сокровище? Таможенник, нет, он не платит, но на этот раз мы имеем дело не с неимущим, нет, с непотребным, нет, потому что потребности-то у него есть, итак, на этот раз мы имеем дело с незначительным чиновником, который охраняет эту не подвергающуюся яростным нападениям границу, речь о деньгах, а не о жизни, и этот чиновник дважды переспрашивает, кто платит и каким способом, главное: чем? У нас нет денег, у нас вообще нет наличных денег с собой, даже в нашем гелендевагене их нет, даже в сумочке моей экстравагантной спутницы нет ничего, что могло бы заинтересовать государство при ближайшем рассмотрении или хотя бы издалека. Там ничего нет. На манто с меховым воротником, дорогие часы, туфли, сегодня Джимми Чу, государство претендовать не имеет права. Они никогда не будут ему принадлежать, даже если оно встанет с ног на голову. Что при этом выпадет, будет также принадлежать нам, а не государству, к примеру. Нет, денег у нас с собой никаких нет, да и зачем? А если бы и были, они бы принадлежали только нам. И

пожалуйста, не могли бы мы уже поехать дальше, даме срочно нужно в туалет, я полагаю, государство не станет требовать с этого десятину, автостоянки обычно требуют десятку, пусть и для себя, ну, это было бы что-то! Унитазный налог! Правда нет наличных, спрашивает чиновник? Ну, тогда выходите. Но мы не хотим выходить. Но вы должны! Давайте! И что это такое? Что это? Семьдесят стольников, не сотовых, в нашей песне, в нашей песне их не будет, правда же? Правда. Семьдесят сотенных купюр только в нагрудном кармане рубашки, а там, откуда они, еще больше! Кто ищет, тот найдет. И что это там в сумочке у дамы, которой вдруг срочно понадобилось в туалет? Там в боковом отделении еще восемьдесят таких купюр. Вы что, раздраконили сокровище Нибелунгов? Нет, не раздраконили, скорее наоборот, превратили в бумагу? Обесценили? Просто обменяли драгоценное творение тысяч гномов на какую-то ерунду? Вы что, это прекрасное сокровище, вокруг которого столько алчности, из-за которого совершено столько убийств, хотя само оно никого не убило и преспокойно лежит себе и иногда поигрывает в картишки с драконом, не более, вы что, превратили это прекрасное, это легендарное сокровище в бумагу, которую и возите с собой незаконно? Откуда вся эта бумага? Она наверняка из какого-нибудь еще более кровавого преступления, раз уж вы так хорошо ее спрятали. Вы кого-нибудь убили из-за нее? Стыдно должно быть! Я понять не могу: Такое красивое сокровище, а теперь всего лишь пара тряпок? Разумеется, это не все, но так жаль! Раньше это было чистое золото! Зачем вы с ним так? Но эти стольники, сотни, все из Германии, господин инспектор, вы же видите, это просто бумага, кто же обменяет сокровище на бумагу? и кроме того: Дракону следовало бы лучше следить, часть вины на нем, это все из Германии и снова вернется назад, мы просто немного перенесем его через легкую каменную ограду, поверх границы деревьев, но границы – это то, что не каждый может преодолеть, только герой может, в данном случае герой и его супруга, они могут, они пересекут границу с парой кило бумаги, которые когда-то были сокровищем и для того, кто ими обладает, все еще таковым являются. Мы просто хотели купить за границей немного украшений, ни больше, ни меньше, скорее больше, чтобы дополнить сокровище, которое у нас дома, пара вещей, которых не было в сокровище, но они в любом случае относятся к нему, и в любом случае они нам срочно нужны. Но за границей мы не нашли ничего прекрасного, поэтому мы привезли эти деньги из бумаги назад, мы честны, мы честные нашедшие, и что мы нашли, мы тут же забыли. Подумайте, даже герою нужно было сначала поискать сокровище! У нас оно уже есть, но мы его между делом

забыли. В принципе нам еще полагается вознаграждение за находку, ведь мы это сокровище нашли и уже не помним где. Что мы знаем, так это что оно принадлежит нам. Боже, мы так рады, что оно снова тут, пусть и из бумаги! Это может потянуть максимум на нарушение общественного порядка, делов-то! Мы забыли, что мы переделали часть сокровища в бумагу и перетащили через границу, пожалуйста, простите нас еще раз и не судите, вы, мужчина на страже границы, такие сложности с этими границами, что людям постоянно приходится их контролировать! Даже бумагу в другую страну по-тихому не вывезешь, чтобы не заметили. На все сокровище нам понадобилась бы пара грузовиков, и они точно бросились бы в глаза. Но мы решили держать себя в руках. Правда все равно вернется, она уже была в дверях, еще раз задумалась и снова вошла. Дракон тоже любопытствует, кто там пришел. Немного сокровища не хватает, а так все в рамках закона. Где дракон? Он имеет какое-то отношение к тому, что эта супружеская пара с Рейна, эти господин и госпожа Гибих[110], хотели перевезти через границу часть сокровища, отлитого в пачки бумаги? Гном видит это и тут же отказывается от любви. Он видит, как легко совершаются преступления и выбирает сублимацию, он замещает любовь деньгами и готово. Любовь: вещь, вокруг которой слишком много шума. Сублимация – это когда вместо большего получаешь меньше, когда малым заменяешь многое. Ничего особенного, это и правда может каждый. Тысячи рук гномов вкалывают, они куют, они стучат молотками, шлифуют, пилят и сверлят дыры в чем угодно. Но от рождественской премии им теперь придется отказаться и превратить ее в работу, сублимировать работой. Они сделают это с удовольствием, потому что верховный гном тоже от чего-то отказался, он как предприниматель несет ответственность, он отказывается от любви. Его люди никогда бы этого не сделали, они сублимируют как-то иначе. Лучше холодная, неуютная гостиная, но с телевизором, его судебный пристав забрать не может. Верховный гном, мрачный дух, как подумаешь, что за бред он творит, совершенно отказался от любви. Не проблема. Он за это никогда ничего не получит, но должен будет все отдать. Если бы он знал! Тогда бы он лучше любил. Если бы только знать такие вещи заранее! Теперь у него ничего нет. У него постоянно все тащут, другие потом это утаивают, например эта обеспеченная супружеская пара с берегов Рейна, как он, гном, земляки – как мило! – правда выше и вдвоем, потому что они не отказывались от своих любимых на родине, они уже ждут денег, что я хотела сказать, все зависит от стадии, на которой мы находимся, и

сейчас мы находимся на стадии отрицания, пусть и, надеюсь, не надолго. Отказался только один гном. Он отказывается и берет за это прибавочную стоимость, он берет все, он перебирает, перенимает гном, кто прежде отказался от любви. Сейчас он хочет отказаться от еще большего. Гномы обычно далеко не герои, не правда ли. А другие при этом верховном ворчуне? Им-то что делать? Они работают. Работают. Герой их освободит от этого? Герой освободит всех? Супружеская пара с Рейна освободит сама себя. То есть это будет не сложно. И все-таки мы можем забыть об этом, это никому не под силу, и этим двум в конце концов тоже не удастся. Они получат повестку, господин и госпожа Гибих, она тупая корова, а кто он, не знаю, о них известят, потому что они не оповестили о своих деньгах, когда их дважды об этом спросили. И прежде чем петух прокукарекал в третий раз, они отреклись от своих несчастных денег. Они хотели пощадить свои деньги, такая у них отговорка. Бедные деньги и так уже устали от постоянного обмена! Они уже начали плохо ориентироваться! Герой тоже сделает что-то, прежде чем забудет меня тоже! Рейнские земли – королевство забвения! Герой тем временем освободит золото из воды и заново запустит круговорот убийств? О чем он вообще думает? Герой как игрушка в руках спекулянтов и денежных магнатов? Герой, так или иначе. Вот что я думаю, вкратце, прародитель, предатель, герой: Я знаю, можно было бы и короче, но не в моем случае. Когда пишешь, получается еще короче, но не когда говоришь, и в моем случае тоже. И на письме я также отказываюсь от краткости. И все это мне? Я правда могу оставить все это себе? Сон? Пламя? Месть? Дым? Пропасть? Что не получат гномы, которым приходится постоянно работать, можно я заберу себе? Ты это планировал, папа? Пожалуйста, и героя тоже, положите и героя тоже! Подложите его ко мне! Героя с одной стороны, а с другой – все остальное, чтобы земля затряслась, словно бы это Рейн и в нем сокрыты сокровища? Могу сказать вам, что-то в нем есть, в этом Рейне! Бревен в нем, к сожалению, нет, никогда у воды их нет, она проглатывает невероятные количества, не важно чего. Всасывающая вода. Она поглотит все. Пока люди с криками и стонами, поломанные корабли после несчастья полетят вниз, не поддерживаемые больше силой тяжести. Не опираясь более на выталкивающую силу. Выталкивающая сила в жидкости равна весу выталкиваемого объема жидкости. Слишком много народу на одной стороне. И только один на другой. Как будто с жидкостями можно было все так точно просчитать! Революция? Противоположность энтропии? Возвышение себя среди этого однообразия, этих однообразных валов и волн?[111] Среди этого Здесь и Сейчас, этого Одного и

Того же, что с каждым днем становится все более тем же, но никогда не достигнет тождества? Под которым я понимаю нечто иное, нежели все наши физики, которые тоже все умрут. Мы все умрем, да, я тоже, ты, наверное, нет, отец, но я думаю, что и ты тоже, моя сестра недавно рассказала о тебе ужасные вещи. Если бы герой был революцией, которой он не является, но это было бы прекрасно, тогда, да, тогда он вечно творил бы жизнь, в то время как бог творит вечную жизнь, между ними было бы настоящее соревнование, раздастся призывный звук горна, все поднимутся и будут смотреть, откуда он, все встанут и начнут медленно и неуверенно вращаться вокруг собственной оси, ни одна лошадь их не заберет, где вообще восток? Пожалуйста, встаньте все для меня, потребует от гостей герой, который всегда говорит пожалуйста и спасибо в своем ежемесячном шоу. А потом скажет, после того, как все встанут, теперь снова садитесь. Можете снова сесть. Это и будет власть. Ведь так прекрасно, когда у кого-то власть и он ею не злоупотребляет! Он вам ее еще покажет, герой этот. Его власть будет в том, что люди будут для него вставать и снова садиться, это и отличает человека от растения, если их сажают, они так и остаются сидеть, и все, только люди, только встань-люди могут снова и снова вставать, в этом телешоу они даже должны это делать, раздается сигнал, призывно звучит горн, герой выходит и подчиняет людей своей воле. Нет, он диктует людям свою волю. Бог. Как бог, по крайней мере, очень похоже на бога, сам посуди, отец. Как он близко к тебе подобрался. В божественном восхищении они прыгают на сцену, когда герой вызывает их по одному, нет, этого он не хочет, он хочет вон ту даму, да, ту, в зале героев, но только в качестве публики, пожалуйста, поднимайтесь ко мне, чтобы мы сделали что-нибудь вместе, дорогие мои – не стоит отрицать ценности друг друга! – потому что действительно, я говорю вам, и я покажу вам, эта дама, которую я позвал, она сейчас действительно поднимется ко мне на сцену, как она рада, посмотрите на нее! она даже идти не может от радости! я избрал ее, я выбрал ее из публики, и сейчас я скажу ей, что нужно делать. Если избранная хочет что-то сказать – меня это больше не интересует! Я уже далеко впереди! Я обогнал ее! Вот она, кто спал или работал до сих пор, откуда мне знать! Люди прыгают в божественном воодушевлении, возможно, в следующий раз этот белокурый герой вызовет одну, одного из них – никогда не угадаешь! – вызывают гостя из зала, семя опускают в почву, скоро уж! давай, опустись! утопай! в любом случае это будет сделано, так должно быть, гость из зала должен будет сказать, под руководством героя: Я человек. Чем герой, конечно, не является, но он хотел бы,

чтобы другие увидели, как это, быть другими или как другие. И они видят. Он им показывает. Герой показывает им, на примере той, кого сам выбрал, он показывает им, как она со своего коня, на котором приехала, падает прямо на цену, под оглушительный крик, приблизительно так, не знаю, как он звучит, как-то так: Я Вальтраута и я из Кёнигс-Вустерхаузена, это совсем рядом, я могу сказать вам точнее, если хотите! Не обязательно, это место, которое все равно называется никак и потому могло бы называться совершенно иначе[112]. Но все-таки, для всех этих мест: не надо туда ехать! – поезжайте куда угодно и будьте кем угодно иным, пожалуйста! – *послушайте внимательно, что я вам скажу! С тех пор, как мы покинули эти места, наши отцы больше не посылают нас на битву*, потому что наши отцы выучили свои уроки! Меня зовут Вальтраута, и я здесь, чтобы забрать мертвых героев, отскрести их от улиц, вытащить из-под бетонных стен, поднять их вместе с машинами из рек. У нас так много героев из среднего класса, их вообще большинство, *безумно и безоглядно*[113] носятся они на своих машинах или тюнингованых и заниженных тачках, бесстрашное войско, абсолютно утратив страх, да, точно! *Бесстрашные, забыв своих отцов*[114], потому что у них еще был страх. Они вообще многовато срали. А это уже новые герои. Мы можем употребить их, и они переработают самих себя и очень прилежно. Мы можем заставить их на всем ходу прыгать через машины в собственную могилу, они могут свернуть себе шею или сломаться посередине, среди нас. Так, теперь гостей подводят к мировому ясеню, но они не хотят, они просто хотят посмотреть, потому что им пришлось бы *свалить мировой ясень*[115], а это много работы, хотя да, гости тоже могли бы что-то сделать, что не так опасно, где их не прибило бы падающими деревьями, например, они могли бы все вместе броситься в реку, что гораздо выгоднее, после этого они еще могли бы сидеть, может быть, даже стоять на костылях, им, этим гостям, мог быть нанесен еще какой-то вред, но только не дочерям зала, не дочерям Рейна, нет, только гостям, нашим дорогим гостям в зале. Публика тупо разглядывает героев, воцарившихся на высоких стульчиках, я имею в виду, на охотничьих вышках, да, мы все здесь! здесь, как и там: одни герои! машите, машите! – и да, раздается этот пронзительный, оглушительный зов, которым я обязан вам, госпоже Вальтрауте придется его еще порепетировать, но теперь уже пора, она кричит, она кричит, потому что отец героев повелел ей, она кричит, в конце концов ее выбрали потому, что она умеет кричать громче и пронзительнее всех: Я человек! Ну да, никто ей не верит. Но кого-нибудь другого мы заведем! И он бросится к другим миллионам, которым, к

сожалению, не нашлось места в зале, но они сидят снаружи у телевизоров и несут вахту, пусть и не стражу на Рейне[116], ее-то необдуманно доверили трем неразумным девицам, нет, момент, только одной, и кстати – вот этой: не та пьеса, я не понимаю, как я могла так ошибиться, но тут столько женщин, извините, немудрено всех их перепутать, так вот все сокровище, и три этих девицы его стерегут, но и у них не всегда есть время, они же должны тренироваться для их следующего выступления в синхронном плавании, извините, отклонилась от темы, да и глупо, как и все у меня, спасибо, бред, слабоумие: абсолютно неискушенно и неприкрыто, как часто бывает, ничего не получится, слишком много туда залучили, поэтому ничего не получится, и тут на сцене тоже не то чтобы очень получается, режиссер, вы не могли бы сделать так, чтобы прожектора направили вот сюда, иначе меня точно занесет не туда, пожалуйста, весь свет на госпожу Вальтрауту из Кёнигс-Вустерхаузена, где бы он ни был, эта дама была выбрана самим нашим отцом героев, теперь она знает свой текст, она его выучила заранее, на случай, если ее выберут, спорим, что они все это спланировали? а она орет: Я человек! – и падает, и миллионы зрителей у телевизоров молча и серьезно сидят, словно боги, и осколки экранов, которые они в гневе разбили, только не волнуйтесь, успокойтесь, крепко зажмите осколки в руках, пока не потечет кровь; все эти миллионы больше не встанут со своих кресел, и их уже никогда не отнесут назад, этих героев будних дней. Ну ничего. Они останутся там же, где сейчас. Кровь не прольется, если они уставятся в свои смартфоны или планшеты, у меня у самой такой, и у героя, конечно, тоже, у него не ты, отец, кстати говоря, тебя давно заменили прибором, который может все, разве что он не сам себя создал, этот прибор, чудесный прибор был создан мужчиной, умершим как герой, который никогда не делал ничего кроме как продавал очень специфические вещи, делал их знаменитыми, навсегда молодыми, хотя сам мертв, умер, да, и он тоже, вероятно, это прообраз воли всеотца, ты это имел в виду, возможно, ты имел в виду его? этот герой был олицетворением отца, каждого отца, чьи дети изголодались по музыкальным инструментам и жаждут телефонов, вот этого мужчину, одинокого мужчину на сцене, да, этого, в черной водолазке, нет, не того с ходунками, он полное ничтожество, и не о нем речь, нет, того мужчину в круге света, в свете прожектора, он держит в руках такой прибор, да, именно такой, самый новый, ты его имел в виду, когда хотел создать героя, когда создал героя как прообраз твоей воли? когда ты хотел этот прибор, который ты даже представить себе не мог,

даже если бы у тебя было высшее образование, отец, бог, ты сделал его идолом, героем, ТЕМ героем, который должен меня разбудить? Право, не знаю, папа, не ошибся ли ты, может быть, ты все-таки имел в виду кого-то другого? Этот, к сожалению, сломался. Не другой, он – другой? Подумай еще раз, отец, подумай, не был ли твой отпрыск бесстрашнее, чем этот, враждебнее к тебе, чем этот? Потому что герой всегда враг отца, да, и давно уже враг проводных телефонов, уже тогда, когда мы еще и не жили, враг, как по мне, хотя тогда нам это показалось последним криком, что, впрочем, ничто в сравнении с криком госпожи Вальтрауты, говорить без провода – вот оно! – ужасный крик, но он освободил людей от связывавших их проводов, вот оно что! Это было великолепно. Герой как враг отца, новое как враг старого, герой как враг моего старика, *терпение, малыш! Если я кажусь тебе старой, прояви ко мне уважение*[117], ко мне и моему старому ноутбуку, который еще хорошо работает, клянусь, в Африке им отравятся еще по меньшей мере десять человек, а мне, мне новый не нужен! Можно мне еще ненадолго оставить себе этот? Нет, нельзя. Его пора выбросить. Сыновья, в чем они не разбираются, в этом как раз рвутся помочь. Прочь! Прочь все, пока у нас не останется нечего слышать и видеть и никаких вещей. Потому что тогда у нас отнимут и последний глаз[118]. За это, нет, не за это, может быть, из-за этого? нет, и не из-за этого, но в любом случае с большей вероятностью отца сменят – госпожа Вальтраута рассказала мне об этом с глазу на глаз в гардеробе, когда обвила мои колени и я осталась слепа к ее умоляющим взглядам, отца сменит герой, хотя, я не знаю, гибель мира не за горами, уже мерцает пламя и валит дым, вокруг меня носятся тучи, ты думаешь, этот человек с примерно похожим на нож прибором (ничего удивительного: это и ЕСТЬ измерительный прибор! Всегда все происходит по его мерке!) в руке сможет позаботиться о возрождении мира? Этот мужчина с прибором, который он должен держать в круге света для камер, прибор как образ, прообраз прибора, который он держит, ты думаешь, этот человек, или же его прибор сам по себе, могут стать волей для становления мира? Может быть, я слишком скептически настроена, отец. Перед тем как я засну, вот информация к размышлению: Недавно почивший, кандидат в герои первого класса[119], он не изобретал никаких вещей, он не выдумывал себе никаких вещей, он ничего не производил, он даже не мог представить ничего регулярного, я имею в виду что-то, что подчиняется правилам, а такие вещи и подавно, ему нужно было сначала показать и объяснить, но что-то он собой представляет, но он что-то собой представляет только с этой вещью, с этим

маленьким светящимся прибором (нет, это не лампочка, она для него была бы слишком велика), сам по себе он ничто, подлинный, чистый герой, однако, и один это все, а этот приборосец служит для того, чтобы выставить свою штуку, произвести эти штуки, он уже и сам стал этой своей штукой! – это все оттого, что он никому не позволяет себя представлять, а потому он всегда должен представлять свою штуку сам, и здесь, посмотрите, он демонстрирует нам себя, держит перед собой самого себя, маленькая штучка, которая существует независимо от него, она не приросла к нему, это ведь не вещь в себе. И за все это его ставят одного на сцену, с, нет, в черной водолазке, чтобы было видно только его лицо, ничто не должно отвлекать от его лица, кроме того, что он там показывает, только это лицо и этот прибор, что сверкает в луче света, прибор, с помощью которого можно делать все, даже те вещи, которые трудно себе представить, тоже представлены, определены цели, даже высота полета, как в теннисе, не отлитая в жесткие рамки правил, а дальность всегда была ограничена сеткой и маркировкой, но больше нет, дальность почти бесконечна. Разумеется, герой, этот мужчина, который показывает приборы, представитель, но представитель приборов, за ним стоят только эти приборы, больше там никто не стоит, разумеется, он герой, этот мужчина, но ТОТ самый ли он герой? Тот, кто должен прийти? Нет, скорее тот, кто должен уйти. Я осмелюсь усомниться в том, что он меня разбудит, если он уже мертв, долго после такого он бы не продержался, а герои не были бы таковыми, если бы не умели держаться. Хорошо, допустим, он умел продавать вещи, которые он там показывает, больше ничего, делать их он не мог, выдумать их он тоже не мог, но он смог донести эти приборы до человека, умел преподнести эти приборы, не важно, где, этого уже было достаточно, и теперь этот герой, который не стал сомневаться, должен оставить себя в залог, то есть запасть в душу, попасть, как каждый герой, пусть и не пасть, не пасть на поле чести, не упасть во время прямого эфира на нашем шоу, просто позволить, чтобы его свалили, как мировой ясень, он пал, просто упал, госпожа Вальтраута в прямом эфире расскажет нам об этом, или нет, и все мы, оцепенев от ужаса, вернемся снова, как и положено прилежным клиентам. Этот герой пал, признаю, я и раньше это признавала, но он останется мертв, тот тоже останется мертв, если он мертв, герой нет, пока все не умрут, все мертвы, а женщина на сцене кричала до этого: Я человек! Да, это кричала госпожа Вальтраута, вы все это слышали. Но она тоже умрет! Так! Она не сказала, я героиня, этого ей было нельзя, она служит лишь транспортным средством героев, нет, она сказала, человек. Так,

конечно, не пойдет, потому что ей это и не идет, извините, но она это сказала, потому что герой ее надоумил, он ей повелел, и потом она прокричала в микрофон «Я человек!», и теперь все они падают, миллионы, живая революция, ставший человеком бог, нет, ставший богом человек, нет, по меньшей мере желанный богом человек? нет, этого уж совсем не может быть, такого бог хотеть не мог, и кроме того: Это же ты, отец, бог, ты можешь выступать во множестве обличий, но это ты бы не выбрал, в роли госпожи Вальтрауты из Кёнигс-Вустерхаузена ты бы никогда не вышел, скорее всего, ты отослал бы ее к нам, в качестве твоей посланницы, она бы *прокралась между молчаливыми рядами*[120] и пришла к нам, но ее облик ты бы никогда не выбрал, насколько я тебя знаю, отец, да и на мужчину в водолазке ты не похож, да и меня в этой роли ты бы не хотел видеть, меня ты рассматривал скорее как ролевую модель, но для кого? ни одна для нее не подойдет, и, э-э, там что-то объявляют, но я уже не слушаю, миллионы у экранов телевизоров отвлекаются на все, что покажут, чтобы за них поспорили, в туалет, телевизор тем временем остается на своем месте, люди не очень хорошо видят, какая ожесточенная идет за них борьба, на ярком экране в ярком свете, его они не могут взять с собой в туалет, нет, в могилу тоже нет, но другие приборы вполне, их вы можете взять, чем меньше прибор, тем проще вам взять его с собой, куда захотите, из человека струится свет, как от создателя, нет, не прямо из человека, но из всех этих совершенно новых приборов, что тоньше листа бумаги (и что я еще пишу?!), как будто у каждого был свой собственный создатель, все это просто удивительно, на экране появляется совершенно новый человек, да, даже на том, самом маленьком, вы же говорили, что эти экраны бывают даже такими маленькими, вы прямо сейчас можете взять его и носить с собой все время, вы можете смотреть на него где угодно, где бы вы ни были, а скоро и через ваши собственные очки, да, даже через те, в которых вы читаете, то есть вы сможете смотреть вблизь, а не вдаль, не важно где, новый человек во всем своем блеске, даже если это ложный блеск, с которым у нас еще нет опыта, но это все равно все тот же блеск, только прибор новый, то есть ложный, нет, новый, ну да, предложение, которое в то же время собственная противоположность, вы узнаете это предложение, если прочтете его? Да, вы даже узнаете марку продукта, предположения, которое основывается на опыте; если я бы могла думать, если бы знала, о чем я тут говорю, мне это не нравится, но вот тут кое-кто, короче не скажешь, это тоже предложение: тут кое-кто, кого я не могу описать одним предложением, потому что он и ЕСТЬ это предложение, у меня нет опыта, вообще никакого,

который я могла бы выразить этим предложением, это предложение для меня избыточно, но этот человек нет, этот человек на экране, он что-то для меня значит, но я не могу этого сказать, потому что у меня нет для него предложения. Я могу его видеть, но сказать вам о нем я ничего не могу, о герое, предложение и противоположность в одном, некоторые видят его, немногие, которые и не должны бы, другие, которые сейчас как раз в сортире, sorry, его не видят, и этот новый человек, слепленный из грязи и оснащенный именно такой лампочкой набалтывания, которая где-то тут уже упоминалась, он не может даже сотой части из того, что могут его приборы, его тело тоже скоро умрет, его он не контролирует, только удаленное обслуживание, только пальцы, они у него еще есть, он еще может ими двигать, он водит ими над своим куском стекла или что это, да, водит по нему, вот, и что же он сообщает остальному миру? Ну, скажем так: новое Евангелие счастья. Это могло быть и что-то иное, но я выберу это. И поскольку никаких предложений у меня для этого нет, вы можете назвать это как-то иначе. Мне все равно. Те, кто его видит, обладают прибором, аппаратом, поскольку они слушали его, водили пальцами и делали, что он говорил, а другие нет. Дорогие люди, время пришло, настало время, понятия не имею, какое, это время, когда, нет, чтобы там ни было, тишины и покоя точно не будет, это точно, ничто не прочно, и это точно, дорогие люди, не стоит отрицать ценности друг друга! У героя они свои, а у вас свои! Герой представляет больше ценности, вы меньше, но вовсе никакой ценности вы не представляете! потому что вы браво клеите на фирменные пакеты фирменные логотипы – так практично! – налепите на эту штуку в пакете ее ценник, внутри всего лишь новое пальто, я знаю, вы его не произвели, но вы лепите на него его стоимость, написанную на маленькой этикетке, это тоже работа, что-то производить, писать что-то на этикетке, кому вы это рассказываете, если кто-то и знает, что писать – это работа, так это я, и вообще: производство чего угодно – это работа! ценность представляет работу, она делает это не очень хорошо, я считаю, эта ценность не слишком уж одаренный актер, я лучше возьму сам товар, то есть прибор, а потом не стану делать работу, она и так протекает, как текут людские массы, на лав-параде или где-то еще, где они давят друг друга. Все течет, люди текут вокруг и давят друг друга, в такт музыке, я, к сожалению, бестактна, поэтому я и пишу это, поэтому: постоянно писать! только не останавливаться! люди постоянно движутся, но музыка – это музыка, она тренирует, их так много, тех, кто хочет ее слушать, лучше всего вместе с другими, слушать музыку с другими людьми, что может быть

прекраснее? среди них так много тех, среди их тренировочных кроссовок, которые теряются, когда они давят друг друга или как-то иначе перекрывают кислород, шнуровка кроссовок не выдерживает, люди ведь утекают так быстро, их так много, все течет, и музыка тоже, совершенно беспрепятственно, если бы она хотела кому-то воспрепятствовать – началась бы паника! Если они ничего не смогут слышать, люди по-настоящему разозлятся. Что же делать? Что нам с ними делать, что нам делать с рвущимися, с рвущимися к сцене, с теми, кто хочет на нее забраться, там играет музыка, что мы теперь будем делать, когда они потеряли свои кроссовки, куда им теперь? Пусть идут куда хотят и лезут куда хотят, разумеется. К музыке. Они не герои, конечно, некоторые могут таковыми стать в этой исключительной ситуации (не путать с ситуацией прямого включения!), если есть исключительные ситуации, могут быть и исключительные люди, но и они не будут исключением, конечно, они будут исключены из общего числа устроителем, но не исключена их смерть в результате падения, удушья, что это, что это там образовалось? вакуум? Что это сгущается в герое? в человеке, который держит на руках девушку, чтобы она смогла дышать, у него не получилось, но он все равно держит ее, чтобы у нее получалось дышать, маленькая мышка. Что там возникло, в большинстве нет, эти давят других, что за человек там возник, это не тот или не то, что я понимаю под героем. Это он, или это не он. Нет, это другой! Нет, и не он тоже. Работа, которая была к чему-то приложена, должна тоже получить возможность как-то выразить себя, и сейчас она выражает себя, как госпожа Вальтраута или как там ее, работа выражается и бежит у людей из ушей. А они вечно улыбаются, как бог, но не являются таковым. Герой выбрал ее, девушка выбрала жизнь, он решил отдышаться, а эта дама выбрала себе новое пальто, в котором заключена работа людей, зачастую еще детей, я уже говорила, течет, как Рейн, только маленький, я и говорю! Но я не хочу больше отклоняться от темы, папа, потому что речь ведь идет о нас обоих. В конце концов, разговор только о нас. Мой герой и не взглянет на золото, он сплавит его другим, но сам интереса к нему не проявит. Он будет интересоваться только самим собой, саморожденный, прирожденный, собственнорожденный. Ему герой не нужен, отец, богу тоже никто не нужен. Но у него есть все, что ему нужно, потому что он сам это создал. *Да правит только один: отец!* Всеотец, то есть отец всего, да, и вселенной тоже. Всеотец, господин! Только Он. Ты! Отец! Я, правда, не знаю, кем будет этот герой, *но я приведу его к тебе*, я приведу к тебе героя, *будь с ним приветлив*, пожалуйста! Будь добрым. *Он поручитель твоей вечной власти*[121], отец. Хотя

ей и не нужны поручители, но если уж один есть, она его примет. Хорошо, что его убьют! Так его легче будет транспортировать. Герой будет твоим крепостным, но в этом единичном случае после меня, сначала его получу я, потом ты. Хоть раз дочь окажется впереди тебя, отец! Я знаю, ты все это представлял себе иначе, но не можешь же ты все время выигрывать. Герои подчиняются тебе, все подчиняется тебе, само собой и этот герой тоже, нет вопросов. Ему не надо будет смотреть на золото достаточно долго, чтобы понять, что и золото, деньги представляют собой человеческие производственные отношения, но эти отношения его не заинтересуют, герой, он интересуется только самим собой, как ты, отец, но ты можешь себе это позволить, ты сам себя сделал, а героя все-таки сотворили, его отца ты приказал убить, хотя он никогда не смог бы составить тебе конкуренцию, только не он! но что верно, то верно, герой был уже в лоне, в лоне женщины, невозможно поверить, что герой может появиться из женщины! из нее не так уж много всего появляется, но возрадуйся этому новому воину, отец! Ты приблизился к колодцу и где-то там висела золотая нить норн, нормы тоже все где-то перечислены, там, где мы не найдем, и ты потянул за нить, и вытянул ведро воды, нет, вытянул одного, нитью судьбы, над которой трудятся другие, тоже женщины, ты подходишь к их колодцу, потому что тебе все время нужна близость с женщинами, стоит тебе их только увидеть, как ты тут же приближаешься к ним, твой единственный глаз приближается к источнику, при этом он сам источник, этот герой, но этого ему с одним глазом не увидеть, отцу, да, тебе! Отец! Извините, у него нет пространственного зрения, это не важно, потому что все, что он видит, он сам и сделал, он знает, что это, еще прежде чем видит, он слушает, что ему скажут женщины, которые висят с другого конца золотой нити, что они ему скажут? *Они видят ужас богов*, правящих благодаря обману, они обманули даже пару великанов, они обманули бы любого, просто больше никого нет, да, великаны, сначала их было двое, двое небольших великанов, потом обман, а потом остался только один, который ради собственной безопасности улегся на сокровища, чтобы иногда была возможность поспать, он не герой, да, *несвободным они кажутся сильными*, боги, да, но свободным нет. Не очень. И только один бог будет знать, и он скажет, что человек более велик, чем он, и он не должен быть героем, пожалуйста, в этом случае это может быть герой, но он должен быть свободным, но я еще не видела ни одного свободного человека, а потому и более свободного тоже, но если он свободен – я не говорила свободен для меня! – просто свободен, если он свободен, он больше, чем

бог, тогда он единственный, кто больше, чем бог, конечно, я еще никогда никого такого не видела и уже не увижу, но он будет больше, чем бог, и он воспротивится богам, и если он будет сражаться за богов, он будет делать это совершенно добровольно, по крайней мере, он будет думать, что это добровольно, возможно, он будет интересоваться какими-то природными явлениями, уже одним этим он будет выделяться из толпы, исключая разве что защитников природы и любителей натуральной косметики, возможно, он будет понимать язык лесных птиц, он будет понимать язык животных, он будет понимать даже того ведущего с телевидения, моего абсолютного героя, что в принципе не такое уж и большое искусство, на мой взгляд, он будет понимать все, но только не своеобразные свойства общества, несмотря на свою понятливость, он не сможет понять свойства вещи, этой вещи, этих свойств, он не сможет понять общественных свойств и свойственных им слов, и он не сможет составить из них предложения, потому что не будет знать, о чем он вообще говорит, он не сможет сказать, что все они, все эти свойства и свойственные им слова, многие из них бесхозные, стали деньгами, он будет единственным, кого не интересуют деньги, в которые все превратится, он будет обходиться с ними играючи, ему будет несподручно увеличивать их количество, он даже не получит их на руки, чтобы они не смогли убежать сквозь пальцы. Он принадлежит к древнейшему народу на земле, несмотря ни на что, к немцам, которым, по счастью, принадлежит и клад, деньги, сокровище, которое все хотят от этого народа получить. Этот народ происходит прямо от сына божия, он еще не отдышался, он теперь и сам стал богом, он сидит на своем сокровище, которое еще и роща, когда немец становится зверем, он садится на гнездо, герой, роскошный герой, от которого произошли все остальные народы и сразу начали что-то требовать. Немец делится. Конечно, что-то и прикарманит, но чаще всего делится. У него должна быть возможность что-то прикарманить, но тому, что он должен поделиться, нам его научить удалось. Спасения ради лесной царь умирать не станет. Он будет старшим царем над всеми народами земли, этот немец, этот лесной царь, который все еще носит временную табличку с номером, он еще не пущен в свободное обращение. Следующее предложение я говорю в качестве доказательства: Лишь немногие могут быть королями, ведь им приходится переживать смерть. А некоторые не хотят. Но все от них что-то хотят. К счастью всех народов, немцам принадлежит весь мир, правда же, я так скажу, даже если это не совсем верно. И теперь все хотят его денег, все хотят денег немцев, клад неудачников-нибелунгов, всегда не

хватало волоска, иначе они бы нас спасли. Может быть, на этот раз им придется нас спасти, может быть, на этот раз они не смогут устоять перед нашими мольбами, не смогут сомневаться, эти цари лесов и полей, короли всех деревьев, что гнутся и сгибаются каждый раз, когда к ним приходит тот, кто надо. Странник, странствующий бог немцев, нет, на этот раз это не деньги, на этот раз это действительно ваш бог, это единственный бог, Вотан, странник, единственный бог, который не должен был уступать спасителю, он стал спасителем. Герой тоже спаситель. Сколько их таких вообще? Все они в родстве друг с другом, поэтому они так сильны, даже если выступают не вместе. Немцы изобрели единственного героя, который станет спасителем, причем в самых главных чертах очень похож, очень похож на Иисуса, сына божия, похож герой на сына божия, который был сама кротость, сын божий – это любовь, но герой хочет, и он есть совсем другая любовь, по которой он тоскует и в которую он потом превратится. Он должен умереть, он будет убит, и будет отомщен, и потом по справедливости отправится по назначению. Дверь захлопнется, все немцы будут заперты, их клад останется там или же его вернут, всем, кто хотел им обладать, всем, кому он принадлежит и у кого был похищен. Сейчас он у немцев, если у вас есть какие-то вопросы, если у вас еще есть вопросы, спросите у немцев, выучите их язык, это первое, спросите у них, будут ли они наконец платить, потому что сделать это все равно придется, как Христос, отец всех людей и герой, сотворил нас, отец, Иисус, станет отцом, всеотцом, который его сотворил, а теперь Христос сотворил нас и поставил производство на поток, теперь-то ему известно, как это происходит, а мы только и ждем, когда сможем нагадить ему на голову. Немцы заплатят и все. Что говорит невеста, что говорит Гутруна, да, так зовут невесту, ничего не могу с этим поделать, это ее имя, но она не в счет, она просто какая-то невеста, она не я, я духовная невеста, что говорит женщина, маленькая женщина, милашка, которая закрыла часть квартиры для посторонних, одного этого было бы достаточно, чтобы она не могла стать невестой героя, потому что она невеста двух героев, тем временем умерших, сожженных, по крайней мере частично, взлетевших на воздух, что говорит бедная невеста, оставшаяся теперь совсем одна, без участия героя, но участь героя ей разделить нельзя, сначала ей нужно отдать кошек, в доме на колесах она ничего не забыла, отнести кошек к соседке, нужно было это сделать, чтобы они не сгорели вместе со всем остальным. И вот она бежит, эта невеста, которая кружит по городу, дом на колесах взорван, квартира подожжена, кошки предварительно оставлены у соседки, в принципе, она хороший

человек, все хорошие, только вот, к сожалению, убийцы, нет, не кошки, что она такое говорит? она говорит, служанка, она говорит, эта бедная невеста из бедного выводка гномов, которые считали себя великанами, она говорит, немецкая невеста говорит, и для этого ей специально пришлось отправиться к полицаям! ну ладно, она должна была сделать это лично, она говорит: Я та, кого вы ищете. Она говорит слова Иисуса, я уже говорила, но мне кажется, это так круто. И потом она больше вообще ничего не говорит. Потом она ничего не говорит. Она говорит что-то такое полиции, но больше она ничего не говорит. Ее никто не ищет, но она говорит, что ее ищут, она сначала должна убедить в этом полицию, что она это она, а еще та, кого ищут, и она говорит это не подкованной полиции, она ничего не говорит, она ничего не оспаривает, и ее запирают, потому что она именно та, кого не ищут. Они бы никогда не узнали, кого они вообще должны искать, и уж точно не нашли бы ее в одиночку, они нашли ее милой, и квартиру тоже со всеми этими ковриками для того, кто однажды в нее войдет, это они знали, но они не знали, кто это. Но подкованные, как и неподкованные, а также непроконсультированные, которые теперь, однако, воспользуются консультацией, это они точно для себя решили, все эти официальные лица – а это действительно официально! – никогда бы ее не нашли, если бы она не пришла сама, Иисус женского пола, ну да, некоторая его разновидность, Христова невеста, тоже неплохо. Она та, кого ищут, и ее сразу объявят в розыск. Костер вокруг нее нам совершенно не нужен. Природа снова будет в полном порядке, это я обещаю, скоро так и будет! вы, правда, не сможете понимать птиц и никаких других зверей, никаких зверей, что будут убиты или станут кричать или испытывать страх или будут съедены, по крайней мере, пара кусочков, никаких зверей понимать вы не будете, и лесных птиц тоже не будете понимать, но это и не важно. И всем немцам придется заплатить. Это предложение верно. Я могу его произнести. Они не хотят, но им придется. Больше тут ничего не скажешь, потому что я уже все сказала, в этом предложении. Это слишком просто, чтобы говорить? Нет, для меня ничто не слишком просто! На это можете положиться! Дальше: по природе он видит ее природу, этот герой, бог, да, и ее нужду тоже, ее он тоже видит. По золоту по крайней мере точно, которое только он не хочет, а мы, наоборот, он лишь хочет спасти нас, но мы не хотим спасаться, по золоту он все равно ничего не увидит, хотя оно только чего-то и ждет. Что спасение со всей выручкой от золота шло бы куда проще, в это он не верит, этот герой, по нему он ничего не видит, он хочет сбыть его другим, но сам за это ничего не хочет. Он будет знать, что не

сможет его удержать. Конечно, он мог бы, он смог бы, но его это не интересует. Он сбудет его другим, но для себя ничего не пожелает. А теперь о нас, отец: Ты должен хотеть меня, отец. Ты не единственный, кто это должен, герой тоже должен. Так что вас уже двое! Плюс вся природа, в книге которой мы, бедные люди, никак не научимся читать. Достаточно уже огня, отец, мне не достаточно никого, но огня мне вполне достаточно, тебе нужно только его развести, отец, тогда я смогу прочесть. Никто не пройдет. Пройдет только один. Остальным, возможно, будет позволено хотеть меня, героям это позволено безусловно, одному герою, Иисусу, можно вообще всегда, но ты, отец, ты должен. И мой герой будет единственным, кому можно, не знаю, что именно, но ты должен, герою можно, ты должен, не знаю, в какой дисциплине будет выступать герой и нужна ли ему вообще будет дисциплина, но это будет дисциплина, выступать в которой будет он один. В этой дисциплине у него не будет противников, поэтому он ее и выбрал, потому что в огне у него не будет противников. Дом на колесах будет сожжен, квартира тоже будет сожжена, кошки будут спасены и не будут запечены, служанка будет в темнице, но это его не интересует, героя, он знает, будучи самым сильным, он победит, ни один противник не решится против него выступить. Пока он не умрет смертью героя. Поэтому он и установил, что и у кого он выиграет, а потом будет праздничное пиршество из коня плюс герой плюс женщина, в огне, нет, не выкованы, а спеклись в одно блюдо, все спеклись, кто это будет есть? Вот меню. Вы можете получить все, что вам будет угодно, но я вам этого дать не могу, потому что я сам еда. Я тело Христово, кто вкусит меня, у того на тарелке будет самое новое, на это он может положиться. Оно, конечно, будет немного подгоревшим, но никто раньше этого не пробовал. Община выходит вперед и принимает тело Христово, это значит, то, что еще осталось от общины, это не много, но хватит об эксклюзивной человеческой трапезе, как и о трапезе сына человеческого. Ночная трапеза. Без сомнений. Настоящая ночная трапеза. Супруга одного мужчины, они принесут клятву и нарушат ее, что будут есть здесь каждую неделю, вот так вот. Они за это заплатят. Они заплатят за все. В конце концов в выигрыше останутся только деньги, герой будет мертв, деньги выиграют. Все-таки герой решил принять участие в конкурсе божественных яств, это было необязательно, он мог бы объявить себя победителем, но он все равно решил. Он тоже должен чего-то добиться. Дети ночи выковали сокровище, выковали металл, расплавили жестянки и сделали из них новые, нет, это были дети дня, дети света, добрые дети делают из отбросов жестянки, из

пластиковых бутылок они делают пакеты, они мастерят из бумаги, которую им приходится склеивать с какой-то еще дрянью, иначе все это развалится, тепло, которое сохраняется в домах, они прокладывают в домах изоляцию, они делают из отбросов практичные лампы, они практически из всего делают отбросы, но из отбросов они снова делают что-то прекрасное, что-то новое, это они умеют, да, это они умеют. Они разделяют, они разделяют, они разделили бы и Святую Троицу и сделали бы из нее нечто единое, крышка будет из другой субстанции, чем тело, которое в свою очередь будет отделять иную субстанцию, которую пьют, и тогда сам станешь совершенно новым, напиток для последнего безграничного окормления людей. Нам больше не придется есть хлеб и рыбу, нам будет позволено есть человеческое мясо, и все это будет производится из Святой Троицы, так делают, когда нет больше жестянок для переработки. Такой вот немецкий герой. Он никогда не думает о себе, он все время думает, как он будет делить и снова соединять, как он снова сможет перевязать раны, которые сам же и нанес, или же сковать разделяющие материи в нечто новое и прочное. Так немцы из чего-то прочного делают нечто еще более прочное, пока все они не упрутся друг в друга, не упрутся, а приклеятся друг к другу, и, вцепившись друг в друга, с рычанием и воем поплывут вниз по ручью, а может, даже и по Рейну, потому что им ведь придется заплатить и за другие страны, и при этом они так осторожно обращаются с собственными вещами, так бережно разделяют они свою дрянь, но заплатить им все равно придется, что я хотела сказать, в общем, они так громко кричат, они все время кричат, эти немцы, их слышно практически повсюду, они топают, вцепляются друг в друга, они сваливаются в один клубок героя, а потом отправляются в сумрачное царство смерти, куда вообще-то придется пойти всем, но только немцы устраивают перед этим настоящий спектакль, при этом они должны только платить, только и должны, что платить, не как раньше, когда они должны были что-то из себя строить, теперь им просто нужно заплатить за остальных, но они такой театр устраивают, нет, не этот, другой, к счастью! Другие, наверное, тоже попытаются, они попытаются, уж не знаю, что именно, но не важно, другие просто попытаются, но немцы смогут, то есть только герой сможет, но у немцев герой – это еще герой. Немец – это герой, он как жестянка, сплавлен в героя. Но тогда уже одним будет многовато. Если бы они разделились, может быть, было бы лучше. Даже бог разделился на три части, но столько было тех, кто хотел себе кусок, что трех частей не хватило бы. Участь немца быть отданным миру, но, к сожалению, его всегда будет слишком мало, того, кому все время

приходится платить. Потому что каждый немец герой, так он сам думает, и если они должны платить за других, эти герои, то они сами понимают это совершенно иначе. Они сделали из мусора прекрасные вещи, это герои, они герои, правда. Другие просто выбрасывают вещи, а герой что-то из них делает, а потом сжигает все, кроме вот этих кошек, они исключение. Останется только немец, и его домашний питомец будет в безопасности. Как товары, мы, боги, будем вращаться только в нашем собственном кругу и в кругу наших ближайших родственников, папа. С молотом, с серпом, с Тором, с Фро, с этим, как там его, Логе, с этим немецким Прометеем, что приносит огонь, не забирает, а только приносит, и богам тоже, это что-то другое. Папа. Что с нами будет, так это наша цена, которую мы и так точно заранее знаем. Потому что все хотят попасть. Это и делает ее такой ценной. И чтобы я могла удержать свою, я должна, прежде чем немцам придется заплатить, быстро добыть огонь, чтобы никто не пришел, кто не уполномочен, у кого нет полномочий искать трещины, через которые он мог бы пройти, через лазейки в законе, откуда мне знать. Они тоже ведь не знали, кого ищут, когда вошла девушка и произнесла слова Иисуса: Я та, которую вы ищете, и так далее. Что мы пущены в обращение, доказывает, что мы практичные и дельные люди. Из таких можно что-то сделать, а уж эти и из дерьма могут сделать золото. И тут нам снова придется платить! Всегда только нам приходится платить! Никто в своем уме не допустил бы таких, как мы. Но мы все равно нужны, чтобы мы могли заплатить. Таким, как мы, строжайше завещано разделять мусор, потому что только мы из дряни можем сделать что-то, что будет пользоваться спросом. Все хотят наши деньги, все хотят наше золото. Только вот работать никто не хочет. Только мы работаем. В этом предложении, к сожалению, получилось два предложения, я описала мир и наконец-то могу закончить. Меня радует, что вы приветствуете эту идею! Что я еще скажу, будут придаточные, но немаловажные, может быть, они вас даже к чему-то побудят, вместо того, чтобы, как обычно, возбудить, и правда, говорю вам: Скорее уж мы отделим себя от наших родных, чем перестанем разделять мусор. Мы не получили бы таблички с номером, если бы не делали этого, потребление энергии для производства жестянок из двух жестянок велико, жесть – это всегда рискованно, но всегда оправдывает себя, нас бы прикрыл технадзор, если бы производство этой жестянки из руды и алюминия не было выгодно человечеству, руда скапливается внизу, слой алюминия наверху, да, нас бы прикрыли, если бы это было не выгодно. Сначала должно быть выгодно, тогда мы этим займемся. Он бы отправил нас в лом, бог, федеральный

президент, технадзор, кто угодно, всем нам потребовался бы большой расход энергии, чтобы что-то из себя сделать. Но эту энергию мы сэкономим. Если бы у нас была энергия, мы могли бы сэкономить еще больше, нам бы не пришлось губить эти бедные жестянки, мы могли бы их как-то употребить, из этой энергии мы могли бы создать новых валькирий, это задание также можно было бы переложить на чистую энергию, пожалуйста, мои сестры ведь еще не на пенсии, они еще вовсю работают, и даже не на полставки, они забирают героев, они собирают жестянки, они превращают, они ткут и что они там еще делают, их лошади уносят героев, чтобы их отправили на переработку и они вновь могли сражаться, как фокстерьеры, они тоже все время рвутся в бой, что я хотела сказать, отец, вот просмотри этот проспект. Тебе больше не придется посылать своих дочерей на поле боя! Разве это не прекрасно?! Жестянки больше не нужно выбрасывать и заполнять ими карьеры, люди могут спокойно умирать, теперь их можно полностью заменить, можно попробовать на валькириях, можно купить валькирий, можно купить даже что-то лучше валькирий! например BEAR, Battlefield Extraction-Assist Robot![122] Он забирает мертвых. У него отличная гидравлическая система, которая забирает мертвых, да, и раненых тоже, и тех, кого на первый взгляд забирать уже и нет смысла, тех, кого мои сестры бросили бы, потому что из них уже нельзя будет сделать героев, никто бы и не стал, любая жестянка дала бы им фору, особенно если подумать, сколько всего можно из нее сделать, по крайней мере, две жестянки, нет, этот мишка, он забирает мертвых, он забирает героев, он забирает тех, кто еще несовсем умер, он забирает всех, не смотря на личности, хотя он может быть и довольно импозантного вида, он очень хорошо сработан, хорошо разработан, этот робот, он может переносить и другие тяжелые объекты, но этого он делать не должен, это люди могут и сами, предметы таскать не стоит, но он спокойно может собирать мертвых, и раненых тоже, не важно, насколько серьезно, всех их он соберет без малейшей опасности. Военные, правда, говорят, он может поднимать и другие тяжелые вещи, предметы, но важнее уносить мертвых и при этом самому не отправиться вслед за ними. Спроси моих сестер, отец, у них есть опыт. Меня тоже можешь спросить. Можешь спросить любого. Робот избавит нас от работы, мы станем лишними, и вторую жестянку, в которой тоже была жидкость, у нас тоже возьмут, чтобы выкинуть первую, может быть, новая жестянка это и сделает, а она происходит от старой, тогда как из наших рядов выступит вперед робот и подберет мертвых – супер! – круто, если в жестянке, а она в холодильнике! – а в это время все мы могли бы заняться чем-то

полезным, отец. Мы можем, как уже говорилось, разделять мусор, мы можем разойтись с нашими любимыми, наша любовь может отстраниться от нас, а между тем робот будет собирать мертвых, он делает ту же работу, что раньше, нет, до этого делали мы, он в точности нас заменит, отец, это факт. Тебе совсем не обязательно было сотворять нас, потому что эта тварь полностью нас заменяет, на любой местности, в том числе на долгих переходах, over long distances and rough terrain such as stairs! Мишка сумеет даже занести героев вверх или вниз по лестнице, с чем наши лошади никогда не смогли бы справиться! Отец, это просто класс, другого слова не подберу, но вот это слово и оно гласит: Я то, что ты ищешь. Нет, спасибо. Предложения мне никакие не нужны, потому что того самого предложения я не знаю. Мне больше не нужны слова, даже если мне их не хватает, мне они больше не нужны. Куда проще будет роботу заменить и меня, и мою простенькую мелодию, что я напеваю, пусть и не как лесная птица, но у каждой пташки свои замашки, это да, так вот он заменит меня куда легче чем нас, труповозок. Он это сможет, этот мишка, его будут развивать и дальше, и даже сейчас, пока я говорю, его разрабатывают дальше, завтра он уже будет лучше, чем сегодня, еще бы. Сначала нужны были еще люди операторы для ран, нет, момент, операторы для техники, для робота, не так ли, но теперь он уже может сам, что делаем мы, валькирии, сам, и больше, куда больше, он может не только переносить людей, он может переносить куда более тяжелые вещи, но вообще-то он был создан для мертвых, как и большинство изобретений, которые должны помогать людям, а это помогает нам. Руки этого робота очень сильны, с другой стороны, они еще и достаточно чувствительны, достаточно точны, чтобы пронести яйцо в ложке, эм, чтобы вообще нести яйцо и не разбить его. Разве это не великолепно, папа! Некоторые наши герои уже не досчитались бы головы, потому что нам не удалось как следует его взять, потому что мы обращаемся с ними как с жестянками, что нас не красило, но и не входило в наши обязанности, нам нужно было только организовать транспорт, но с мишкой-роботом этого не случится. К тому же у него такая милая плюшевая мордочка, посмотри, отец, ты можешь увидеть ее своим единственным, пусть и духовным глазом, у него милая плюшевая мордочка, чтобы он мог не только обеспечить безопасность спасенным, но и утешить их, внушить им чувство не только безопасности, но и уверенности. Мы этого не можем, отец, мы должны говорить им, что спасаем их только для того, чтобы они могли дальше сражаться за тебя. Спасенным руками мишки тоже придется этим заняться, но милое личико их спасителя, мишки, по крайней мере введет их в

заблуждение. Нет, о заблуждениях и разочарованиях даже начинать не будем. Нас заменит машина, с каждым днем все будет еще лучше, отец. И послушай, папа, как оно говорит за нас, как говорит Оно, как наша товарная душа, которая не заботит героя, этого do-it-yourself-героя (а не машина ему и не нужна), кто угодно скажет: Богатство – это свойство человека, стоимость – это свойство товара. Человек богат, розовая пантера, сияющий драгоценный камень[123], позже из плюша или просто в виде проекции на экране, подложенный и предъявленный миру вместо камня, которым и из-за которого они убивают друг друга, стреляют, закалывают и потом взрывают, а потом спасаются с помощью мишки-робота, нет, они этого не стоят, их спасать не будут, хотя они герои, но все же, кто угодно, пантера, по мне, так что пантера, что медведь, все хороши, пантера тоже хороша, пусть и опаснее, скажем так, любое существо ценно. Но предметы ценнее. Вещи ценнее. Все, что является вещью, ценно. Понятно? Даже если человеку сначала придется это произвести: Вещь ценна. Одна ценнее всех других, может быть, только люди равны или, по крайней мере, хотят быть таковыми. В любом случае, им все равно, если это не так. Им все равно никогда не стать такими разными, как вещи. Так что иначе, но точно так же: потребительная стоимость вещи возникает из того отношения, которое вещь имеет к человеку, он просто есть (что есть, то есть), никто у него эту вещь не оспаривает, а кому-то она может быть более дорога, хотя ее ценность возникает только в процессе обмена, то есть в процессе пора-на-сцену и следовательно стало-стоить-больше, чем трусы в гардеробе или я не знаю что, чем прискакать и спасти деву, чем убить дракона, убить великана, убить вепря, или что они там хотят убить, только тогда возникает цена, настоящая цена, за которую они готовы раскроить друг другу черепа, цена, за которую все мы умрем, хотя нет, сначала нам придется за всех заплатить, и тогда мы будем спасены от вещи, от машины, от робота в виде мишки. Так все и кончится. Я не согласна с твоими действиями, отец, что вместо меня ты хочешь кого-то еще, кто и должен это сделать, пока его самого не сделают, кто сам должен отнести себя на рынок, что вообще невозможно, кто должен стать моим защитником, что вообще невозможно, хотя слепая воля его утвердилась в нем, словно охотник в укрытии, в неприятии. И если все это вполне смогла бы и машина, может быть, ее суставы сами смогли бы себя смазать? Где приличия? Он смотрит сверху и прикрывает глаза. Приличное расстояние, с которого на нее смотрят и на госпожу Вальтрауту, которая привела к нам несколько хороших клиентов и сама является хорошей клиенткой, спорим, что вы уже забыли о ней,

но я этого не допущу! в нашем шоу так не положено, вот ведь она, прыгает в бассейн, задание на выносливость, но главное вот что! чтобы еще лучше разглядеть ее тело под одеждой или с какой-то еще целью, которую мне разглядеть не дано, не то что платье этой женщины, когда она промокла до нитки, но которую знает герой, иначе он не стал бы возлагать на эту женщину подобных наказаний. Герой увидит то, что он и так уже видит. Но то, что он видит, должно принести жертву, ему. Иисус все равно все видит, но нам приходится напрягаться, чтобы он увидел, что он и так видит и всегда будет видеть. А над другими герой, Иисус, представитель Иисуса, нет, не папа, он все равно для этого слишком стар, так же стар, как и некоторые жертвы розовой пантеры, вообще маловероятно, чтобы они еще смогли дать потомство, мы лучше убьем тех, еще других, новых других, и снова новых других, которые тоже другие, как следует из их имени, кто мог бы дать потомство, кто еще мог бы дать потомство, кто еще способен на потомство, их следует исключить, выключить, у нас было много возможностей убивать, но все жертвы были слишком старыми, и над всеми был бы Иисус Христос, герой, надо всем этим он станет, уже не понимаю даже, кем именно, а может, и какой-то другой герой, назначит новое наказание. Только вот наказывать самого себя, на это он никогда не пойдет. Он хочет, чтобы ему молились. Он добьется того, что кто-нибудь кастрирует себя перед камерой или еще как-нибудь покалечит. Но наказать самого себя, этого он никогда делать не будет. Он будет снова и снова выступать, что бы ни было, это будет не с ним, он, разумеется, сделает это с другими. И это будет вполне нормально. Все будет нормально. Мужчина будет в точности соответствовать мечтаниям госпожи Вальтрауты, а потому и всем остальным, и станет ее героем. Наступит конец света, герой уже радуется этому, так что он должен наступить. И я тоже наконец-то получу своего героя. Его не будет интересовать пожар в доме на колесах, а позже и в квартире, он этого вовсе и не заметит, он просто через это перешагнет. Кто-то точно кастрирует себя на камеру, я так и вижу. Он сделает это сам. Ему не нужен будет ни убийца, ни помощник, ни ассистентка, ни какой-нибудь искусственный манипулятор. Он может даже представить себе потерю члена, но я не могу представить себе потерю ничто, того ничто, что я имею и коим сама являюсь. И ничто наступит, точно так, как я говорю, отец: ничто, если ему нельзя будет выйти на сцену, если ему ничего больше будет нельзя, если ему нельзя будет возвыситься, выйти на передний план, даже самострадалец, я имею в виду кастрат, тот, кто заберет собственный член, чтобы он больше не мог плодить

потомство, иначе его убьют, еще раз и медленно (он берет собственный член, чтобы он больше не мог плодить потомство и чтобы поэтому его можно было убить, ну это ясно), когда этот самоувечный от собственного члена в конце концов не смог выйти на сцену, хотя он так старался и даже проскакал пару ступеней до сцены совершенно без посторонней помощи и сделал свое великолепное предложение, если ему не будет этого позволено, тогда я даже не знаю, что случится. Унижения, которое при этом возникло, никто бы не вынес. Этому человеку нельзя расчленять себя на сцене на составные части, хотя он сделал бы это сам, хотя он у всех у нас на глазах сделал бы нечто невообразимое, что я единственная могу себе представить! Все, что вообще предстоит, и предстательная железа, конечно, тоже, должно быть отброшено, он это отбросит, и при этом ему нельзя подняться на сцену и ускакать вместе с ней, потому что ему подарят ее за его отважное сопротивление, да и что после этого с ней еще делать? Ему можно будет забрать ее домой, сцену, потому как то, что он сделал бы, уже никто не смог бы переплюнуть. Мне же больше терять нечего, отец. Парни делают нечто, с чем нельзя согласиться. Им говорят, и они тут же делают. Вот только что. Мне не говорят даже этого. У меня нет роли, так что я думаю, у меня нет такой роли, и мне нельзя принять участие, и меня грабят, но я даже не знаю, что у меня украли. Только, что ты уйдешь, отец, это я знаю. И что мне нужно тебя забыть, предельная кастрация, отец, забыть тебя, быть втянутой в ничто, коим сама и являешься. Я ничего, я ничто. Я знаю. Лошадь ты мне подарил, но мне приходится ей делиться, с моими сестрами. Что, у них у всех уже есть свои собственные? И они уже копят на тот классный мишкоагрегат? Очень мило, конечно, с твоей стороны, папа. Они еще боятся тебя, не выступают против. Еще бы, ты ведь каждой подарил по лошади. У нас уже целое стойло, каждая же хотела свою собственную и в итоге каждая получила, спаси лошадь! эм, нет, верни залог, который тебе дал наш гость! это все, о чем мы, девушки, должны заботиться. Но в будущем это будет только спорт. Лошадь это еще не все, что будет меня ждать, за огнем. Там ждет еще кое-кто, или он скоро придет сам. Ничего удивительного, что каждая девушка хочет научиться ездить верхом, едва начинает ходить. Я хочу больше, я хочу больше спорта! Я хочу еще больше, но становлюсь все меньше. Но то, чего я лишилась, мне заменит герой, ты мне обещал, папа! Ты обещал мне, что он придет, герой, что бы я себе при этом ни представляла. Хорошо. Я поняла насчет огня, пройти через него сможет только один. На то он и нужен, этот огонь. К тому же это была моя собственная идея, а идеи у меня неплохие, отец. Хотя что-то типа этого робота не пришло бы в голову даже

мне, хороший, он взлетает по лестнице, как пантера, но не убивает, а спасает. Он спасает по одному человеку. Один прошел. На него будут охотиться годами, ведь немцы так это любят, это их самое любимое хобби, но он прорвется, единственный. Он будет отбракован еще до того, как будет избран. Он не будет в этом заинтересован. Он будет одним из многих. И даже бедный гном, о котором мы уже и не говорим, потому что гнома заменить куда легче, чем героя или санитарку-носильщицу героев, трупоноску героев, гном просто окаменеет, лопнет от ярости, он так долго учился кузнечному мастерству, и тут его отстранили, потому что только герой кует меч. Отец: Герои ведут свой род от тебя, ты можешь делать с ними все, что захочешь, на сцене или внизу, анонимно и в толпе. Созданный из мозга земли, ты можешь делать все, отец, даже герой, ведь и он происходит от тебя. Ты можешь все. Да, твое дыхание тоже от тебя, твоя сперма: тоже от тебя, твой дух, твоя храбрость тоже от тебя. Все от тебя. Ты выдыхаешь столько, что герой не может все это вдохнуть. У тебя всего один глаз, отец, но он светит, без всяких прожекторов и камер. Другой глаз на небесах. Кого это интересует. Гномы окаменели, великанов удалось обуздать постоянной завистью, теперь их называют людьми, если они вообще еще живы. Я все это понимаю, папа. И все-таки: Меня отнимут у самой себя, как семя, по крайней мере, не у самой себя, меня лишат моей собственности, сокровище, оно и на меня повлияет благотворно. Я увижу героя как свет и сама стану светом, к сожалению, очень тусклым. Я преклоню колени у собственной неудачи. Для меня все это будет скорее не к добру. Влияние, отрицательное. На других еще больше, но на меня особенно сильное. Мое сокровище плохо на меня влияет. При взгляде на женщин еще не думаешь об этом, но когда используешь их, они часто впадают в смущение. Они попадают в тиски кредитов и все же хотят быть щедрыми. Мать, что она говорит? Мать-земля, что она на это скажет? Она тоже должна вставить словечко! Могу представить себе, что ей только по душе придется, если бродить по ней будет одной меньше, тем более что теперь появились еще и роботы в нагрузку, следующее поколение, одно из свойств которого заключается в том, что будут все новые и новые их поколения, и появляться они будут все с меньшими промежутками, чем это когда-либо могло бы получиться у матери, при этом появление людей за этим никогда не следовало. Мать-земля, что она скажет? Кто-то бросит пару горстей через плечо, но поднять всю землю, этого он не сможет, слишком тяжело, этого не сможет даже мишка. Одной удастся убежать от нее, даже если она ее дитя. Синдромом empty-nest она страдать не будет, земля никогда не будет страдать, даже

если она часто так говорит, она никогда не будет страдать, она не выносит нас, детей, но страданий ей переносить не придется; у нее же есть три эти домоседки с их нитью, с их золотой нитью, повсюду золото, я вообще вижу только золото, скажи, папа, я что, свихнулась, просто так отказаться от всего этого золота? Повсюду только золото, и оно никому не принадлежит, и все же каждый считает его своим. Странная материя. Созданная не матушкой-землей. Или все-таки ею? Изъятая из матушки-земли, родило ее лоно, как и ее детей? Детей земли? Золото, что изменило свою форму, теперь из него выковали кольцо, странно, давайте-ка посчитаем, сколько было потрачено на его переработку! Рассчитать это можно абсолютно точно. Пусть гномы *представляют для нас все применяющиеся здесь средства труда*! [124] Кто-то должен был это сделать, кто-то должен был создать прибавочную стоимость, кто-то должен был сделать стоимость повыше. Так, мы считаем и считаем, да, вы можете рассчитывать на нас, пусть и не всегда! Но мы высчитываем, что определенная масса золота перетекла в продукт производства «кольцо» (специально для нашей розовой пантеры: настоящий алмаз!), допустим, это результат, скажем, двухсот рабочих дней или около того, я без понятия, как долго делаются такие вещи, в любом случае, из этого следует, что в кольце эти, скажем, двести дней получили предметность, потому что золото же изменило свою первоначальную форму, не правда ли, тонны золота никто не смог бы вынести, а кольцо может носить любой, хотя лучше бы ему выкинуть его подальше, он здорово рискует, потому что кольцо может быть и не по размеру, и велико, и тяжеловато, вызывает у его друзей недоумение и недоверие[125], но он все равно его носит. Вынести кольцо может любой, чем оно больше, тем лучше. А если нет, пожалуйста, у нас еще где-то был меч, лошадь и шапка в ассортименте, не знаю, правда, что она может, хотя мне и показывали, то есть, мне ничего не показали; по ней так и не скажешь, по шапке, да и вообще никто ничего не видит, но по жестянке ведь тоже не скажешь, что из нее чего-только ни сделают, и все-таки: В этой шапке тебя вроде как никто не увидит. Нет, ее тоже не будет видно. Что касается некоторых шапок, им бы это и правда тоже не помешало. Да и мне без нее, кажется, лучше, может быть, надо было взять другую, она бы шла мне больше. Меч: Даже меч ускользнул от палача, я имею в виду, выскользнул из перевязи, даже у меча своя система безопасности, в ней его и носят. Он не рубит вокруг себя. Гораздо больше рубят им. Много всяких героев Гельдерихов[126] им помахало. Только я? Только у меня ничего нет и ничего мне не дают? Я ничего не слышу и я ничто? Меч охраняют лучше, чем меня. А потом огонь,

прекрасно, отлично, огонь, я извлекла для себя пользу, но я же это не придумала, это был Логе, он отнесет его богам. Прометей пошел другим путем, но результат всегда один и тот же: катастрофа, но пожалуйста, охрана огня, даже во сне, это скорее моя задача. Был всегда, вот как мне кажется. Огонь: для меня в принципе ничего нового. Мне же в основном приходится иметь дело с природным сырьем. Все остальное я отклоняю. Био. Только био. Очень важно. Тогда останешься здоровой после огня, что сожжет весь мир, медленно, но верно. Но может быть, что это произойдет вдруг очень быстро.

В.: Прочь от меня, да! Это верно, что говорят: Лишь огонь никому не подвластен. А дочь-то, конечно, еще бы, а огонь нет. Невозможно представить себе утрату огня, но ограничить его, приручить в буржуйке, это стоит немалого труда. Отец вырван из дочери, остался лишь обрывок силуэта, повешенный на стену, фотография, когда-то дитя света, но теперь оторванное, он больше не обрадуется никакой собственности, он отрешился от дочери, которую воспитал, неизмеримой властью он обладал, теперь уже нет, отрешился от дочери, но мне так же больно, просто по мне не видно. Странники, а я странник, проходят мимо богатства других, кто постоянно подвергается воровству нищеты, опять же для других. Великое богатство одних, в том числе и богов, хотя я уже и не один из них, итак, великое богатство одних, некоторых, меньшинства, которое все уменьшается, его постоянно сопровождают, не то что странника, от абсолютного грабежа необходимого многими и многими другими. Так там и написано. И там стою я, дитя. *Уйти от меня ты должна*[127], ограблена будешь ты, как и многие, выбирать за тебя не могу. Так и есть, посмотри наоборот, моими глазами, а не только эти постоянные обвинения! Послушай, уйти от тебя, дитя, это не без, это, не то чтобы, но сохранить все, только не ее одну. Для бога это неприятно. Иметь все, отдать все, но именно ее, одну ее не удержать, дочь, это уже тяжело. Это не только бога уязвит. Но так нужно, потому что взрослый бежит, взрослый убегает, потому что не может обуздать свои желания, наоборот, у него отнимают лишь то, чего он желает, спортсмен выходит из себя, но взрослый заканчивается с ребенком. Он кончается в ребенке. Он в буквальном смысле выбегает, ребенок лишает его самого себя, как капиталист лишает собственности рабочего. Он отдает ему ровно столько, чтобы тот мог жить, как отец позволяет ребенку столько, чтобы тот позволил ему жить лучше. Выплачиваются алименты, вырабатывается служебное время, растеньице поливают, но всегда недостаточно для того, чтобы потушить

огонь. Люди просто хотят гореть, они все время горят за что-то или о чем-то или я не знаю что, они постоянно хотят получить самый яркий огонь, они постоянно хотят получить все самое яркое, иначе они были бы не они, еще бы, ребенок туда же, ребенок – это самое большое, что только есть, а потому столь многие хотят получить одного, но если я дам моей дочери огоньку, а это вообще была ее идея, она начинает хныкать. Она же все время хнычет. Почему ты это делаешь? Где у тебя опять болит? Ты же просто можешь писать, тогда ничего болеть не будет. Nag nag nag! Перестань! Придет еще герой, обещаю. Если бы не пришел герой, я бы не мог оставить тебя, нужно было бы, чтобы что-то пришло в голову, чтобы потом пришел герой, потому что герой, особенно если мертвый, он возвеличивает и меня тоже. Увеличит мое войско. Возвышает меня и выслушает тебя. Я отдам тебя ему, но ты должна подождать. Тебе, к сожалению, именно что придется подождать, пока он помрет, тут ничем не поможешь. Пожалуйста, посмотрите на табло в зале вылетов! Пожалуйста, дождитесь сообщения на платформе! Ты пока что можешь писать, что будет, если поезд придет наверх с опозданием. Ты же всегда так делаешь. И меч, ты его оставишь? Я должен оставить тебе именно его? Да будь он хоть в три раза больше и в пять раз прочнее, мужиком ты все равно не станешь. Ты уже очень близка к идеалу, пожалуйста, я признаю, ты будешь невестой героя, будешь влюбленной и обрученной, насчет замужней не уверен, этого я еще не вижу, не знаю, будешь ли ты именно за тем, кто совершает подвиги, возможно, сначала ему нужно будет уйти, прежде чем он сможет жениться на тебе, у нас его зовут героем, у других богом. Через его неизбежную смерть власть снова вернется в свою постель, в свое текучее ложе. Сокровище вернется к тем, кому оно всегда и принадлежало, кто им всегда и обладал, они снова получат сокровище. Я сделал все, тебя и идеал и то, что ты оставишь позади, все сделал я, как отец, но денег я не сделал, с деньгами мне всегда приходилось договариваться, они же поступают извне, я имею в виду, мне всегда приходилось заключать с ними договоры, и в конце все было так же, как в начале. Те, у кого они были, получали их снова. Всегда одни и те же! У которых они всегда и были, они и сейчас у них. Все, что было, все, что будет, мне никто больше не говорит, но я знаю, что случится, я знаю, что все методы увеличения общественной производительной силы в работе, кстати, но действительно, кстати говоря, самой великолепной производительной силы из всех, однако им она не принадлежит, тем, кто ей обладает, они одалживают ее, в крайнем случае раздаривают, при этом они столько смогли бы с ней провернуть!

где был я, что *все методы увеличения людской производительной силы осуществляются за счет индивидуального рабочего, индивидуального человека*, что *все средства развития производства обязательно превращаются в средства порабощения и разграбления производителя*[128]. Все вырождается во вред, в лишенное счастье счастье производителя, потому что счастье ему не нужно, о том, как сделать его счастливым, за него думают другие. Это такой замкнутый круг, я знаю, дитя, ты ждешь своего героя, который, однако, скоро тоже в него попадет. Что бы человек ни делал, все будет ему скорее во вред, чем на пользу; и люди, *рабочие превращаются в неполноценных*[129]. Я этого не делал, я сражаюсь, но, правда, и это поразительно, никогда ничего не получаю, я этого не сотворял, мне самому пришлось дорого заплатить за новый дом, но я ничему не помешал. Я как бог этому не помешал. В принципе, я не создал ничего, чего бы уже не было. И те, у кого это было, обладают этим и сейчас. Не хочу быть слишком строг к себе самому: Я, да, это Я я как-то все-таки создал, но только для себя, какая мне от него польза? никакой, Оно я тоже создал, какая мне от него была польза? оно не принесло пользы даже другим, но может быть то-то и оно, Оно, это, может быть, ты, дитя, но опять же только для меня. Ведь и детей мы делаем только для себя, их мы, по крайней мере, можем удержать, они тоже рано или поздно станут *придатками машины*[130], они даже будут умолять, чтобы им позволили стать придатками машин, которых, правда, уже не будет. Будут люди, но машин будет слишком мало для всех. Будет все больше людей, чем машин. И тогда будут машины, но они будут обслуживать людей, они будут выносить с поля боя мертвых, никому больше не придется из-за мертвого или раненого подвергать себя опасности, и скоро машины станут сражаться сами, они выступят друг против друга, боевые роботы, тогда никому уже не придется умирать – о боже, что мы станем делать со всеми этими людьми?! – больше не останется возможности разбрасываться ими, перерабатывать, снова делать из них гумус на хлеб для мира, но не для людей; я, бог, воздержусь от смерти, да, это точно выгорит, я останусь и для других смерть тоже кончится, да и тебя уже посчитали, дитя. Ты останешься без работы, немотивированная мотивация к чему-то. По мне, так можешь быть чем-то другим, даже чем угодно, всем, чем угодно, по мне, это одно название, за ним ничего не стоит. Но ты не мужчина и им не станешь. Можешь стать чем угодно, но не мужчиной, по крайней мере, не этим мужчиной, но я думаю, что и никаким другим. Ты всегда будешь той, кто хоронит героев, не той, кто их убивает. И в этой почетной участи, о которой ты никогда не упоминаешь, но которой желаешь, я не уверен, какую

ты себе хочешь, даже если ты сама любезность, ты все равно никогда ее не получишь, и в любом случае тебя ее не лишат, тебя никогда не лишат этой участи, потому что у тебя никогда ее и не будет. Можешь на это и не рассчитывать! Герой будет рассчитывать на то, что тебе известны такие вещи. Если дойдет до клятвы, ты должна быть в курсе. Конечно, ты так близко подошла к тому, чтобы получить столь почетную участь, у тебя, к примеру, есть меч, я назвал его меч нужды[131], когда возникнет нужда в мужчине, просто возьми меч, назовем его Нотунг, допустим, Нотунг, нет, никто не допустит, я уж точно нет, и тебе не следует, нельзя, ничего нельзя! да, возьми его, следи за ним внимательно, не дай отнять его у себя! Стой, я вижу, что это не то оружие, ты вцепилась в него, как в палку от метлы[132], конец тупой, писанина – это ничто, это не меч, перо меч? это просто смешно! Я уже и забыл, у кого сейчас меч, может быть, у героя, у кого-то же он должен быть. То, что я вложил в твою руку: Я лишь сказал, что это меч, но это не он. Что-то ведь нужно было в руку вложить, чтобы ты не играла постоянно с собой и в себя (твоя тупая писанина – это не что иное! – и забыла о пламени, за которым ты спишь, тут хоть трава не расти, этот сон вызван травами, ядом, или же он оттого, что я положил тебе руки на глаза, этого хватило. Герою этого не хватит, он захочет, чтобы ты смотрела на него влюбленными глазами, может быть, тут тебе пригодится мой глаз на небе, можешь взять его себе, глаз отца. Может быть, он и пригодится. Женщины все время засыпают, еще до того, как что-нибудь случается, в кустах, за живой изгородью, за огнем, за водой, *в лесу, на лугу!*[133] Рядом с животными, в образе животных, уж это они должны заметить! но нет, они все время спят, спящий, а не сильный пол. Когда у них выходной, они спят. Когда они свободны, они тоже спят. Они все время спят, даже когда рвут друг друга на части, *сложить для меня поленицу придется кому-то другому*[134], для этого они, конечно, слишком слабы. И они станут скакать там, в этом сиянии, или уставятся на освещенное окно, которое им открыли, в мир. *Ты не слышишь, как дети плачут*[135], сам остаешься ребенком, не слышишь, как они кричат, если они что-то сломали или рассыпали. Останешься без приплода для героя без упрека. Это ваша карьера, сон. Спать. Ну вот, пожалуйста, что я говорил! Я все время это говорю. Спи. *Жди своей участи*, твоя часть билета все равно не выиграет! *Мне пора. От растратчицы,* что лишь выдвигает требования, *прочь отвернусь*[136]. Это очень просто. Вон там требования, все они уместились на ясеневом древке, что треснуло под ударом меча, и не простого меча, а ТОГО САМОГО меча! так уж велики они быть не могут, эти требования. Вот я, там я и буду, чтобы отвадить

всех, я просто отвернусь, это очень легко. Мне это ничего не стоит. Я ухожу. Вот так. Для меня это не проблема, обслуживающий персонал ведет себя так, как будто это она, но это не она. Я могу быть везде одновременно, но ищут они меня всегда где-то еще. Ходить для опытного странника не проблема. Конечно, может быть, он и не в состоянии точно оценить расстояние единственным глазом, но ходить, это он может. Отец уходит, это не страшно. Среди его прочих занятий это самое легкое. Никакого труда, пожалуйста-пожалуйста, мне это совсем не трудно, уйти от тебя, дитя. Как нечего делать. Это вообще ничего. Я ухожу. Вокруг тебя огонь, который я сам и развел. Мне в этом помогали, но горит он потому, что я так хотел. Любой пройдет сквозь него, но только одному это известно. Мужчина, спокойный, как смерть. Так, оно горит дальше, само собой. Тебе вообще больше не нужно ничего делать. Тебе даже не придется ничего тушить. Тебе даже не придется снимать колбаски с гриля. Огнетушитель не подчиняется правилам, на которых его заправляли, не важно, оно и должно гореть, или он уже пустой и его просто поставили на место, этот огнетушитель, не знаю, в любом случае, в нем больше ничего нет. Может быть, воспользуешься чем-то другим? Ночными излияниями младенцев, водой младенцев, водой на мои мельницы, под столь грешной рукой. Младенец работает над собой, он весь измучился, но отец просто уходит. Что делают сыновья, отца не интересует, разве только они носят при этом оружие. Дочь спит. Прекрасная семья. Ну что ж, каждому свое[137]. Такие фразы просто тают во рту. Деньги в банке, сумма написана на древке, и кто сколько получит – тоже. *Но все же мне так и не было позволено узнать, что ты хочешь*[138], если не можешь увлажнить свое ложе, не можешь сделать даже этого, чтобы потушить огонь. Да и чем? Какие общие правила мы можем повесить над этим огнетушителем, который не работает, хотя его функции четко определены, если летят искры. Для огня не существует правил, потому что огонь это всего лишь знак, это общее понятие, которому я и пытаюсь дать определение, но огнетушитель все равно пуст. Из него ничего не выйдет. Что он пуст, я знаю по собственному опыту. Он такой легкий. Из тебя тоже, точно говорю, хотя и не проверял, не выйдет никакой жидкости, как из мочащегося младенца. Это недоразумение, это вовсе не влага. Никакая это не влага! И все-таки. У младенца хоть что-то выходит! А у тебя: Ничего не выходит. Ты можешь делать все, что хочешь, дитя мое, ничего не выйдет. Огонь я тебе дарю. Подарок. Чем уж ты сможешь его потушить: дело твое! Боюсь, правда, для этого тебе потребуется герой. Огнетушитель не пойдет, ему и не надо никуда идти, он и

так не работает и не знает, чем себя занять. Другого ты не возьмешь и не хочешь. Этот герой дорого тебе обойдется. Он будет стоить тебе всего, для чего ты себя берегла. Но огонь можешь получить бесплатно, это наше собственное рекламное приложение к требованиям, которые мы выдвинули. Свет – это не что иное, как реклама богов. Твое приложение с жалобами, которое отец никогда тебе не кладет, даже на один момент, огонь, это папино рекламное приложение, что-то, что выбрасывают не взглянув, разноцветная бумага, клочок, нечто лишнее, с этим каши не сваришь и ничего и не варят. Пока ты не заваришь кашу с кем-то, кто не является мной, пока тебя кто-нибудь не завалит, но не болезнь, *наказание будет в силе*[139]. Тому единственному, кто пробьется, в зависимости от точки зрения, Иисусу или господину Бакунину, смотря кто кого знает, это полностью на усмотрение наблюдателя, понятия не имею, кто они, но именно ему ты отдашь кольцо. Нет, это не имеет смысла, я же объяснил, если у тебя наготове будет огнетушитель! Когда этот мужчина появится, он получит кольцо и все. Может быть, оно уже будет у него. Или оно ему будет не нужно. И все-таки он втайне будет им гордиться. Хорошо. Так значит, ты отдашь ему кольцо. Или нет. Забавно. Это не важно. На этот раз порки за разлитый на стильную мебель чай не будет, магазины полны этого барахла, которое никому не нужно, иначе все это не было бы таким стильным, мебельный магазин с пузатыми ящиками, куда оно все и сыграло. На этот раз не будет никаких телесных наказаний, вообще. Я ухожу. *Я погружаю тебя в сон*[140], как жидкость в ящик ночного столика, что втекла в него – ого, еще горячая! – это ужесточает наказание, это погубит фанеру красивого и дорогого ночного столика, в который она втекла, когда-то он был дорогим, уже не помню, когда и сколько он стоил, но он уже течет, чай, горячая жидкость, созданная для оздоровления, для болезни, для боли, о да, дорогая мебель, полная чая, что ты себе думала, когда перевернула чашку, когда твоя рука сделала неверное движение? Только чая нам тут не хватало! Ты и правда могла бы быть повнимательнее, здесь мы ценим и почитаем наши вещи, когда-то они были дороги! Стоит только взять что-нибудь, как выяснится, что когда-то это было дорого. Во сне разлила чай, так не пойдет. Младенец, смотри, разве он не прекрасен? Пассивные гениталии, которые должны пробудиться, никогда не подводят младенца, он найдет их всегда, даже во сне. Но ты, дитя, ты не можешь даже найти ручку чашки, рука выскальзывает, вот, нашла, и вот уже течет, но не из тебя. Эта жидкость не от тебя, и все равно она теперь на фанере из кавказского ореха. Ты хватаешься за ручку чашки, и вот жидкость

уже льется в драгоценный ночной столик, она втекает в дочь, но вытекает из младенца. Вот так все просто. Хоть младенец свяжет концы с концами! Для того, чтобы она текла, пусть и в том направлении, важно только: всегда в гору, если тебя изобьют, ничего не поможет. Мебель была дорогая. Если она будет испорчена, побоев не избежать. Хотя тупые великаны и работали бесплатно, так, по крайней мере, было задумано, пусть и не нами, не ими, в конце концов для нас это оказалось слишком дорого. Мы все отдали. Это было дорого, то, что они сделали, а сделали они каждый предмет в доме. Каждый предмет – это громадная работа, да, и этот ящичек тоже, он мал, но именно поэтому с ним особенно много возни, которую требуют оплатить, возможно, не требуют, но оплатить которую нужно. Вот этот огонь, он мне ничего не стоит. Беззащитной ты уж точно не будешь, дитя, когда тебя разбудят. Вон меч, хотя на самом деле нет, вон лошадь, которую никто не видит, тот, кого ты видела, это уже не я, скоро придет герой, который тебя получит, а может и нет. Он решит. Он узнает тебя. Ты увидишь его. Сегодня я наконец-то вижу героя, скажешь ты. Но той, кто сможет унести его с поля боя, уже не будет. Твоя сестра? Какая? А может, ты его и не увидишь, героя, хотя у тебя оба глаза на месте да и мозги имеются. Ты сразу его не узнаешь, потому что потеряешь его фотографию. Увы, ты оставила ее дома на ночном столике, этого еще не хватало! Ты его узнаешь или не узнаешь. Он узнает, что ты женщина, одного этого ему будет достаточно. Очень простой герой, но сложный был бы сложнее этой изящной мебели у нас дома! Этого ему должно хватить, что ты женщина. Герой тот, кто узнает, что бы там ни было, но герой и тот, кто не узнает. Он не обязан. Он не может заниматься каждым в отдельности, в конце концов, он же не может убить каждого, он может искоренять несправедливость, он может избавить от грехов, он может спасти, но он не может делать все. Герой – это все, но даже он не может же делать все! Герой – это еще больше. И ты будешь беззащитна. У тебя будет меч, нет, у тебя будет то, что ты примешь за меч, например, лыжная палка, губная помада, тени для век, карандаш для бровей, руль, нет, разум нет, вся сложность в размышлениях в том, чтобы сделать их проще и при этом оставаться точным, именно, дойти до конца, хотя это значит, человек предполагает, а бог располагает, в твоем случае это, к сожалению, легковушка, зато ей ты сможешь управлять, да, лошадь у тебя тоже будет, у тебя будет огонь, но ничего из этого ты не сделала. Все, что у тебя есть, будет тебе дано. Все это будет из вторых рук, даже если это руки бога. Тебя используют и ты будешь использована, тебя всегда будет кто-то пользовать, это твоя судьба, быть

использованной. Как ужасно! Нет, я лучше поскорее уйду прочь. Я не хочу быть кем-то, кем пользуются, просто потому, что ей нравится, чтобы ее пользовали! Прошу, так можно сказать, можно сказать все, но это будет невозможно, потому что пробраться за правила нельзя, потому что никакого за нет. Я и сам просто заберу себя. И нужен мне только я сам. Герой не сможет взять на себя мою вину, чью угодно, но не мою. Так что я возьму себя сам. С этим он ничего сделать не сможет. Он не сможет остановить меня в дверях винного магазина. Часам работы не удастся меня поработить, не будет никаких больше рабов, вообще никаких, будет только любовь, так говорят Иисус и этот Бакунин, мне специально записали его имя, пусть они и говорят это иными словами. Причиной всего этого послужит герой, но я справлюсь и без него. Никто больше не сможет никого поработить, с тех пор, как по воскресеньям они будут открыты до половины восьмого. С тех пор как они станут открыты для всего.

Б.: Папа, не уходи! Сначала ты должен мне много чего пообещать, я себе тут записала, как обычно, вот почему я постоянно должна писать, и мне снова и снова приходит в голову что-то еще, чего я хочу: Ты не можешь просто так уйти! Как может ранить утрата того, чего не видно? Как? Меня отняли от материнской груди, ну ладно, с этим я еще вполне справилась, за это мне было позволено бродить по земле, но утрату сил, этого я осилить не смогу. Я знаю, папа, что эти силы не мои, ты дал их мне, как и все остальное. Я знаю. Я ничто, и при этом когда-то я была всем, когда еще не знала, что я ничто. От всего я должна отрешиться, от всего! Все хочет прочь! Это очищение огнем требует порядочных жертв, папа! Это обязательно? Ты говорил, что я должна пройти через это. Но это правда необходимо? Чтобы у меня не было плода, чтобы меня стерилизовали? Чтобы я отдала за это все остальное, только чтобы получить что-то, что я вечно буду должна, потому что ничего своего мне не добиться? Посмотри, как они смеются надо мной! Потому что я ничего не добилась! Все, что я могу, это ничто, ничто, ничто против того, что могут другие, пусть им и пригрозили сначала кастрацией, чтобы они это смогли, это ужасная угроза, да, по крайней мере, это очень неприятно, но я к таким вещам глуха. Зато вы можете все. Ты и парни, вы можете все, парни, которые мне не милы, но должны быть милы. Речь шла о парне, который был мне так мил, что-то такое, о каком-то холме, зеленом холме, да, так и было, вот о чем была речь. Что-то должно оттуда прийти. Или он сам скоро должен прийти, младенец, какой-то младенец. Без понятия. Я же живу за чужой счет, папа. И что, почему бы нет? Почему бы не изнурять себя мастурбацией, копошением в ничто? Почему бы с самого начала не быть изнуренным, самой собой, еще до того, как придет герой? За огнем заняться больше и нечем, папа! Без разницы, кто придет. Нет, не я, я ведь уже там, герой должен прийти, ты обещал мне его. Одного, кто освободит всех, но не справится с работой, не выполнит работу и не потребует работы. Свободный, который не посватается, а освободит меня. Посмотри, никто иной и не смог бы тебя заменить, так что подавай мне этого героя, дай его мне, он найдет меня здесь! Скажи ему это! Обещай мне! Обещай мне спасителя, отец! Тебе же это ничего не стоит, его обещали уже так часто, для него построили дома, здания опер! по сравнению с ними ваш просто собачья конура, и что, пришел он? Нет. Никто и не ждет, что он действительно придет. Да он и не придет никогда.

В.: Мне нужно идти дальше, дитя. В облике призрака мне

нужно брести дальше. В облике не мертвого. Не могу больше задерживаться. Все и так уже объединились против этого призрака[141]. Проклятье, и еще: Проснитесь! Восстаньте, а потом сразу снова можете лечь. Мы партия рабочих. Поэтому здесь принято усердно работать. Посмотрите, какой костер я развел! Это очень просто, с помощью наконечника моего копья, моего Nordic-Walking-штока, меха раздуты, сталь плавится, а если даже сталь плавится, от человека и подавно можно много чего требовать. И рабочие содрогнутся, и их хозяева содрогнутся, и невеста содрогнется, земля содрогнется, розовая пантера, она самая веселая из этих трясущихся, вращатель земли, он уже совершил десять жестоких убийств, но страсть к мертвым еще не удовлетворена! нет, у него нет! Он землетрясение, которое, однако, произошло только здесь, локальная встряска, нигде больше его и не заметили. Невероятный духовный подъем! Эффект разорвавшейся бомбы! Девятый убит. Никаких слов, только дела! Национал-социализм по-новому, не такой социалистический, но зато совершенно националистический. Вот на что упор. Вот куда пришелся удар. Дела вместо слов[142]. Трупы вместо слов. Люди, аккуратно выслеженные, а потом вдруг убивают совершенно других, причем тех, которые как раз оказались здесь. Все ради Германии. Звонит мобильный. Мимо едут машины, черный BMW. Я щас сру, говорит один герой. Другой: Значит, они еще не у тебя. Нет, ссут они, говорит один герой. А че они ссут-то, герой номер два. Ну так двое сдохнут, снова герой numero uno, второго героя он не имеет в виду. Здесь следуют пространные и продолжительные геройские слова, их сдерживают, потому что вообще-то они не хотели оставаться, эти слова, но это уже не поможет, они от меня не уйдут! они будут здесь, не так уж часто у вас будет возможность прочитать эти слова, итак, здесь произносятся геройские слова Германии и на этом задерживаются: Не делай глупостей, герой! Когда они позвонят, открой дверь, герой. И скажи: Чего вам? А девушка героя скажет: Я та, кого вы ищете! Так, теперь снова говорит немецкий бог, единственный, хоть и не настоящий, теперь я обращаюсь к своей дочери (а вы пока заткните пасть!) итак: Пока я не пожелаю существенных изменений, дитя, при выборе жертв будет царить и происходить произвол, а ездить будут на всем, что еще может ездить, да, хоть на mountain-байках, нам все равно, мы не торопимся, и все это время ты будешь спать. Пока Германия не проснется[143]. Само собой. Ты тоже научишься ждать. Герой так и не научится страху, потому что и Германия не научилась бояться, несчастная страна, так почему же она всего боится? она постоянно боится и при этом такая дельная, ей нужно не бояться,

а просто проснуться, как тебе, дитя, скоро, нет, все-таки чуть позже! пожалуйста, подождите, вас соединят как можно скорее, а если нет, истекайте кровью дальше. И однажды Германия стряхнет его с себя, этот страх, единственное, что она знает, страх, он водит Германию за собой, словно лошадь, но однажды она взовьется, забьет на все, и понеслась. Тогда и ты, дитя, научишься трястись, нет, отряхиваться, это будет так тяжело, что ты едва ли справишься, сможешь встряхнуться. Другие могли бы встряхнуться, но не делают этого. Германия, проснись! Почему ты не просыпаешься? Потому что и боги спят? Потому что заболела главная звезда? Потому что эта огромная передача, что светит ярче моего глаза на небесах, сегодня должна обойтись без него? Потому что тот-то и тот-то больше не может быть капитаном национальной сборной? Тогда возьмем кого-нибудь другого! Пробуждение в любом случае состоится, не важно, кого с кем. Не важно, кто там будет. У них у всех так или иначе есть право, только толку им от этого никакого, пока право есть у меня. Как только кольцо будет возвращено с учетом всех правовых норм, они станут хвалить меня, отца, им это ничего больше не будет стоить, наоборот, они даже что-то с этого получат, новейшее запрещенное вещество, входные билеты на закат в горах, одна крепость там наверху позволяет садиться на себя всем кому не лень. Завтра это будет уже другое вещество, которое они принимают. Они будут петь и петь, что я благой всеотец, а Германия – это вселенная, все это им уже ничего не будет стоить. У них ведь уже есть кольцо. Оно всегда будет и всегда пребудет неизменным, потому что перековать его девчонкам не удастся. Оно останется таким, как есть. Все останется таким, какое оно есть. Здесь это называют революцией. Те, кто имел, те и получат. Всегда одни и те же. Все это больше не будет ничего стоить. Но если это ничего не стоит дочерям, это не будет стоить никому, и никто больше не станет меня слушать, меня, всеотца, нет, не отца вселенной, вселенная была бы мне слишком велика, но если она будет приблизительно размером с Германию, она еще будет обозрима: Отче наш, сущий на небесах, нет, отец всех, скажем так. Покуда не произойдут существенные изменения, будут убивать и убивать и убивать. Не важно, кто будет участвовать. Драконы, гномы, великаны, люди. Все, кто приходят мне в голову, должны уйти в мир иной. Всех убьют. Пока не останется никого, кто выполнял бы работу. Неприятная ситуация. И кто теперь будет за нами убирать? Я еще здесь, но убираться я не нанимался. Те, кто убирается, они глубоко подо мной, исчезли в тумане так же, как и наша крепость тут, наверху. Призрак не умирает и ему нечего бояться. Лично мне бояться нечего. Маленькая бомбочка

отправляется в турне по Германии. Хит! Вот это будет номер! Новые похождения розовой пантеры, на этот раз в картинках, они могут двигаться и сподвигнуть. Власть идет от дел, а не от слов. Я призрак, что бродит вокруг, я Иисус, нет, герой – это Иисус, или анархо-бакунин, в зависимости от того, что вы читаете, в зависимости от того, насколько вы смелы; я всеотец, но мы и так, да, и дух тоже, но он нам вообще не нужен, мы один и едины. Я дам тебе слова, дитя, чтобы и ты могла побыть Иисусом, если захочешь. Когда герой пройдет сквозь огонь, соответственно, пройдет сквозь огонь ради тебя, просто скажи ему, что сказал тогда сам Иисус: Я та, кого вы ищете. Ты не должна говорить: Дайте другим пройти! Это совершенно не обязательно. Никаких других там и не будет. К этому моменту точно. Разве что пара полицейских, не больше. Придут другие, их будет больше, им же сначала придется объяснить, что произошло! Они этого не увидят, даже если бы это произошло у них на глазах. Но к этому моменту коллеги ничто, его лучшие друзья, им ничего так не хочется, как самим стать ничто, *засиять ярким пламенем*[144], нет, сначала они сами себя застрелят, пустят на воздух или подожгут на костре, который они так прилежно развели повсюду. Мировой пожар. Школа мирового пожара. Они хотят, чтобы их отдали именно в нее. Так они себе это представляли. Но я не хочу, чтобы в ней был кто-то еще кроме меня. Бог выходит из себя, когда видит рядом с собой кого-то еще, кто примеривает на себя то, что ему не по мере. Они даже ловчат с меркой, чтобы казаться выше! Так не пойдет. Мне и так было неприятно, что приходится видеть рядом с собой людей, чужаков, хоть я и создал их всех. Только ты, спящая Германия, святая Германия, Германия, которая больше не будет заключаться в отраслях производства, уже давно нет, наоборот, храбро и далеко расправит свою поросль, широко распахнет врата своих рынков, постоянно будет заботиться о других, однако она все еще в заключении, в себе самой, просто где-то еще, никто этого не замечает, никому нет дела до нее или до того, что ей еще могло бы понадобиться, но если бы ее вдруг не стало, это заметил бы каждый, и в данный момент я тоже не знаю, куда она подевалась. Но точно не умерла, то есть не капут, не амба. Я бы знал. Наоборот, там праздник! Правда, она уже не там, где она производит свои холодильники и стиральные машины и поставляет их куда-то еще, там я больше Германии не вижу, скорее всего, она просто стала частью одной из своих телепередач, да, совершенно точно, нет, не бессовестно, я вижу, потому что эту программу никто больше смотреть не стал бы, даже бесплатно, Германия просто стала частью своих приборов, возможно, она так плоха именно потому, что никогда не выходит

наружу, никогда не выходит за порог, никогда не выходит даже за пределы своих приборов, которые, кстати, сделаны где-то еще. Она входит в Европу, Германия в Европе, только вот Европа сама сейчас закрыта, не страшно, она принимает участие в ее играх, в которые та играет сама с собой, она смотрит, кто выиграет, она больше не знает, что это, она больше не знает, что такое работа, нет, это точно не так, только Германия знает, что значит работа, но кому она принадлежит, она знает совершенно точно, даже если больше не знает, что знает это. И если никто больше не знает ни в, ни из и путает вход и выход, тогда, ну, тогда она проснется, эта Германия, с которой я, правда, уже не стал бы знакомиться, хватило с меня и старой. С Европой еще наверное, но не знаю. Этого я еще не вижу. Я стар и у меня только один глаз и нет пространственного зрения, я уже говорил. Но Германия всегда будет выспавшейся, даже еще не проснувшись. Когда она уже ничего не будет о себе помнить и когда другие ей объяснят и когда миллионы будут брюзжать ей на ухо, она проснется и пошлет все эти миллионы к черту. И что они ей объяснят, будет рана знания: Кто-то должен это сделать. Тогда она будет знать, сколько и кого она погубила. Германия. Я та, кого вы ищете, вот что ты скажешь, это скажет моя героическая девочка, словами Господа Иисуса, которые он произнес перед полкой с разбавленным оливковым маслом. И начнется борьба с твоим новым существованием, ну да, дитя, по мне, так это словно борьба рабочего против условий труда, не важно, кто борется, извините, его же не существует, этого рабочего, да и условия смешные, я часто не слишком внимательно читаю свои собственные постановления, мне и так давно известно, что происходит; я все рассматриваю с точки зрения счета, я, как компьютер, работающий по непреложным правилам, главное, они уложены и крепко спят, как ты, дитя, но мои постановления, если вам это интересно, нет, ничего не делайте, я не та, которую вы не искали, это все моя дочь, то есть мое постановление, я знаю ее, а она других, я смогу установить их: Рабочего больше нет, и условий труда тоже. Но Германия есть, и у них там все хорошо. Германия, проснись! Ох, я вижу, я забрался на строчку выше или скатился на абзац ниже, не могу найти, и вообще: Кто все это будет читать, всю чушь, что наболтала моя дочь, да и списала к тому же, кто знает, у кого? Они все давно решили, кто кем будет управлять. Мне совершенно не обязательно все это читать! Дорогой клиент магазина домашних товаров, вы сами давно уже отключились. И все! Не важно. Есть только ее вечный сон. Как твой, дитя. Германия спит. Но что она будет делать, когда проснется, она в любом случае будет делать хорошо. Как и все

остальное. Германия, проснись! Разве ты не слышала, я уже требовал этого раньше? Я думаю, бодрствовать она тоже будет очень хорошо. Все у нее будет хорошо по пробуждении. Нет? Нет. Ничего. Пожалуйста, нет! Вечно спать или делать что-то очень хорошо, если делать, так делать хорошо, в этом весь фокус, который я задумал вам показать. Пример, я просто не знаю, для чего, вероятно, это случай для инспектора Бакунина, потому что Иисус такого не выдумал бы: *борьба рабочего против своего хозяина начинается вместе с его существованием*[145]. Чьим? Обоих? Вероятно. Одного без другого не существует, но вот появились ли они одновременно, простите, не знаю, я тада срал. Или был в сети? Без понятия. Твоя борьба за твое существование, дочь моя, начинается вместе с твоим сном. У тебя есть определенное прошлое, но теперь оно стерто. Все вы вместе, не важно, кто откуда родом и куда направляется, все равно ничего не добьетесь, даже бодрствуя, даже если бодрые охранники когда-нибудь выпустят вас из клеток мозга. И борьба не закончится борьбой против владельцев средств производства, к ней подключатся и другие конкурирующие продукты. Сейчас все и везде борются. Всюду борьба. Призрак бродит, и это уже не бог, даже если это я, это ничей не бог, я тоже больше не хочу быть богом. Теперь у меня действительно есть конец, а призраку все едино, что конец, что действительность, призрак всегда действителен, проверить ведь невозможно, слишком уж редко его видят. Он давно передал кому-то свое удостоверение. Так что я призрак, который бродит. Я больше не бог. Я и сам лучше всех знаю. Но отправить тебя спать, на это меня еще хватит. Рабочие крушат машины, поджигают фабрики, но что поднимается там впереди в сиянии, может быть, это от всех этих пожаров? Это поднимаются слова. Made in Germany! Они пытаются отвоевать исчезнувшее положение средневекового мастерового, пусть и, конечно, слишком поздно, да и не теми средствами; это будет *рассеянная по всему свету масса*[146], рабочие, масса, которая, собственно, будет относиться к Германии, где в принципе массы ценят, особенно если все они бегут в одном направлении, но они раздроблены, как мое копье из ясеня, как его древко. Раздроблено. Распалось на фрагменты. И сбыто. Сбылось от сбыта, потому что иностранное говно никто больше не покупает. Теперь покупают только made in Germany. Эта машина, тот фен, вот еще эта штучка для кухни. Свет на этом клином не сошелся, да и стоит не целое состояние, но накинуть сверху немного нужно. Вон они стоят и рвутся в супермаркеты и аптеки, и вообще куда угодно, разве что мировые рынки для них закрыты. Нет, это не так, наоборот, сейчас куда угодно можно проникнуть. Но

любой рынок будет закрыт, стоит прийти туда не в качестве потребителя. Можно пойти в аутлет за новым аутфитом, но в любой момент могут выкинуть аут. Мы нисколько не давим, мы само давление. Если захочется что-то купить, рынок тут же откроется, но только маленький, и тут же для него выстроен аутлет, в поле, на матери-земле, которая все это вынесет, что ей остается. Рынок закрыт. К сожалению, в данный момент рынок не работает. Из-за избытка наших обязанностей или нашего досуга, я имею в виду нашего долга, или наших желаний этот рынок следует временно запереть. Я все еще не понимаю, что говорю. Но должен это говорить. Целые страны должны продавать себя, но никто не хочет их покупать. Хотят только Германию, но она и сама себя хочет, и хочет остаться собой. Она останется сама с собой. Она останется ни с чем, иначе она бы не стала чемпионом мира по экспорту. Это шлягер, да, нужно позволять себе самое лучшее! Она останется при себе и в то же время себя экспортирует, она захочет себя вывести. Во время нашего выступления, я имею в виду, постановки, будут возникать противоречия, постоянно, вы же видите, но все они будут происходить в Германии, и это тоже останется между нами, но ничего кроме Германии не подойдет, никакие иные происшествия. Не работает. Ее нельзя заменить. Видите ли, горн в горнилах закрыт, его огонь находится теперь где-то еще и из другого источника. Зато я объявляю открытой эту аптеку, откуда мне знать, за что? Каждый день открывается по меньшей мере два новых магазина. Вот этот, например, открыт для покупателей прямо со дня открытия. Они желанны, товары, они были отмечены товарной экспертизой, это отличные товары, всегда одни и те же, слово чести, и все-таки я вижу, что хозяева в смятении, придут ли к ним люди и не войдут ли в соседнюю дверь, где точно такой же магазин, только надпись над порталом другая. Но людей не так-то просто заманить, сегодня они заходят на совсем другие порталы, которые уже и не видно. Они идут, вон они идут, но они ничто. Покупая, они не станут ничем иным. Они остаются ничем. И так далее и так далее они ничто. Все дело в их числе, их количестве, это попросту слишком много людей, но не бойтесь, через какой-нибудь портал они все равно влезут. Им нужно только разделиться. Они не должны ничего делить, они должны разделиться. Их поток должен разделиться, иначе они передавят друг друга. И пусть правит только кто-нибудь один, тот, кто их создал. Только один заткнет их за пояс. Я. Бог. Конец. Бесконечный. Все эти порталы ведут к концу, терпение, я тоже влезу! Я и конец, который я хочу и принесу с собой. Пока в конце концов не остается только один, конечное звено накопления, ибо

ровно в том же объеме, в каком накапливается капитал, ухудшается положение рабочих[147]. Положение клиентов улучшается, ведь товаров так много, положение торговых сетей улучшается, потому что повернуть это движение вспять невозможно, только внутрь и тяжело нагрузившись, зафрахтованными, наружу, ухудшиться они не могут, этот портал открыт только в одном направлении, и все, все могут войти, в мире слишком мало места, но в этом месте его еще много. Стоп! Бред! Если бы никто не выходил, где бы они все были? Надо подумать об этом. Сейчас на это нет времени, я же должен писать. Новизна ничего не ухудшает. Ухудшается только положение рабочих, хотя теперь я бы так не сказал, у них же есть великие достижения! теперь рабочих можно даже арендовать или сдавать в аренду! нет, все-таки нет, а, да. Где-то тут ошибка, но мне не важно, что она есть, нет, две, Иисус, Господь и господин инспектор Бакунин, в зависимости от того, что так много появилось теперь иных, но повлиять они ни на что не могут. Это недостаток этого сетевого портала. Заходят все и проходят все, и все берут, когда проходят, с собой ценную информацию, а информации, несмотря на это, меньше не становится. Все хватают что-нибудь на бегу, но ничего из этого не уменьшается. Портал ведет в страну небывалую[148], в этом нет никаких сомнений. Чем больше берешь, тем больше появляется. Сегодня все так чудесно, потому что в этом месте, как я уже говорил, есть неограниченное его количество. Не то что с этой русской куклой. Не нужно засовывать одну в другую, и каждая меньше предыдущей, пока в конце концов не останешься ни с чем. Это место такое вместительное, его никто не смог бы вместить, кто бы этого ни захотел, уборщики, не путать с теми, кто все время поворачивается, отворачивается, иначе они бы его больше не нашли. Это место никто не сможет переместить. Оно всегда тут, чтобы мы могли дышать и ходить и при этом оставались бы дома, или где мы сейчас находимся. Оставаться, где мы уже есть. Как немецкая революция. Все пропало, я объявляю все ничем и ничтожным. С тех пор как появились все эти сетевые порталы, ничего больше не осталось, потому что все они ведут в одно место, да, все в одно, все за одного, которого никто больше не может вместить. Я все объявил недействительным, все вплоть до этого места. Я не говорю: до этого места, иначе все вы сразу туда захотите. Есть только оно. Только одно. Любой бог в сравнении с ним просто дрянь. Я, например, объявлю все разрушенным: *закон, что поддерживает постоянное равновесие между относительным перенаселением или индустриальной резервной армией и объемом и накоплением*[149], приковывает клиентов к супермаркету крепче,

чем Прометей со всеми его домашними питомцами, нищими стервятниками – которые, однако, как и мои вороны и волки, в любой момент могут сбежать – на скале, так и люди, которых давно уже называют просто клиентами, держатся за аптеку по соседству, соседскую аптеку, за пивную, где они издревле постоянные гости, прикованы к моему потрескавшемуся древку из ясеня, к моему стержню, на котором начертаны договоры, которые давно уже никто не читает, даже когда это еще можно было делать. Этот закон, который означал для людей постоянно растущую армию рабочих, больше не действует, никакие законы больше не действуют, и все же: Закон, по которому раньше или позже все пройдут через этот портал, действует, да, он действует! пожалуйста, отметьте вариант С! однако он лишь приковывает рабочего к капиталу еще крепче, чем Прометея, нет, не закон, портал, нет, не портал, закон, и поскольку не важно, что именно, скажем, портал это закон, я имею в виду, что каждый должен пройти, это закон, извините, я должен использовать его в качестве примера, потому что Логе, этот Локи, которого со всеми своими книгами не понять, его никогда нет, только когда он нужен, тогда он и приходит, соня этакий, но об этом ему нужно сказать, да я не знаю, зачем он мог бы мне понадобиться, его все равно давно уже и след простыл, он был хитрее нас всех, так что крепче, крепче прикуйте рабочего к капиталу, прикуйте и всех остальных тоже, причем к порталу, к порталам, их же много, прикуйте их, пусть они держатся крепче, чем гвозди Миме, Альбериха, Прометея, только не всех вместе, вместе они ни за что не выдержат, да, я имею в виду Прометея, рабочий крепче прикован к капиталу (и к соответствующему порталу, в котором он видит, чего может достичь), чем гвозди героя к скале. Вон они бегут, люди, тоже хотят быть подкованы, нет, прикованы, в крайнем случае к их работам. Да, это понравилось бы им больше всего. Но даже тогда они пройдут через сетевой портал, как только у них будет свободная минута, они заходят в сеть с помощью машин и дико скачут, чего им лучше бы не делать. Им бы лучше делать свою работу и не соваться в порталы или куда-либо еще, чего они не смогут охватить взглядом. Свободное пространство взглядом никто уже не охватит. Я их создал, но зачем так много сразу? Как в этой идиотской поговорке о деньгах: их делают из воздуха. Но почему тогда так мало? Пантера танцует вокруг огня, она не та, кого вы ищете. Разве что если вы пройдете через именно этот портал, тогда увидите. Но портал вам сначала придется поискать. Там коротенькое видео, чтобы вам было понятнее. Мы сняли его для вас, когда вы его посмотрите, вы нас поймете. Кто не пройдет, тот его и не увидит. Поэтому и

было так долго, сами знаете, что! Поэтому поиск и длился так долго, потому что через ворота никто не проходил, никакой спаситель, хотя все постоянно проходят через разные двери или входят, я имею в виду, входят в двери. Ты та, кого будут искать, дитя. Герой. Единственный, кто пройдет сквозь пламя, хотя это и не настоящий огонь. Он безобиден. Любой бы прошел, но эта идея никому больше не пришла в голову. Другие будут теснится толпой, потом уйдут с улицы, будут заняты, пока нигде больше не смогут найти себе места. Они ни войдут, ни выйдут, а только выйдут из себя. Сила рабочего растет, прорастает в ничто, она может расти безгранично, но кому она нужна? Страны продают сами себя, но кому они нужны? Сила героя тоже растет. В Германии рабочий не герой, а герой не рабочий. Так сложилось. Так должно было случиться. Править может только кто-то один. Я? Да кому я нужен? Я не знаю. Да, по-прежнему я, но не надолго: *Прощай, отважное, прекрасное дитя! Сердца моего святая гордость, прощай! Ты уже не будешь скакать рядом со мною, должен тебя потерять, ту, что я люблю, смеющийся свет моих глаз, брачный огонь твой должен разгореться, как ни у одной невесты! Сияющее пламя охватит скалу,*[150] это уже было? Да, это уже было, вот это про пламя, про горнило, кто работает, тот хочет положить кусок в горло, это уже было. Все уже было, терпение, я скоро закончу, ну да, не так уж скоро! Кто не работает, тот и не ест, и это тоже было. Все уже хоть раз, да было. А если вы пройдете сквозь сетевой портал, вы найдете еще больше, чем всё! И если там не окажется сияющего, я имею в виду, раздающего сигнал, портала, распылите его сами. Сейчас появился такой спрей, им везде можно пользоваться, где бы вы ни были, просто нужно, чтобы рядом с вами была большая вертикальная поверхность. Но это можете быть и вы сами. Вы сами можете встать и впрыснуть. Никогда не выходите из дома в одиночку, всегда берите с собой самого себя и этот баллончик, не уходите далеко без этой вертикальной поверхности, на которую вы потом сможете напылить свой собственный передатчик. Бред какой-то! Не работает нигде и никогда, даже если звучит соблазнительно, ну да, может быть, прием и улучшится процентов на 10, и это может иметь решающее значение. Это не точно, но вы сами можете служить передатчиком и контролировать прием, по крайней мере, хоть немного, если у вас есть этот спрей. Но вы ведь даже не 10 % населения. Вывод: лучше почти на 10 %! Попробуйте и вы! Вы сами станете порталом! Вашим собственным сетевым порталом! Вашей сетевой форточкой! Разве это не прекрасно! Этого уже не превзойти! Заряд из баллончика, и вы превращаетесь в антенну, самолично, я имею в виду, в вышку, и

вы портал, и сами проходите через самого себя. Это сегодняшнее положение дел, но завтра вы можете расположиться где-то еще, может быть, даже в виде портала, через который смогут пройти другие, да, вы сами, конечно, тоже. Полный бред, изобретенный жадными до денег людьми, чтобы как следует набить карманы. И это еще не все их изобретения! Зачем это все? Пройдите через самого себя, вам не нужно стыдиться этого чувства, пройдите, никакого стыда! Пройти можно не только сквозь призраков! Нет, героя у нас еще нет, его мы пока не можем вам поставить, но он скоро поступит. Обещаю. Но зачем он вам вообще нужен? Чтобы вы могли больше не бояться рядом с кем-то, кому неведом страх, кто пройдет через вас, все равно, одна ли вы из этих дружелюбных антенн или нет. Чтобы у вас был кто-то, кому не ведом этот страх, который вас постоянно преследует, и кто все сделает за вас и оставит голосовое сообщение, ничего не сказав, да, вы тоже: пожирающим *ужасом отпугнет нерешительного*[151], скромного, они спасаются бегством, эти douchebags, эти купальщики из душа, они бегут, вы среди них, что я там говорил? Зачем еще нужен герой? Власть от поступков, а не от слов. Достаточно слов. Уже слишком много слов. Спасибо большое. Я так и знал, вы будете воодушевлены! Вы же постоянно мне говорили, слишком много слов! Прочь их все! *Пара сияющих глаз, что я часто ласкал, когда жар битвы дарил тебе поцелуй, когда надежда томила сердце в вязкой тоске. Счастливому мужу сияла звезда, несчастному вечному, мне, скрылась*[152].

Огонь, который таковым не является, я только его так называю. И вот *я, бог, отворачиваюсь от тебя*[153]. Иди, призрак, броди по Европе или где я сейчас. Я не знаю. Я ухожу. Я могу пойти куда угодно. Нет никаких границ. Ну я пошел. Поломаю все машины, кому они еще нужны, и пойду. Подожгу все и пойду. Между тем случилась немецкая революция, когда-то в промежутке, но она не смогла решить, между кем и чем, все-таки она кончилась, как и началась, я повторю: Золото снова у тех, у кого и было. Между ними небольшая прослойка мастеровых, которые давно никому не нужны: освобождены! – да, наконец-то свободны! – их предводитель тоже должен быть свободен, по мне, так и бездомные рабочие на дому тоже, которые издают этот свой Hartz IV[154] для того, чтобы они все могли делать сами, в любом случае, в одиночку. Ничто из этого не приживется, но все будут свободны. Все свободны, я вижу это только про ремесленников, только про них, у меня в глазу металлоперерабатывающая индустрия, и она свободна; ее предводитель, начальник ее профсоюза, это все в одном, тоже свободен, все вольны идти куда угодно, странствовать, как я. Это и есть революция: что все могут

идти куда угодно, словно бог, и при этом остаются дома или в кафе-сети, в сетевом кафе, которое, впрочем, тоже давно не пользуется популярностью, потому что каждый человек стал собственной точкой доступа, каждый человек доступен, и достучаться до него можно под каким-нибудь этаким именем, и он свой собственный портал, только вот ни один человек не является больше самим собой, каждый ушел в себя, или сидит со своим гаджетом в нормальном кафе, потому что портал, через который ему нужно пройти, он сам и есть, каждый в себя или куда он там еще хотел. Антенна на антенне. Все остальные не свободны, нет, все свободны, металлурги в любом случае свободны, и их шефу больше нечем заняться, ему больше не нужно наскакивать на нас, богов, со своей ненавистью, он теперь свободен, и от собственности тоже, величайшая свобода это: ничем не обладать, кроме полной широты пространства, нет, не этого просторного помещения, где я, я сам свободен, ищите собственную свободу, чтобы пройти сквозь портал, коим вы сами и являетесь! Вам можно! Мы, боги, властвовали благодаря предательству, все в порядке, нет, не в порядке, я знаю, *мы кажемся грозными лишь несвободным*, непобедимыми, как их любимая команда. Но вчера Леверкузен одержал неоспоримую победу, и сегодня уже третий день, как они потеряли запал, и дни будут накапливаться, до бесконечности. Все равно. Всех их освободит герой, кто забьет решающий гол. Только в этот раз это были другие. А множество других просто забили, кого это волнует. Революцию я объявляю закрытой, в конце концов, меня она тоже касается, нет, меня она совершенно не касается, я имею в виду, она ничего во мне не касается, я точно так же мог бы объявить ее открытой; собственность словно бы разделили по-новому, на самом деле ее просто слегка помыли, то есть те, у кого она была, получили ее снова, точно, после повторения в стотысячный раз вы это наконец поняли. Им ее вернули, эту собственность. Металлурги заключили отличные сделки, их шеф теперь тоже свободен, в тех обстоятельствах это вовсе не мелочь. Но обстоятельства легко могут измениться. Это может произойти очень быстро. Их просто нужно разбросать, как мусор, всех участников революции, всех людей, нужно просто предложить их вниманию прекрасный концерт, хорошую музыку и вот они уже давят друг друга и их число сокращается в десятки раз. Так и наши любимые национальные блюда, казнь каждого десятого, это все от десятичной системы, но кто все это будет подсчитывать? Они борются, эти люди, но их становится все меньше. Мне не приходится делать многого, но то, что идет, делаю я. Я рассеиваю и разбиваю их массу по всей стране, герой уж как-нибудь

выберется, а заодно поможет и тем, кто в нужде, он воспротивится мне, и все-таки он, хотя он мне противится, умрет, это назовут искуплением, из его башни, вершина которой теряется в облаках, никто никогда ее не видел, то есть это в любом случае не пентхаус, или в любом случае ее давно уже не видели. Это что, остатки героя, да, там внизу. А может, и не он? Может, кто-то другой? Или герой и был другим? Ну, не знаю, я покопаюсь в прахе, вдруг там есть еще что-то ценное или ценное признание, да, кольцо, я его верну, чтобы отношения, которые были нездоровыми, можно было восстановить, и уйду. Я уйду в сеть, как все, до свидания. Я никому не попадусь в сети. Я уйду, эта сеть никого не может удержать и никого не удержит. Все безгранично. Все восстановлено? Эти данные, которые были заражены, восстановлены? Наконец-то? Хорошо. Раньше вообще-то было не лучше, но и не хуже. Именно что: хорошо. Герой всегда может рассчитывать только на себя самого. На этой ступени, которую я тоже оставил, рабочие борются не со своими врагами, а с врагами их врагов. Они борются вслепую, они не герои, но они борются. Они все еще борются, чтобы добраться до поверхности и остаться на ней по крайней мере пару минут. Они просто не видят, с кем они борются, неудивительно, они и не хотят видеть, они хотят смотреть на экран, они хотят только играть, они хотят уйти, они хотят заняться серфингом, там, где их как раз и раздавят! Поскольку они в оцепенении пялятся в монитор или в телек, они не видят, что их давят. Может быть, они увидят подошву, но чью, этого они не знают, хотя марка ботинок их заинтересует. Какое им дело, кто чей враг. Они еще более слепы, чем я. У меня, по крайней мере, хотя бы один глаз. А у них и того нет, даже для экрана, доступного в разных размерах, от очень маленького до очень большого, сшитого в брошюру или подбитого гвоздями или раздавленного кроссовком. Да и сами в давке могут потерять кроссовки. У них не осталось больше глаз, ни для чего. Они в руках немногих, они не получат ничего или совсем немного, все они получат это из одной руки, и она будет не моей. Они получат это не от бога. Мне следовало бы это знать, я ведь тот, кем я буду, да ну, давайте будем скромнее: кто я и есть. Они получат это от немногих, и даже я всех их не знаю. Никогда с ними не был знаком. Кто знает эти имена? Я их не знаю. Я знаю пару имен, но это не те. Я ухожу. Я больше никого не знаю. Я ухожу. Я спугнул своих воронов, смотри, они любят друг друга, два из них поднимают ввысь рулон дерна – вы только посмотрите! – чтобы третий, прилетевший неизвестно откуда, мог поднять из-под него зернышко. Потом они меняются местами. Каждый что-то получит. Они такие милые, эти птицы. Они

используют самих себя в качестве машин. Недурная идея. Сами себе хозяева. Никто не использует их в поле. Они используют друг друга, и остаются в выигрыше. Я ухожу. Вот так. Моя дочь говорит, мне *нужно сквозь ночь посмотреть на север*[155], что ж, я с удовольствием, но там я тоже ничего не вижу. Но я бы мог найти в этом что-то привлекательное, это еще могло бы меня привлечь: Ну хорошо, ну бог, *ну золото, ну божественная роскошь, ну мой дом, ну мой двор,* ну пышный блеск[156], все это еще могло бы меня увлечь, учитывая обстоятельства, меня могло бы увлечь и меньшее, может быть, не договоры, ну уж нет, не в этот раз, только не это, не теперь! никаких бумаг! я уже давно это говорю, все что угодно, только не договора, могло бы меня увлечь, да, любовь, по мне, так и она тоже, любовь, могла бы меня увлечь. Все могло бы меня увлечь. Пламя разгорелось до белого каления и словно бы чего-то ждет, героя, человека, кусок стали, жестянку, вторую жестянку, сделанную из первой. С чем-то совершенно другим внутри. Посмотрим, что из этого выйдет.

Библиография

Richard Wagner.
Der Ring des Nibelungen. Libretto.
Der Ring des Nibelungen. Prosaentwurf.
Wolfgang Schild. Staatsdämmerung.
Zu Richard Wagners "Der Ring des Nibelungen".
Karl Marx. Das Kapital.
Karl Marx und Friedrich Engels. Das kommunistische Manifest.

Немного Зигмунда Фрейда, но уже не помню, что именно.
Felix Doeleke. Analyse einer Getränkedose zur Abschätzung des Energiebedarfs bei ihrer Herstellung (для специалистов).
Hermann Jellinek. Kritische Geschichte der Wiener Revolution, vom 13. März bis zum kon-stituirenden Reichstag (Wien, 1848).
Больше ничего. Пара газет. И все.

Эссе для сцены rein GOLD написано с подачи Баварской государственной оперы, Мюнхен.

notes

Примечания

1

Цитата из статьи анархиста Пьера Жозефа Прудона «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти» 1840 г. (Рус. перевод М.: Республика, 1998. (Б-ка этической мысли)). Прудон спорил с Марксом, называя любую собственность бездоказательным абстрактным заблуждением и выступая против применения революционных сил.

2

Das Rheingold. 2. Loge: Was ein Dieb stahl, das stiehlst du dem Dieb… Коломийцев: То, что вор взял, – у вора возьми…

3

Капитал. Книга 1. Процесс производства капитала. Отдел 4. Производство относительной прибавочной стоимости. Глава 13. Машины и крупная промышленность. Раздел 5. Борьба между рабочим и машиной.

4

Имеется в виду «Сказка о том, кто ходил страху учиться» из сборника братьев Гримм.

5

Согласно Старшей Эдде, убив дракона Фафнира, Сигурд (Зигфрид) принялся жарить на костре его сердце. Попробовав его кровь, он начал понимать язык птиц.

6

Adam Riese (1492–1559) – немецкий математик, чье имя стало нарицательным для обозначения точных подсчетов. Кроме того, фамилия математика переводится как «великан».

7

Nebelheim. Игра слов «Nibel-Nebel» (туман) и, следовательно, отсылка к пьесе Елинек 1988 г. Wolken.Heim (рус. пер. Т. Баскаковой. Облака.Дом // Иностр. лит. 2008. № 9). Нибельхайм у Вагнера – царство гномов нибелунгов.

8

Капитал. Книга 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть 1. Отдел 5. Деление прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий проценты. Глава 28. Средства обращения и капитал; воззрения Тука и Фуллертона.

9

Возможно, отсылка к надписи на воротах Бухенвальда «Каждому свое», а также второму псалму Соломона, стих 6: По прегрешениям их сделал им.

10

Rheingold. 4. Alberich: Wirfst du Schächer die Schuld mir vor… К. Ты меня обвиняешь в том…

11

Ключевая установка философии Маркса и Энгельса о том, что цена товара возникает и определяется в процессе работы над ним.

12

Капитал. Книга 1. Отдел 4. Глава 10. Понятие относительной прибавочной стоимости.

Капитал. Книга 1. Глава 2. Процесс обмена.

14

Капитал. Книга 1. Глава 6. Постоянный капитал и переменный капитал.

15

В разработанной позднеязыческой иконографии копье является атрибутом Вотана. Копье носит название Гунгнир, никогда не бьет мимо цели и всегда возвращается в руки хозяина. Пожелав выпить из источника мудрости, Вотан должен был отдать глаз и девять дней и ночей провисеть в ветвях ясеня Иггдрасиля, израненный собственным копьем. Эта деталь мифа позволила традиционно вольно обращавшимся с интерпретацией мифов нацистам из Аненербе отождествить Гунгнир с т. н. Копьем судьбы. Во время поездки в Вену Вагнера и Ницше они посетили хранившееся там т. н. Хофбургское копье, при этом Ницше якобы сказал Вагнеру «Бог умер. Его убили ты и я». Училище по идеологической подготовке офицеров СС располагалось в замке Вевельсбург. В этом же замке, по утверждению Гиммлера, должен был находиться «центр мира». Архитектор Хемарнн Бартельс перестроил замок в форме наконечника копья, что дает повод предположить, что копье судьбы предполагалось хранить именно здесь. Кроме того, одним из главных ритуальных помещений Вевельсбурга была крипта, т. н. Вальхалла.

16

Götterdämmerung. 3.3. Brünnhilde: O ihr, der Eide ewige Hüter…
К: О вы, обетов вечные стражи…

17

Речь идет о террористах Беате Цшепе, Уве Мундлосе и Уве Бёнхардте, организаторах Национал-социалистического подполья. Мужчины покончили с собой после неудачной попытки ограбления, Цшепе, проживавшая в Цвикау, устроила в доме террористов взрыв. В подвале были найдены пропагандистские видео с материалами о различных преступлениях группировки, смонтированные с использованием фрагментов мультфильма о Розовой пантере.

18

Die Walküre. 3.1. Ortlinde: Zu Ortlindes Stute stell deinen Hengst: mit meiner Grauen grast gern dein Brauner! К: К моей кобылице ставь жеребца: любит Гнедой пастись вместе с Серой.

19

Die Walküre. 2.5. Siegmund: deines Hauses heimischem Stamm entzog ich zaglos das Schwert… К: Из ствола в жилище твоем бесстрашно вырвал я меч!

20

Rheingold. 2. Fasolt: Was du bist, bist du nur durch Verträge… В. Коломийцев: – Кто ты есть, тем ты стал лишь условно…

21

Капитал. Книга 1. Отдел 5. Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Глава 15. Изменение в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости. Раздел 2. Рабочий день и производительная сила труда постоянны, интенсивность труда изменяется.

22

Капитал. Книга 1. Отдел 5. Глава 23. Всеобщий закон капиталистического накопления. Раздел 3. Возрастающее производство относительного перенаселения или промышленной резервной армии.

23

Das Rheingold. 2. Wotan: Sinnt auf andern Sold! К: Требуй мзды иной!

24

Die Walküre. 3.3. Brünnhilde: Zerknicke dein Kind, das deine Knie umfasst <…> zertrümmre die Maid… К: Отец, уничтожь дитя свое, убей нещадно любимую дочь…

25

У Вагнера меч обещан Зигмунду, герою оперы «Валькирия», сыну Вотана и смертной женщины. После гибели матери он скитался по земле с отцом в виде волка. Вотан во ткнул меч в ясень и вытащить его мог только Зигмунд.

Имеется в виду интернет-магазин amazon.com.

27

Die Walküre. 3.3. Brünnhilde: Die im Kampfe Wotan den Rücken bewacht… К: Мне, привыкшей в битвах твой тыл охранять…

28

Die Walküre. 2.2. Wotan: der durch Verträge ich Herr, den Verträgen bin ich nun Knecht. К: Чрез договоры мощь, – договоров жалкий я раб!

29

Там же: der freundliche Feind. К: враждебный мне друг.

30

Там же: Wünscht sich auch einzig mein Wunsch. К: кто <…> творил бы то лишь, что надо мне?

31

Там же: «Zum Ekel find’ ich ewig nur mich in allem, was ich erwirke! <…> denn selbst muss der Freie sich schaffen. К: Противно видеть только себя во всех своих начинаньях! <…> Свободный в свободе родится.

32

Там же: «Knechte erknet’ ich mir nur! К: Я же лишь рабство плодил.

33

Уроженцем «рейнской земли» (федеративной земли Райнланд-Пфальц) был также Карл Маркс.

34

Там же. Wotan: Gegen der Götter Rache schützt ihn nun einzig mein Schwert… К: Против небесной мести есть у него только меч…

35

Там же. Wotan: Was ich liebe, muss ich verlassen. К: Что люблю я, то должен бросить…

Там же: nur Eines will ich noch: das Ende, das Ende! К: одного лишь я хочу: кончины, кончины!

37

Die Walküre. 2.3. Siegmund: Raste nun hier; gönne dir Ruh’! К: Стой, подожди! Здесь отдохни!

38

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Процесс накопления капитала. Глава 22. Превращение прибавочной стоимости в капитал. Раздел 2. Ошибочное понимание политической экономией воспроизводства в расширенном масштабе.

39

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 22. Раздел 3. Разделение прибавочной стоимости на капитал и доход. Теория воздержания.

40

Капитал. Книга 2. Процесс обращения капитала. Отдел 1. Метаморфозы капитала и их кругооборот. Глава 4. Три фигуры процесса кругооборота.

41

Имеется в виду вилла Хюгель (Эссен, Северный Рейн-Вестфалия) семейства сталепромышленных магнатов Круппов. Всего в вилле 269 помещений. Примечательно в контексте «Гибели богов» и мирового пожара Рагнарека, что вилла полностью построена из огнестойких материалов, Альфред Крупп страдал пирофобией. Обслуживало роскошную и оборудованную по последнему слову техники и самую большую виллу Германии более 500 человек прислуги. Кроме этого семья Крупп представлена в фильме Лукино Висконти, названном, как и последняя опера тетралогии Вагнера, «Гибель богов» (1969).

42

Имеется в виду Беате Цшепе, сдавшаяся полиции.

43

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Процесс накопления капитала. Глава 22. Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 22. Раздел 3. Превращение прибавочной стоимости в капитал. Раздел 3. Разделение прибавочной стоимости на капитал и доход. Теория воздержания.

44

Маркс цитирует речь Феликса фон Лихновски против исторического права Польши на самостоятельное существование. Речь была произнесена во франкфуртском Национальном собрании 25 июля 1848 г. Вопреки правилам немецкого языка фон Лихновски употребил в одном предложении два отрицания. При этом в советских изданиях «Капитала» афористический характер этого пассажа был утрачен.

45

По легенде о Соломоне, он носил кольцо с надписью «Все пройдет. И это пройдет».

46

Имеется в виду сказка братьев Гримм «Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка».

Здесь сливаются воедино образы Лорелеи и дочерей Рейна.

48

Капитал. Книга 1. Отдел 3. Производство абсолютной прибавочной стоимости. Глава 5. Процесс труда и процесс увеличения стоимости. Раздел 2. Процесс увеличения стоимости.

49

Капитал. Книга 1. Отдел 3. Производство абсолютной прибавочной стоимости. Глава 5. Процесс труда и процесс увеличения стоимости. Раздел 2. Процесс увеличения стоимости.

50

Das Rheingold. 2. Wotan: Was nicht ich besitze, soll ich euch Schamlosen schenken? К: Чем я не владею, то подарю вам, бесстыдным?..

51

Siegfried. 3.3. Siegfried: Selige Öde auf sonniger Höh’! К: Мирной вершины блаженная тишь!

52

Капитал. Книга 1. Отдел 3. Глава 6. Постоянный капитал и переменный капитал.

53

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 22. Раздел 3. Разделение прибавочной стоимости на капитал и доход. Теория воздержания.

Манифест коммунистической партии.

55

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 23. Всеобщий закон капиталистического накопления. Раздел 3. Возрастающее производство относительного перенаселения или промышленной резервной армии.

Там же: Gierig hielt ich das Gold. К: Жадно перстень схватил!

57

В драматическом цикле Елинек «Смерть и девушка» (рус. перевод журнал «Театр». 2013. № 13–14) Белоснежка, Спящая красавица и Розамунде встречаются с принцами из своих сказок, которые оказываются смертью. В нем. языке Смерть мужского рода.

58

Das Rheingold. 4. Wotan: Wie doch bangen mich bindet!.. К: Сердце робко трепещет…

59

Götterdämmerung (Skizze). Vorspiel. Die zweite Norne: Unfreien sind sie gewaltig.

60

Die Walküre. 3.3. Wotan: Flammende Glut umglühe den Fels, mit zehrenden Schrecken… К: Море огня, скалу окружив, преградою грозной…

61

Ироническая отсылка к возгласам валькирий в начале третьего действия одноименной оперы.

62

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 23. Раздел 1. Увеличение спроса на рабочую силу по мере накопления при неизменяющемся строении капитала.

63

В третьей сцене «Золота Рейна» действительно происходит превращение в змея с помощью кольца, однако проделывает это не великан, а карлик Альберих.

Siegfried. 3.3. Brünnhilde: Heil dir, Sonne! Heil dir, Licht! К: Здравствуй, солнце! Здравствуй, свет!

65

Фафнер и Фазольт в «Золоте Рейна», которые получают вместо Фрейи меру золота, включая шлем и кольцо.

Капитал. Книга 2. Глава 2. Круговорот производительного капитала. Раздел I. Простое воспроизводство.

67

Siegfried. 3. 1. Wanderer: Aus heimischer Tiefe… К: Из лона родного.

Siegfried. 3.1. Erda: störrischer Wilder… К: дикий упрямец…

69

Капитал. Книга 1. Отдел 2. Превращение денег в капитал. Глава 4. Превращение денег в капитал. Раздел 1. Всеобщая формула капитала. Цитата из Аристотеля.

Siegfried. 3.1. Erda: Der die Rechte wahrt <…> wehret dem Recht… К: Кто права хранит <…> правит без прав…

71

Герман Йеллинек (Hermann Jellinek, 1822–1848) – немецкий философ, журналист, писатель и революционер, выступавший с резкой критикой Габсбургов. После венского восстания в октябре 1848 г. был арестован за свои политические взгляды и выступления, приговорен к смертной казни и расстрелян.

72

Kurz ist der Schmerz und ewig ist die Freude. – «Боль коротка, а радость вечна». Последние слова Жанны д'Арк из пьесы Шиллера «Орлеанская дева». Одноименный канон на 3 голоса написан Бетховеном в 1813 г. Вагнер процитировал эту фразу в ответ на письмо дирижера Байройтского фестиваля о полном изнеможении и отставке последнего.

73

Капитал. Книга 1. Отдел 2. Превращение денег в капитал. Глава 4. Превращение денег в капитал. Раздел 1. Всеобщая формула капитала.

Die Walküre. 3. 3. Ремарка: Er kiisst sie lange auf die Augen <… > Er geleitet sie zart auf einen niedrigen Mooshügel zu liegen, iiber den sich eine breitästige Tanne ausstreckt. Er betrachtet sie und schliesst ihr den Helm: sein Auge weilt dann auf der Gestalt der Schlafenden, die ernun mit dem grossen Stahlschilde der Walküre ganz zudeckt. К: Долгим поцелуем целует Брунгильду в оба глаза <…> Он нежно ведет ее и укладывает на низком моховом холме, над которым могучая ель раскинула свои широкие ветви. Вотан глядит на Брунгильду и затем замыкает ее шлем. Взгляд его снова останавливается на фигуре спящей дочери, которую он теперь совершенно закрывает большим стальным щитом Валькирии.

75

Поскольку Двуглазка ничем не отличалась от обычных людей, она постоянно подвергалась нападкам и унижениям со стороны сестер. Ведунья научает Двуглазку заклинанию, благодаря которому коза девушки накрывала ей вкусный стол. Коза может быть поздней интерпретацией образа козы Хейдрун, упоминающейся в Старшей Эдде в Видении Гюльви и Речах Гримнира. Хейдрун щипала с крыши Вальхаллы листву ясеня Иггдрасиль и кормила медвяным молоком эйнхериев. Интересно, что в сказке так же, как и в скандинавской мифологии, фигурируют золотые яблоки и рыцарь, который в итоге берет Двуглазку в жены. Кроме того, в рейнском варианте этой сказки количество сестер равняется восьми, как и количество сестер-валькирий.

Die Walküre. 3.1. Ortlinde: Die Stute stösst mir der Hengst! K: Гнедой лягает ее!

77

Образ Розовой пантеры и фрагменты из мультфильмов использовались участниками Национал-социалистического подполья (NSU), правоэкстремистской террористической группировкой для своих пропагандистских роликов.

78

Судя по контексту – отсылка к нацистской организации «Наследие предков» (Ahnenerbe), полное название «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». Общество существовало с 1935 по 1945 г. и занималось в основном оккультными и эзотерическими исследованиями в духе идеологии Третьего рейха. Помимо громадной, пусть и ангажированной, научной работы, многочисленные научные сотрудники общества занимались и преподаванием, в частности каждому члену СС читался курс по «Эдде», а до 1940 г. и по рунам.

Der Ring des Nibelungen, Prosaentwurf.

Rheingold. 2. Wotan: Vollendet das ewige Werk! К: Бессмертных мечтаний венец!

81

Siegfried. 3.2. Wanderer: Das ist so Wand’rers Weise, wenn dem Wind entgegen ergeht. К: Так поступает странник, если против ветра идет.

82

Очевидно, отсылка к произведениям Д. Р. Р. Толкиена о кольце всевластия, в мифологии нибелунгов кольцо не обладает подобными свойствами.

83

Очевидно, имеется в виду Зигмунд, чужак в доме Зиглинды и ее брат.

84

Сценический образ немецкого комика Ильки Бессин (р. 1971). «Синди» страдает ожирением, безработна, однако, по ее словам, невероятно популярна среди мужчин. Она носит розовое, а также диадему принцессы и ждет своего принца на белом коне.

85

В опере «Валькирия» валькирий именно 8, не считая Брюнхильды, которую они и ожидают в начале 3-го акта. Брюнхильда просит сестер о помощи в спасении Зиглинды, будущей матери Зигфрида, которую валькирия спасла от гнева Вотана. Сестры отказывают, упрекая Брюнхильду в непослушании отцу и предательстве.

86

Книга «1000 Die besten Backrezepte» выпущена в 2008 г. торговой маркой Dr. Oetker. Август Эткер (1862–1918) – знаменитый австрийский кулинар, изобретатель пекарского порошка. Первоначально занимался ботаникой и был владельцем аптеки.

Siegfried. 3.1.Wanderer: auf dem Felsen schläft sie fest… К: На утесе дева спит…

88

Das Rheingold. 4. Erda: Alles was ist, endet. К: Все бытие – тленно!

Капитал. Книга 1. Отдел 2. Глава 4. Раздел 1.

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 21. Простое воспроизводство.

91

Зигфрид ломает копье Вотана в третьем действии посвященной ему оперы.

93

Имеется в виду Renminbi – китайская валюта (с 2009-го снова называется юанем), а также, вероятно, герой популярнейшей австрийской книги для детей Феликса Зальтена «Бемби» (1923), экранизированной студией Уолта Диснея в 1942 г.

Капитал. Книга 1. Отдел 2. Глава 4. Раздел 1.

95

Мф 13:41–42 Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов.

96

Отсылка к первой фразе романа Л. Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Так говорили о владениях Габсбургов, имея в виду австрийскую и испанскую ветви династии, а также многочисленные колонии.

По плодам их узнаете их. (Матф 7:16)

99

Строки «Интернационала»

100

Фрейд. Гибель Эдипова комплекса.

101

Die Walküre. 3.1. Gerhilde: In Wald mit den Rossen zu Weid und Rast! К: Коней отпустите на отдых в лес!

102

Там же. Waltraute: Walvater gäb’ uns grimmigen Gruss, säh’ ohne sie er uns nahn! К: ласков не будет с нами отец, не видя Брунгильды средь нас!

103

Десятая жертва (итал. La decima vittima, 1965) – фильм в жанре science fiction реж. Элио Петри, экранизация рассказа Роберта Шекли «Седьмая жертва». По сюжету фильма в будущем люди в борьбе за приз в миллион долларов должны участвовать в 10 «охотах», в пяти из которых они выступают в качестве охотника, а в остальных пяти – жертвы.

104

Там же. Waltraute: Nach dem Tann lenkt sie das taumelnde Ross. К: Повернул к лесу измученный конь.

105

Siegfried. 3.1. Erda: Mein Schlaf ist Träumen, mein Träumen Sinnen, mein Sinnen Walten des Wissens. К: Мой сон – виденья, виденья – мысли, мышленье – творчество знанья.

106

R. Wagner. Die Revolution (1848), текст написан Вагнером в период дружбы с Михаилом Бакуниным: «Der eigene Wille sei der Herr des Menschen» – «Собственная воля да будет господином человека».

107

R. Wagner. Die Revolution (1849): «die eigene Lust sein einzig Gesetz, die eigene Kraft sein ganzes Eigentum, denn das Heilige ist allein der Freie Mensch, und nichts Höheres ist denn Er». – «собственные желания да будут единственным законом его, собственная сила – всем его достоянием, ибо свят лишь свободный человек и нет ничего выше Его».

108

Wagner. Revolution: «Zerstören will ich die beste-hende Ordnung der Dinge, welche die einige Menschheit in feindliche Völker, in Mächtige und Schwache, in Berechtigte und Rechtlose, in Reiche und Arme teilt <…> Zerstören will ich die Ordnung der Dinge, die Millionen zu Sklaven von Wenigen und diese Wenigen zu Sklaven ihrer eigenen Macht, ihres Reichtums macht …» – «Я хочу уничтожить существующее положение вещей, которое превращает единое человечество во враждебные народы, делит его на сильных и слабых, на наделенных правами и бесправных, на богатых и бедных <…> Я хочу уничтожить существующий порядок вещей, который превращает миллионы в рабов нескольких, а этих нескольких в рабов собственной власти и богатства…»

109

Имеется в виду первая строчка Песни Хорста Весселя, официального гимна НСДАП: «Знамена ввысь, В шеренгах, плотно слитых…» (Пер. Ю. Нестеренко), а также рефрен так называемой «Песни труда», гимна австрийских социал-демократов.

110

Король бургундцев Гибих отец Гунтера и Гутруны (Кримхильды), его приемный сын – бастард Гримхильды и гнома Альбериха – Хаген.

111

Отсылка к названию фортепианного вальса И. Штрауса-сына «Wellen und Wogen» (op. 141).

112

Вустерхаузен за свою историю сменил множество названий, город был польским, сербским и наконец прусским. Кроме того в 1944 г. в городе был организован концентрационный лагерь.

113

Götterdämmerung. 1.3. Waltraute: Hore mit Sinn, was ich dir sage! – Seit es von dir geschieden, zur Schlacht nicht mehr schickte uns Wotan; irr und ratlos ritten wir ängstlich zu Heer. К: Вникни, сестра, в рассказ мой скорбный! Вотан, тебя покинув, не стал с тех пор в бой посылать нас: мы летали робкой, смущенной толпой…

114

Там же. Walhalls mutige Helden mied Walvater. К: Сонм героев, святую рать бог бросил.

115

Götterdämmerung. Vorspiel. Die zweite Norn: der Weltesche welkes Geäst mit dem Stamm in Stiicke zu fällen. К: Ясень мертвый свалить и рубить его на поленья…

116

«Стража на Рейне» – патриотическая песня на стихи швейцарца Макса Шнекенбургера, сочиненная Иоганном Якобом Менделем. Получила невероятную популярность во время Франко-прусской войны и позднее, в эпоху национал-социализма. Это же название носила наступательная операция нацистских войск в 1944 г., именно во время этой операции герой автобиографического романа Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» Билли Пилигрим попадает в плен. Кроме того, в немецкой иконографии «стражу на Рейне» несет аллегорическая фигура Германии. Например, на картине Лоренца Клазена (1860) или же в Памятнике Германии в Рюдесхайме авторства Иоганнеса Шиллинга. Вагнер иронически ссылается на этот милитаристский гимн в своем стихотворении «Немецкому войску у стен Парижа» (An das deutsche Heer vor Paris, 1871). Крайне пренебрежительно отзывается он об этой песне и в неопубликованном послесловии к эссе «Паломничество к Бетховену» (Eine Pilgerfahrt zu Beethoven, 1840) и «Что есть немецкое?» (Was ist deutsch? 1878).

117

Siegfried. 3.2. Wanderer: Geduld, du Knabe! Dünk’ ich dir alt, so sollst du Achtung mir bieten. К: Дитя, терпенье! Если я стар – ты уваженье яви мне!

118

См. прим. о сказке братьев Гримм.

119

Здесь и далее речь идет об основателе компании Apple Стиве Джоббсе.

120

Götterdämmerung. 1.3. Waltraute: durch stumme Reihen stahl ich mich fort. К: меж рядами скользнув украдкой.

121

Заключительная фраза Брюннхильде из первой версии либретто Götterdämmerung: Nur einer herrsche, Allvater! Herrlicher du! Freue dich des freiesten Helden! Siegfried führ’ ich dir zu: biet’ ihm minnlichen Gruß, dem Bürgen ewiger Macht!

122

BEAR – робот-санитар, предназначен для выполнения аварийно-спасательных работ на поле боя, собственными силами может эвакуировать человека. Робот был разработан в 2004 г. В 2010 г. робот поступил на вооружение армии США. В настоящий момент используется версия 7.2. Разработка модификаций продолжается.

123

В одноименном фильме название «Розовая пантера» носит именно похищенный гигантский алмаз розового цвета с небольшим вкраплением в виде пантеры.

Капитал. Книга 1. Отдел 3. Глава 5. Раздел 2.

125

Снова отсылка к эпосу Толкиена.

126

Возможно, указание на сына Вагнера Зигфрида Гельфериха (1869–1930), талантливого дирижера и многолетнего руководителя и режиссера Байройтского фестиваля. Он также автор 17 опер на сказочные и мифологические сюжеты. А также на Рихарда Гейдриха, нацистского генерала, кавалера нескольких орденов Рыцарского креста с мечами.

127

Die Walküre. 3.3. Brünnhilde: Muss ich denn scheiden… К: Если прощаясь со мною навеки…

128

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 23. Раздел 4. Различные формы существования относительного перенаселения.

129

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 23. Раздел 4. Различные формы существования относительного перенаселения.

130

Там же.

131

В германской мифологии меч Зигфрида назывался Gram (ярость). В Песни о Нибелунгах он и вовсе носит имя Бальмунг.

Считается, что метла в списке магических атрибутов ведьмы была эвфемизмом для обозначения фаллоса дьявола.

133

Die Walkiire. 3.1. См. прим.

134

Götterdämmerung. 3.3. Briinnhilde: Starke Scheite schichtet mir dort am Rande des Rheins hinauf! К: Там на Рейне сложите вы мне у самой воды костер!

135

Там же. Briinnhilde: Kinder hört’ ich greinen… К: Дети только хнычут так…

136

Die Walküre. 3.3. Wotan: Erwarte dein Los <…> Doch fort muss ich jetzt <…> von der Abwendigen wend' ich mich ab… К: Свой жребий прими <…> Но в путь мне пора <…> От отступницы прочь отвернусь…

137

Изначально фраза Jedem das Seine (нем. вариант латинского принципа suum cuique) служила девизом Ордена черного орла, учрежденного Фридрихом I Гогенцоллерном. Во времена Третьего Рейха получила резко негативные коннотации, так как была написана на воротах концентрационного лагеря Бухенвальд.

138

Там же. Wotan: Nicht wissen darf ich, was sie sich wünscht. К: Надежд ее не должен я знать…

139

Die Walküre. 3.3. Wotan: Die Strafe nur muss vollstreckt ich sehn!
К: Наказав ее, я расстанусь с ней!

140

Там же. Wotan: In festen Schlaf verschliess’ ich dich… К: Я крепким сном сомкну твой взор…

141

Отсылка к первой фразе «Манифеста коммунистической партии»: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма».

142

Слоган Национал-социалистического подполья.

143

Отсылка к первой речи Адольфа Гитлера в качестве рейхсканцлера 30 января 1933 г.: «Настало великое время. Германия пробудилась ото сна…»

144

Die Walküre. 3.3. Brünnhilde: lodernde Glut… К: Вспыхнуло здесь…

145

Манифест коммунистической партии. I. Буржуа и пролетарии.

146

Манифест коммунистической партии. I. Буржуа и пролетарии.

147

Капитал. Книга 1. Глава 23. Раздел 4.

148

Сказка о стране небывалой – сказка о стране лентяев, вошедшая в сборник братьев Гримм. Впервые мотив изобилующей яствами страны, где звери и птицы бегают и летают жареными, текут молочные реки, а вместо камней сыр, появляется в сатирической поэме Себастьяна Бранта «Корабль дураков». Кроме того, небывалая страна изображена на картине Питера Брейгеля старшего.

Капитал. Книга 1. Отдел 7. Глава 23. Раздел 4.

150

Die Walküre. 3.3. Wotan: Leb’ wohl, du kühnes, herrliches Kind! Du meines Herzens heiligster Stolz! <…> sollst du nun nicht mehr neben mir reiten <…> muss ich verlieren dich, die ich liebe, du lachende Lust meines Auges: ein bräutliches Feuer soll dir nun brennen, wie nie einer Braut es gebrannt! Flammende Glut umglühe den Fels… К: Прощай, мой светоч, гордость моя! Доблести цвет, святое дитя! <…> ты не помчишься в бой рядом со мною <…> Если я должен сердца отраду – твой радостный образ утратить, – пусть брачный огонь для тебя загорится, какой для других не горел! Море огня, скалу окружив…

151

Там же. Wotan: mit zehrenden Schrecken scheuch’ es den Zagen… К: преградою грозной робкому встанет…

152

Там же. Wotan: Dieser Augen leuchtendes Paar, das oft ich lächelnd gekost, wenn Kampfeslust ein Kuss dir lohnte <…> wenn Hoffnungssehnen das Herz mir sengte <…> aus wild webendem Bangen <…> Dem glücklichen Manne glänzte sein Stern: dem unseligen Ew'gen muss es scheidend sich schliessen… К: О, звезды светлых очей, что я так часто ласкал <…> когда надежды томили мне сердце <…> в тоске злой и безмерной <…> Сияйте счастливцу, звезды очей, – а мне, вечному богу, вы навеки померкли!..

153

Там же. Wotan: Denn so kehrt der Gott sich dir ab… К: Бессмертный, прощаясь с тобой…

Четвертый закон о рынке труда от 24 декабря 2003-го, регулирующий выплату различных социальных пособий и значительное снижение размера пособия по безработице, названный в честь Петера Хартца, возглавлявшего во время принятия первой версии Комиссию по реформированию рынка труда.

155

Götterdämmerung. Skizze. Briinnhilde: Nach Norden dann blickt durch die Nacht…

156

Там же. Briinnhilde: Nicht Gut, nicht Gold, noch göttliche Pracht; nicht Haus, nicht Hof, noch herrischer Prunk… – Ни добро, ни золото, ни божественная роскошь, ни дом, ни двор, ни пышный блеск…